

уральский

следопыт

№7**** 1981

ГОРОД У КИММЕРИЙСКИХ ПЕРЕПРАВ

Оформление

С. Мальшева

Бетонный столбик с металлической плиткой извещает: «Памятник, охраняемый государством». На этом месте, у поселка Жуковка в Крыму, были древние переправы — античное городище Порфмий. На развалины города, обнесенного с четырех сторон стеною, каждый год приезжает археологический отряд Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

Стена из массивных камней известняка была обнаружена местным краеведом, ныне покойным Василием Васильевичем Веселовым. Будучи инженером-строителем Керченской паромной переправы, Веселов наткнулся на выходы стены, совершая одну из своих многочисленных вылазок по Керченскому полуострову. О своей находке он сообщил в Боспорскую экспедицию...

В 1953 году ученые отрыли на городище несколько домов второй половины VI — начала V вв. до н. э. Обнажились руины городка, стоявшего на пути из Европы в Азию, где лежали знаменитые «Киммерийские переправы»; показались улицы, пересеченные под прямым углом, четкая планировка. Порфмий — с древнегреческого «переправа».

В ходе раскопок Порфмий найдено большое количество фрагментов импортной керамики — посуды, декоративных ваз, глиняных амфор, в которых на Боспор поступало вино и оливковое масло. В руки ученых попали терракотовые статуэтки, целые и фрагментированные. В 1977 году в ранних слоях обнаружена головка из обожженной глины, изображавшая, по-видимому, голову богини земледелия Деметры. В летнем археологическом сезоне 1980 года снова был найден фрагмент статуэтки, изображающей женщину, но без головы.

Уникальны и находки, и сам город, единственный для своего времени из открытых на Боспоре городов с регулярной планировкой.

На снимках: 1. Порфмий. Нижний город. 2. Светильник и игрушечный горшок, найденные при раскопках. 3. Женский торс — фрагмент терракотовой статуэтки.

В номере:

А. Ермаков ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ СОЛНЦЕ	2
ЦВЕТOK НА МРАМОРНОЙ ПЛИТЕ. Стихи	6
В. Истомин ДВОЕ И СТЕПЬ	10
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	18
Н. Петров, В. Симонов РЕЙД НА ВАЗУЗУ	20
О. Климова СКАЗКИ АГАФЬИ МАТВЕЕВНЫ	24
Э. Корнилова ПЕТЬКИНО ЛЕТО. Рассказ	27
А. Бердичевская ОСТРОВ, КОТОРЫЙ ИСЧЕЗАЕТ	30
В. Блинов «ХОЧЕТСЯ РАБОТАТЬ ГОРЯЧО И ПРОДУКТИВНО»	31
Б. Рыбаков АБЛАКАТОВ И ДРУГИЕ	33
К. Новосельский УРАЛ — ШВЕЦИЯ — 3 : 1	42
В. Печенкин КАЗАК ГОРЕВАНОВ. Повесть. Окончание	44
Г. Чугаев КРЕПОСТЬ НА КОЛЕСАХ	61
Б. Руденко РАБОТА ПО ПРИЗВАНИЮ. Рассказ	63
Д. Бабушкин БЕРЕГИТЕСЬ КРНАФСОВ! Футбольная история	63
В. Белоглазкин СКОЛЬЗКО... Рассказ	72
Г. Дмитриин ПОДАРОК ДРУГА	76
А. Омельчук ПОСЛАНЦЫ МЕЗОЛИТА	77
В. Пашин ИЗ РОДА ЛЕРМОНТОВЫХ	78
МИР НА ЛАДОНИ	79

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны: 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 25.03.81.
НС 11103.
Подписано к печати 19.05.81.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62.
Печатных листов 8,8.
Учено-издательских листов 10,5
Тираж 254 000.
Заказ 504.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — ри-
сунк С. СУХОВА

© «Уральский следопыт», 1981 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

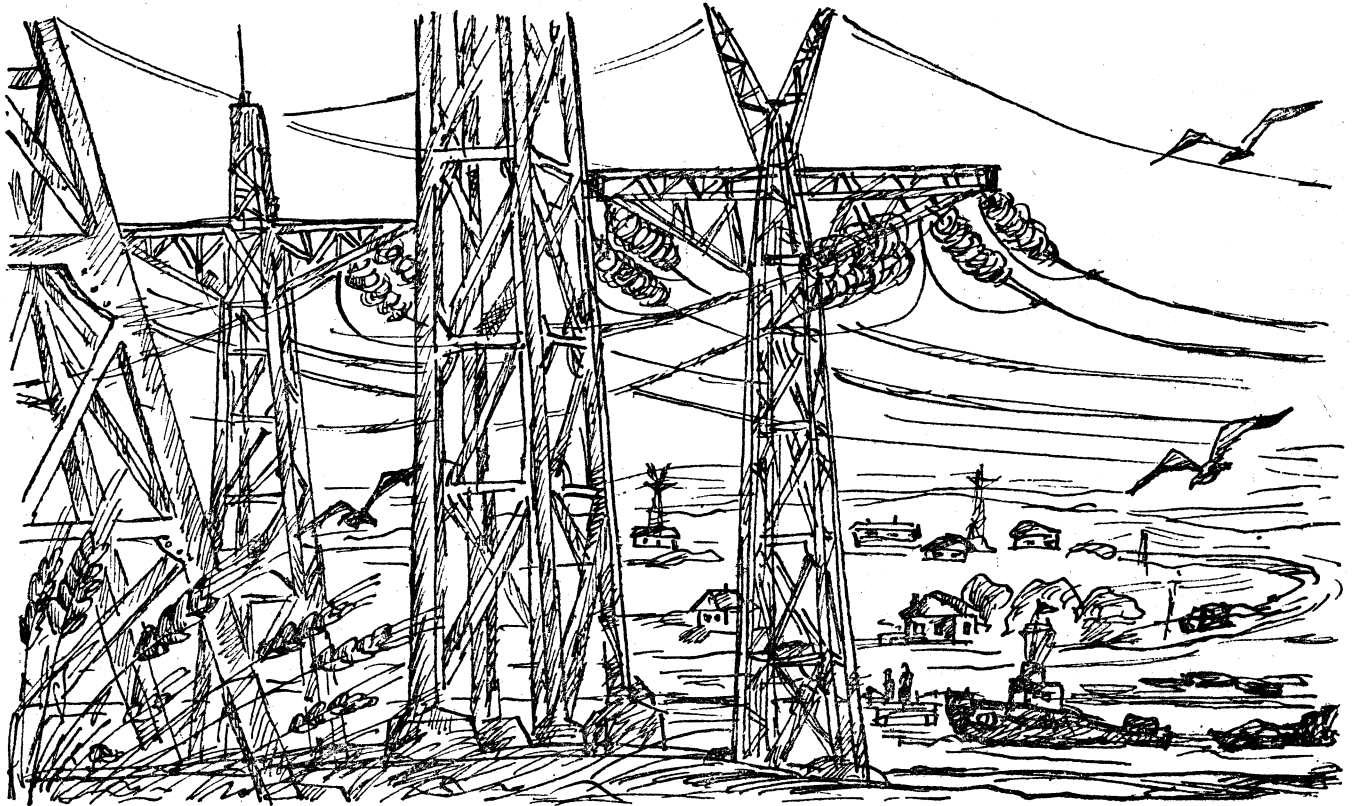

№7 * 1981

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

Электрическое

Александр
ЕРМАКОВ

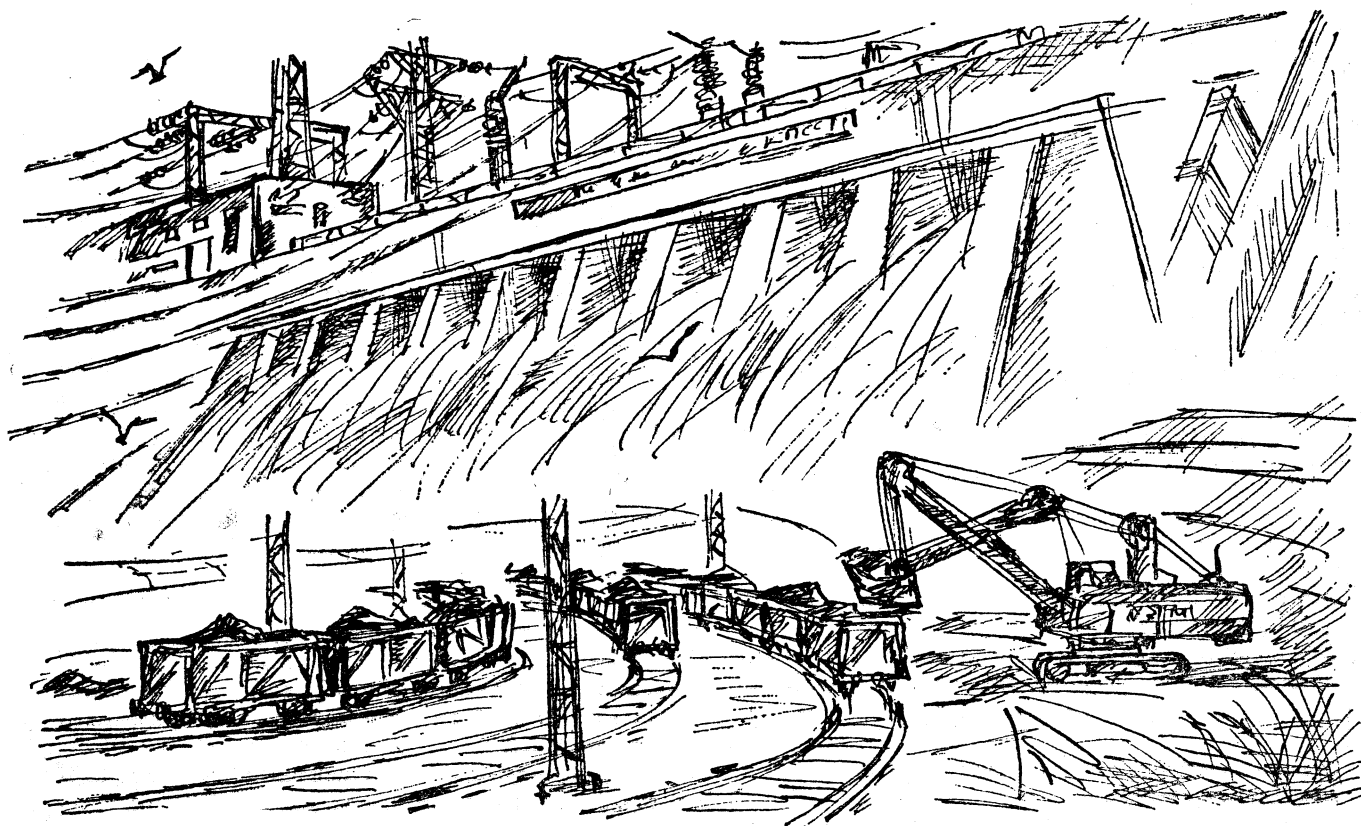

«Ускоренными темпами осуществлять строительство тепловых электростанций, использующих угли Экибастузского и Канско-Ачинского бассейнов, а также природный и попутный газ месторождений в Западной Сибири. Ввести в действие первую очередь линии электропередачи постоянного тока напряжением 1500 киловольт Экибастуз — Центр и линии электропередачи переменного тока напряжением 1150 киловольт Экибастуз — Урал».

«Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».

СОЛНЦЕ

Рисунки
В. Вельбоа

В ясный безоблачный день из окна самолета видна во всем ее многообразии земная твердь. Картины внизу быстро сменяют одна другую. Вот повернулся щетинистым хребтом и остался вдали батушка-Урал, разлилась бескрайним зеленым морем с синими островами озер Сибирь-матушка. А самолет, будто не спеша, летит навстречу ослепительному восходящему солнцу.

И уж сама зелень лесов, бывшая морем, постепенно становится островами. А море — теперь оно желтое и опять бескрайнее — это степь. Какая же она большая, разнообразная и красивая!

Мне, уральцу, привыкшему к горам и лесам, степь вначале показалась скучноватой. И только потом, присмотревшись, я почувствовал что-то зовущее в ее раз-

дольях. Наверное, надо пожить здесь, чтобы взяла тебя степь в свой плен безвозвратно, как полонила многих уроженцев самых различных и далеких мест.

И, конечно же, поразили, ошеломили, словно попали мы на другую планету, открывшиеся посреди степи в земных недрах богатства. Уголь, который недаром называют «черным золотом», лежит почти на поверхности сплошным пластом на десятки километров вдоль и поперек.

Замечено, что природа самые драгоценные свои клады прячет в неприметных местах. Горы-рудницы Магнитная, Высокая, Благодать или Качканар ни вышиной, ни статью не отличаются от своих пустопородных соседок. А земные пласты Тюменщины, под которыми хранятся

несметные запасы газа, и вовсе не остановят быстрого, поверхностного взгляда.

Здесь, в степи, сокровища открыты в 1876 году народным рудознатцем Косумом Пшембаевым. Потом они перешли в руки павлодарских купцов и промышленников. В награду первооткрыватель получил десять рублей, два халата да несколько плиток чая.

И потянулись к сокровищам жадные руки отечественных и зарубежных господ-капиталистов — разных Деровых и Уркартов. Павлодарские «благодетели» пытались продать эти богатства по дорогой цене. Прибыли потекли в карманы чужеземцев. А на долю русских рабочих и казахов остались лишь непомерно тяжелая работа на копях и голодная жизнь в землянках.

Но грянул Великий Октябрь, прошагал по просторам России, вышел в степь к Экибастузу... Постановлением Совета Народных Комиссаров от 10 мая 1918 года, подписанным В. И. Лениным, экибастузские копи были национализированы. Началась их новая жизнь.

Нет, не враз распрощались с богатством капиталисты. Свои, русские, цеплялись за них до последней возможности, помогали Колчаку, бросали в тюрьмы и убивали лучших, самых активных представителей народа. А иностранные капиталисты готовили интервенцию; когда же она провалилась, повели переговоры о концессиях.

Нелегкая проблема стояла тогда перед молодым советским правительством и его главой — Владимиром Ильичем Лениным. С одной стороны, для разрушенного хозяйства холодной России дорог был каждый пуд взятого у земли любыми путями угля. Но с другой — концессионеры навязывали такие договоры, что все богатства доставались им, народу же почти ничего. Капитал всегда верен себе.

И в письме И. В. Сталину для членов Политбюро ЦК РКП(б) В. И. Ленин писал:

«Прочитав договор Красина с Уркартом, я высказываюсь против его утверждения. Обещая нам доходы через два или три года, Уркарт с нас берет деньги сейчас...»

Предлагаю отвергнуть эту концессию.

Это кабала и грабеж...»¹

Дальнейшая судьба Экибастуза подтвердила мудрость и поучительность ленинского решения. Экибастуз занял свое место в ленинском плане ГОЭЛРО. Ленинские слова «Главное из всех вопросов — Экибастуз и его значение для Урала», крупными красными буквами написанные на стенде у дороги, и сейчас читает каждый, подъезжая к степному городу. Ныне только на Урал, подтверждая ленинские слова, отправляет Экибастуз более 20 миллионов тонн угля ежегодно.

Зима в том году выдалась на Урале особенно морозной — температура бывала до минус 50. И когда задерживалось поступление экибастузского угля, тревожно становилось уральцам. Об этом я сказал в беседе с генеральным директором объединения «Экибастузуголь» Станиславом Павловичем Куржеем, одним из знаменитых здешних тружеников, энтузиастов и патриотов, энергич-

ным и по-юношески задорным, несмотря на свою седую голову.

— Помилуйте, неповинны мы в этом! — воскликнул Станислав Павлович и добавил: — Впрочем, сейчас сами убедитесь.

Мы ехали к железнодорожной станции, исполосованной множеством путей. С высоты моста видно, как протянулись на них, будто огромные сигары, готовые к отправке составы, груженные углем. Я насчитал их одиннадцать.

— Забирайте все хоть сейчас, мы новые нагрузим, — показал на них Станислав Павлович. — Не успевает железная дорога. Так и зимой было.

И будто наглядное подтверждение слов генерального директора — работа громадного угольного разреза «Богатырь». Действуют на его горизонтах могучие роторные экскаваторы. Каждый из них может добыть и погрузить в вагоны от одной до пяти тысяч тонн угля в час. Высота «пятитысячника» — 57 метров, это целый завод из сложнейших механизмов, степной корабль. Один «Богатырь» способен погрузить 120 составов в день.

А еще есть гигантский разрез «Центральный». Вскрывается новый разрез «Восточный» мощностью 30 миллионов тонн угля в год; первые тонны будут отправлены в 1983 году.

Около 70 миллионов тонн — десятую часть всего добываемого в стране угля — дает Экибастуз, причем самого дешевого в мире топлива. Четвертой всесоюзной угольной кочегаркой назвал его на XXV съезде партии член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев. А может Экибастуз давать еще больше — вдвое и втрое, в течение сотен лет. Вот какие сокровища!

Только надо ли перевозить весь этот уголь! Ведь тут даже самой совершенной железной дороге трудно справиться. Тем более, что потом почти половина сжигаемого в топках электростанций угля превращается в золу. Сколько же вагонов требуется для перевозки этой ненужной пока никому золы!

Возникла великолепная, возможная лишь в наше время, гениальная и простая мысль: сжигать большую часть угля прямо здесь, в степи, в топках мощнейших электростанций, а в Сибирь, на Урал и в центр России передавать электроэнергию. Для этого нужно построить электростанции. И мысль эта перешла в партийные и государственные документы, наметившие создать здесь Экибастузский топливно-энергетический комплекс — ЭТЭК, легла в основу постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о создании Экибастузского топливно-энергетического комплекса.

Она записана в решениях XXVI съезда партии:

«...В Павлодар-Экибастузском территориально-производственном комплексе наращивать добычу угля... продолжить сооружение крупных ГРЭС...»

Намеченные планы захватывают своими масштабами. Каскад электростанций общей мощностью около 20 миллионов киловатт будет равен почти 40 Днепрогэсам. А гигантский электромост Экибастуз — Центр пройдет на тысячи километров, перешагнет десятки рек, степи, сибирские леса и Уральские горы... Линия постоянного тока

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 45, стр. 208.

напряжением 1500 киловольт будет состоять более чем из пяти тысяч мачт-великанов высотой более тридцати метров. Таких линий мировая практика еще не знала.

Недаром ЭТЭК объявлен всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Все здесь молодо, устремлено в будущее и видится образцом, открывающим завтрашний день.

Своеобразной репетицией великого наступления на степь было сооружение самой мощной в Казахстане и республиках Средней Азии электростанции и молодого города Ермака на берегу Иртыша. Пять лет назад, в 1975 году, был введен восьмой энергоблок мощностью 300 тысяч киловатт, и Ермаковская ГРЭС вышла на проектную мощность — 2400 тысяч киловатт. А в июле 1979 года она уже выработала 100 миллиардов киловатт-часов энергии.

Электростанция, несмотря на свои масштабы, блещет чистотой, опрятностью. Будто находишься в хорошей лаборатории, и работает здесь грамотная и культурная молодежь, начиная с директора и главного инженера; у рабочих в основном среднее образование, много здесь техников, инженеров. Зарплата высокая — в среднем 220 рублей. Да и в самом городе Ермаке живет молодежь: средний возраст жителей города, как сообщил первый секретарь Ермаковского горкома партии Аркадий Степанович Малышкин, — 27 лет. Живут здесь люди тридцати национальностей. И прекрасно находят общий язык.

Вот после этой генеральной репетиции неподалеку от Ермака, в степи, началось сооружение электростанций ЭТЭКа, каждая из которых почти вдвое мощнее Ермаковской. Третий энергоблок первой электростанции комплекса пущен в канун XXVI съезда партии. А потом будут введены еще пять, позднее три таких электростанции... Электрическая река год от года будет набирать силу.

На стройке трудятся почти десять тысяч молодых парней и девушек. Начальнику «Экибастузэнергостроя» Эдуарду Евгеньевичу Филатову 43 года. А строит он уже седьмую электростанцию. Строен, подвижен, тонкое интеллигентное лицо обветрено и улыбочиво. Филатова можно бы принять за комсомольца-добровольца, если бы не спадающая на лоб седая прядь волос.

Нелегко ему приходится, ой нелегко. Не хватает пока жилья. Прислали сюда сборные щитовые дома, которые хорошо зарекомендовали себя на севере. А здесь они не подошли: степной ветер насквозь пронизывает их. Зимой температура в квартирах была 6—7 градусов.

— И тогда мы придумали обкладывать стены кирпичом, — рассказывает первый секретарь Экибастузского горкома партии Геннадий Алексеевич Никифоров. — Теперь никакой ветер не страшен.

Геннадий Алексеевич с гордостью показал молодой, бурно растущий город Экибастуз — с детскими садами и яслями, школами и дворцами. И, наверное, многие из нас позавидовали его жителям. Ведь можно по-разному прожить свои годы. Можно в тепле и удобствах, а потом оглянешься — и нечего вспомнить. А можно вот так, как экибастузцы: у них каждый день — подвиг.

Сами они не говорят об этом и даже, кажется, смущаются, когда говорят другие. Просто каждый день они

строят или добывают уголь, преодолевают трудности и делают это привычно, без громких слов. Но каждый прожитый ими день дает их руками прибавку к богатству народному, украшает степную землю.

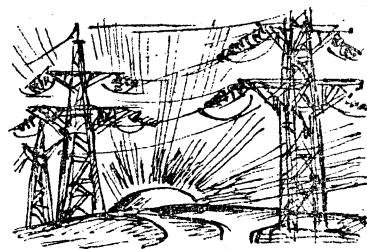
Да и землю они преобразуют. Выкачивают соленые степные озера и наполняют их живительной пресной водой. Прорыли канал Иртыш — Караганда, сотворили реку, которая пересекла иссохшую землю, и в бывшей ковыльной степи зазеленели по ее берегам совхозные поля. Зреют щедро поливаемые искусственным дождем сочные овощи и фрукты.

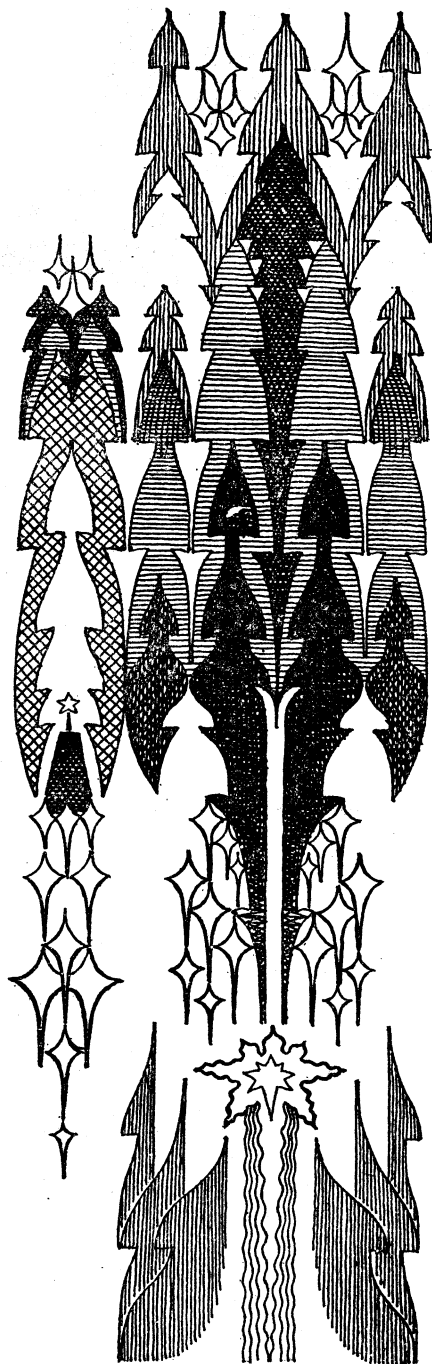
Иртыш — еще одно чудо на Павлодарской земле. Плавали мы по нему на катере, купались в его мягкой, ласковой воде. Нам показалось, что все население Павлодара и других прииртышских городов находится в этот воскресный день на песчаных пляжах, раскинувшихся по берегам и островам на десятки километров.

Радуют глаз бесконечные полосы совхозных и коллективных садов с яблонями, вишнями и клубникой. Каждый новосел может получить участок, заказать садовый домик. Трудись, украшай землю и отдыхай на свежем степном воздухе. Покоряй целину — любую, какую захочешь — хоть степную, хоть индустриальную. И считай, что тебе крупно повезло: быть первопроходцем — это всегда так заманчиво!

...Шесть десятилетий минуло с той поры, как дал отповедь Владимир Ильич Ленин любителям чужого добра. Каким же блестящим подтверждением прозорливости ленинской мысли явились преобразенные трудом прииртышские степи, дарующие людям электрическое солнце.

Экибастуз — Свердловск

Цветок на мраморной плите

Николай
МЕРЕЖНИКОВ

Снег оседает

Снег оседает, копит копать,
И за журчанием воды
Чуть слышится летучий топот
Бегущей по ручью

звезды.
Еще темно — свежо и рано.
Но завтра — вот оно! —

идет
И кулачками барабанит
В оконный четкий переплет.
Да только что стучать без толку,
Когда и стук негромкий —

весть.
И вспыхнуло окно светелки,
И голос девичий:
— Я здесь...
Ее тропинка тянет в ельник
По рыжим вытайкам хвои,
И в синем воздухе весеннем
Шаги ей слышатся свои.
Скорей — на ферму, там — окоты.
Не опоздать бы... жди беды!
...Идешь откуда?
— А с работы...
Небось, не скажет:
— Со звезды!

Мир открыт свободе исчисленья —
Дымных труб,
Покинутых селений,
Пепелищ,
Отеческих могил,
Крохотных росинок

и светил.
Но живая жизнь неисчислима...
Стая листьев, промелькнувших мимо,
Тонких игл сосновых острия,
К струям света льнущая струя.

Вот и я потери
Не считаю.
А стою —

лицо к лицу с судьбой.
Хорошо, что есть одна шестая!
Хорошо, что есть земля простая!
С ней ты станешь вновь
Самим собой.
Есть она —

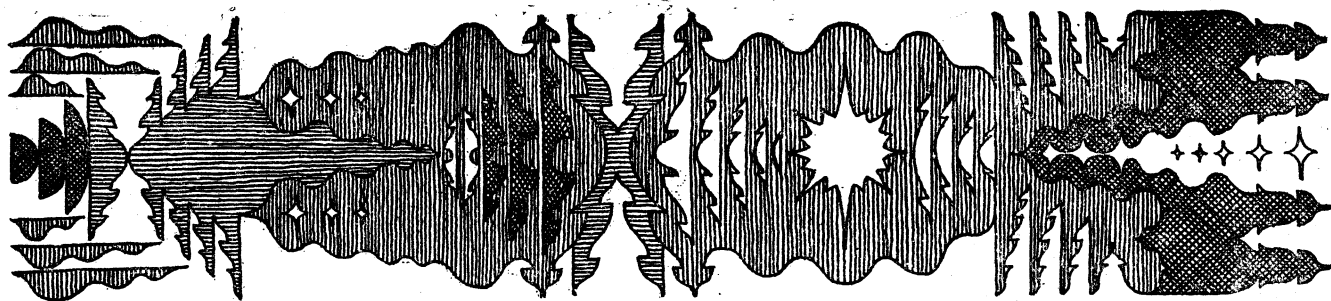
и есть, на все есть мера,
Ею все исчисли и поверь.
Есть она —
и все твои потери
В общем счете
Всех людских потерь.

Несло машину мимо сел

Цветок —
на мраморной плите,
Огонь —
над мрамором парящий.
Мелькнет,
Растает в темноте
Меж будущим и настоящим.
И вновь кусты

смыкают ряд,
Как малахитовые звенья.
А тени легкие парят,
Парят,
как ангелы забвенья.
Но, прорывая темноту,
Опять восходят обелиски,
И свет
листает на лету
Впечатанные в мрамор
Списки.
Несло машину мимо сел,
Как бы в космическом пространстве.
Как много тех,
кто не пришел!
Как много тех,
кто не дождался!

Леонид ШКАВРО

Из похода вернувшийся утром,
под настоенный травами дождь
спит солдат и спокойно, и мудро...
На Суворова чем-то похож...
И не слышит, как с отчей любовью
самый строгий его старшина,
не спеша подошел к изголовью
и стоит — как сама тишина.
Мир пока что нуждается в силе
самых верных и храбрых солдат...
Пусть мальчишки великой России
вырастают в достойных ребят.

Мой трубач

Я не знаю начала,
как не знаю конца,
чтобы песня кончалась
та, что спели сердца...
Имена их на плитах
у державы у всей:
каждый в битве убитый —
в светлой памяти дней.
Может, тоже солдатом
по скончании лет
я оставлю когда-то
свое сердце земле.
А пока что в дорогу
с пожеланьем удач
мне играет тревогу
мой любимый трубач.
Он во мне, он со мною:
от полей до лесов
слышу вечно его я
поупительный зов.

Голос века я слышу
в нем крутой и живой,
что восходит все выше
над моей головой.
Я включаюсь в работу:
как у добрых людей,
пусть чужая забота
станет трижды моей!
Как всегда, нелегко мне
на развилках дорог:
я и знаю, и помню:
ветер века — жесток!
Только что он мне,

сырый,

если не на показ
сотворение мира
продолжается в нас...
А забудь немного,
как торжественный плач,
заиграет тревогу
в моем сердце трубач!
Сам в себе чую топот...
Точно снова в бою,
и в карьер, и галопом
скачут кони мои...
Пусть не кони, а годы
вместо резвых коней,
став вершиной работы,
будут честью моей!
И спешу я взглядеться
в суть державных удач...
Пусть живет в моем

сердце

вечно юный трубач!

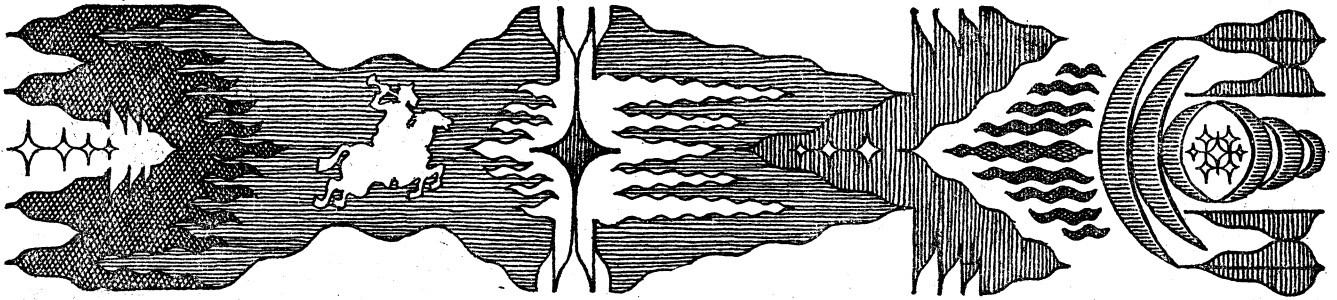
Если б жарче трудились,
напрягали умы,
мы поближе бы были
к грядущему... Мы,
может, выше б летали
над землей и вокруг,
если б враз откликнулись
на любой ее звук...
Вместе с вечной работой
беспокойно живем
мы глобальной заботой
о покое земном.

Все победы России
на ее рубеже,
хоть и так она в силе
неприступной уже.
Пусть под зорькою ясной
будем жить, как жилось,
только б то не погасло,
что однажды зажглось.

Владимир СИБИРЕВ

Символы

В отсеке
Возле изголовья
Он странствовал в морях со мной.
На рукоятке кость слоновая
Чуть отливает желтизной.
А сам он —
Из ижевской стали.
На тусклом лезвии прямом
Нет ни насечек,
Ни медалей,
Лишь номер с заводским клеймом.
...Его снимали не напрасно
Со стен кают —
То помнит Русь,—
Когда на реях реял властно
Флаг: «Погибаю — не сдаюсь!»
— В наш век ракетный,—
Скажут люди,—
О кортике ль парадном речь?
...Но если символов не будет,
То как
Живую связь
Беречь?

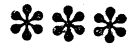
Працур

Как выглядел
 На необжитом месте
 Тот,
 Кто впервые оделил зерном
 Клочок земли,
 Мысль выражавший в жесте,
 Не ведавший теорий агроном?
 Каким он был,
 Сородичами битый
 За безрассудство?
 Это ли не грех —
 Их сытный злак,
 С таким трудом добытый,
 Швырять горстями на глаза у всех?!
 Высок ли, мал?..
 Никто сказать не может.
 А вот рука
 От кисти до плеча
 Была одним уж тем с моею схожа,
 Что знала, как работа горяча.

Майя
 НИКУЛИНА

Клава

Хороша была и молода...
 Все ее красивые ребята
 в сорок первом или в сорок пятом —
 только не вернулись никогда.
 Не хватило Клаве женихов,
 ни худых, ни хворых не хватило,
 на чужих не доставало силы —
 где ей до несбыточных грехов.
 В двадцать лет надеялась, ждала,
 в тридцать приоделась, спохватилась,
 в сорок на могилах голосила,
 а потом и плакать не могла.
 Клава смотрит фильмы о войне,
 мнет в руке застиранный платочек,
 получает пенсию на почте
 и цветы разводит на окне.
 Посреди стремительной страны,
 посреди заснеженной России
 снятся Клаве давние, смешные,
 девичьи застенчивые сны.

Все мы вышли из войны,
 и железного настроя
 инфантильные герои
 детством не защищены.
 Все мы дети матерей,
 самой черной вольной волей
 принимавших злую долю
 для мужей и сыновей.
 Прахом в землю не легли
 и, сменивши поколение,
 свет страданья и терпенья
 в личный чин не возвели.
 Все мы в сердце пронесли
 пламя гнева и утраты.
 Все мы вышли из земли.
 А земля не виновата.

Юрий
 ЛОБАНЦЕВ

Тема детства

Со мной в районе случай был... Итак,
 я в красном уголке хлебозавода
 однажды как-то лекцию читал
 при небольшом скоплении народа.

То было, поясню, на стыке смен.
 Пришли мужчины в телогрейках
 старых,
 пятнадцать женщин в белых
 шароварах,
 подвернутых небрежно у колен.

На полчаса задержан был замес,
 чтоб я, представ в своем парадном
 лоске,
 успел духовный вызвать интерес
 к поэтам, издающимся в Свердловске.

И вот, листая книги молодых,
 я, выступавший на правах
 полпредства,
 сказал, что существует тема детства,
 фактически сближающая их.

И интерес, действительно, окреп.
 Утилитарно публика вздыхала,
 припоминая тот насущный хлеб,
 которого в войну недоставало.

Я взглядом уголок окинул весь,
 все двадцать лиц, морщинами
 изрытых,
 и понял — тот, кто ел всегда досыта,
 наверно, не типичен был бы здесь.

Сидели те, кому под сорок лет —
 не старики, конечно, не старухи,
 но был известен горький вкус
 чернухи
 им, выпекавшим ныне белый хлеб.

Им, выжившим, но, право, не
 железным —
 в зачет каких неведомо грехов —
 чернуха мстила склонностью
 к болезням
 и грубым пониманием стихов.

...Я лекцию прочел без запоздания,
 чтоб трудовой не сдерживать
 процесс,
 и удостоен был рукоплесканий
 как некто, пробудивший интерес.

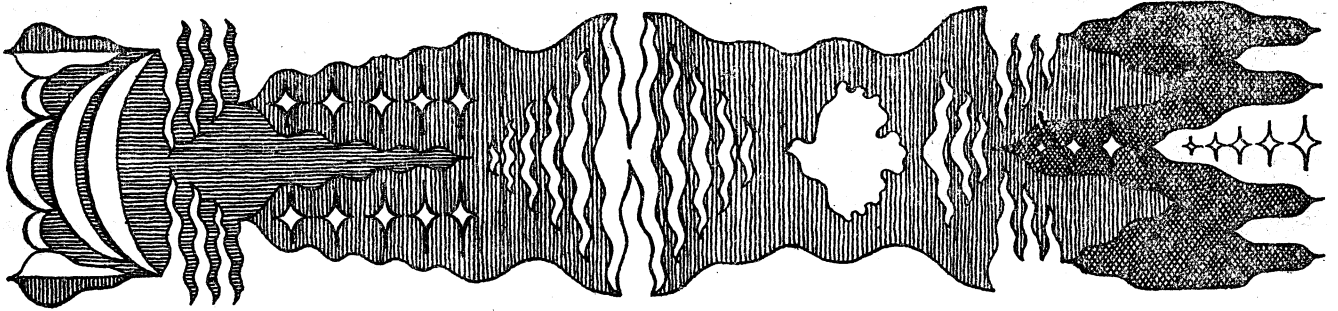
И хоть сказал, что временем стеснен,
 и утверждал, что сыт еще с обеда,
 но свежеснятой выпечки отведать
 был все равно радушно принужден.

Я ел сей хлеб, причмокивая внятно,
 за всех поэтов — вот я в чем грешон,
 за тех, кто пишет просто и понятно,
 и тех, кто формализмом заражен.

Ел за живых и тех, кого уж нету.
 Лежали ломти теплые, дразня...
 Как я хотел бы, чтоб на всей планете
 вот так же люди ели за меня!

Чтоб, не давая пищи для полемики,
 сам призрак пищи горестный исчез,
 и чтобы с детства к названной
 проблеме
 не проявлялся в людях интерес.

И кто-то мне в райцентре под
 Свердловском
 сказал бы так: «Осмелюсь перебить,
 все хлеб да хлеб...
 А с точки философской,
 вот кто заелся — с теми как нам
 быть?»

Венедикт СТАНЦЕВ

Баллада о доброте

Коса брала под самый корень,
 послушно падала трава...
 Росистый май,
 в полнеба — зори
 и во все небо — синева.
 Отец сиял в рубахе белой:
 трава уж больно хороша.
 И солнце жаворонком пело,
 как и отцовская душа.
 Он шел легко, почти не гнулся,
 косарь прославленный,—
 и вдруг
 он стал внезапно,
 как споткнулся,
 и косу выронил из рук.
 Галдели птахи без умолку...
 Отец, печально хмуря лоб,
 держал в ладони перепелку
 и виновато темя скреб.
 В комочек малый сжалась птица:
 пришла смертельная беда —
 две лапки,
 тонкие, как спицы,
 адели в ямочке гнезда.
 Достал он сало из тряпицы
 и, взяв на пальцы жир густой,
 остатки ножек смазал птице
 и обернул тряпицей той...
 Носил отец, пока проселки
 не запорошило снежком,
 в одном кармане перепелку,
 зерно отборное — в другом.
 А по весне, когда туманы,
 как пух, белесы и легки,
 и дух от клевера медвяный
 неслышно плавал вдоль реки,
 когда наполнились проселки
 веселым перезвоном кос,
 отец меня и перепелку
 в луга рассветные принес —
 и разрядился пышной речью,
 что он копил сто зимних дней:
 «Пусть посидит в траве приречной,
 подышит родиной своей...»
 И хорошо так улыбнулся,
 сказав хорошие слова...
 Он шел легко, почти не гнулся,
 и кротко падала трава.

Звенела речка на камнях,
 и я звенел, совсем малец,
 держал я птицу на коленях
 и гладил крылья,
 как отец.

Герман ИВАНОВ

Солнце встает

Над озером тихим витает
 Еще неокрепшая рань,
 Как будто цветы распускает
 В озябшем окошке герань.
 Все ярче озерные блики,
 И тень отступает стеной,
 И солнце встает над великой,
 До боли родной стороной.

По селу

Вперевалочку заборы на буграх,
 Вперевалочку домишки на горе.
 Бабке с ведрами спускаться —
 Божий страх,
 Хорошо — на быстрых санках
 детворе.
 Посредине примороженной зимы
 Звонко хрумят подстывшие пимы.
 Посредине завороженной зимы,
 Словно свечи, подымаются дымы.
 В палисадах, убегающих к реке,
 Спят калины в светло-синем куржаке,
 А под ними (подходи и их бери)
 Георгинами расселись снегири.
 Вдоль околицы, натруживая грудь,
 Трактор медленно протаптывает
 путь,
 Чтоб машины покатали по следам,
 В снежной просеке к неблизким
 городам.
 Удаляется, скрывается в лесу,
 Там, где сосны держат руки на весу.
 Теплый рокот растворится в белизне,
 И за трактором осядет белый прах,
 А вдали мелькнут домишки на горе
 И веселые заборы на буграх.

Брестский мир

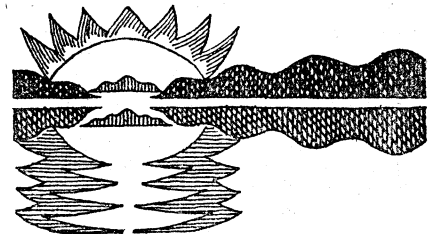
Светает над заснеженной Невой.
 За легкой шторой желтый свет
 истаал.

Там, в кабинете, человек усталый
 Спит, на руки склонившись головой.
 Но и во сне тревожная Россия
 В окопах, деревнях и городках,
 Кляня судьбу, моля святых

всесильных,
 Одно лишь слово держит на губах —
 То крик, то плач, то шепот:
 — Мира! Мира!..

Как в половодье дикая вода,
 Обросшие щетиной дезертиры
 Отчаянно штурмуют поезда.
 История на резком повороте
 В борьбе идей, в смятении свинца,
 И яростно слепые патриоты
 Зовут на бой до смертного конца.
 Им не понять, орущим безоглядно,
 Бушующим страстями левакам,
 Как в Ленина стреляет беспощадно
 В диктате Рейна каждая строка.
 Позорный мир.
 Тяжелые оковы.
 Отчаянье и горе на пути.
 И надо слово.
 Надо только слово,
 Чтоб, часть теряя, сохранить основу
 И дальше Революцию вести...

*Рисунки
В. Меринова*

ДВОЕ И СТЕПЬ

**Вадим
ИСТОМИН**

*Рисунки
С. Сухова*

Сколько дней может выдержать человек без тепла и пищи? Неделю! Два! Три! Нет пределов мужеству человека. Оно не поддается количественной мере. И человек просто обязан найти в себе силы, чтобы выйти победителем из роковых обстоятельств. Обязан, во имя торжества человеческого в человеке. Вспомним: легендарный Алексей Маресьев; геологи Кошурников, Стофато и Журавлев; четверка советских моряков, оказавшихся в открытом море на неуправляемой барже — Зиганшин, Поплавский, Крючковский и Федотов; летчик Юрий Козловский... Надо верить: нет безвыходных ситуаций.

Часто бывает: настоящая проверка мужеству может случиться в самый неожиданный момент, как это произошло с героями очерка. Очерк построен на строго документальной основе.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. Пятница

...Отряд гидрогеологов раскинул базовый лагерь в пустой приаральской степи — ни одного деревца, ни кустика, ровная, как стол, земля и лишь кое-где пологие холмы. Третий месяц Валя Кауртаева была в поле. В начале октября погода испортилась. Почти все время шли дожди. Ей, геологу, не привыкать к непогоде и трудным условиям. Но нынче она больше обычного устала. Ей надоело ходить в брюках, резиновых сапогах и куцей телогрейке. Хотелось сбросить все это с себя, как мокрую лягушечью кожу, и, надев платье и туфли на каблучках, превратиться в царевину... Да и ноябрьские праздники были на носу. Она собиралась провести их у сестры в Челябинске.

Наконец в отряд прибыл бензовоз «Урал» с соляжкой. Только на нем Валя и могла выбраться отсюда, чтобы поехать в долгожданный отпуск.

...Валя забросила на сиденье кабины рюкзачок с вещами и прощально махнула ребятам рукой.

Водитель бензовоза в отряд приехал впервые. На вид лет сорок. Тонкие, плотно сжатые губы, острый нос, рыжая щетина на подбородке. Вале он не понравился. «Злой какой-то», — подумала она. — Хмурый...»

В кабине расположилась поудобнее — путь предстоял неблизкий. В лучшем случае они доберутся до Актюбинска к вечеру следующего дня, то есть — в субботу.

Стемнело очень быстро. Уже через час после отъезда пришлось включить фары.

— Зовут-то вас как? — спросила Валя, чтобы нарушить ставшее тягостным молчание.

— Меня? — встрепенулся шофер. — Владимир Онуфриевич Адамчук.

И он снова умолк, сосредоточенно глядя в дорогу. Пустая машина шла быстро, разбрызгивая лужи в рытвинах дороги.

...В двенадцать ночи начался сильный дождь. Белые струи метались перед фарами. Дворники не успевали стирать воду с ветрового стекла. Колеса расхотелись в разные стороны. Адамчук старался держаться той, что шла прямее. Здесь, в этих глухих местах казахской степи, и дорог-то в привычном смысле не было. Равнина позволяла машинам ездить в любом направлении. И стоило один раз проложить колею, как она надолго становилась дорогой.

Миновав несколько развилок, Владимир Онуфриевич остановил машину.

— Все, приехали! Будем ночевать здесь...

...Спала Валя крепко, привалившись к дверце и положив под голову рюкзачок. Оказалось, спать можно и сидя.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Утро курилось густым молочным туманом. Колея раскисла, наполнилась мутной водой. Валя взглянула на небо — оно было затянуто серой пеленой.

— Как спалось? — улыбнулся Владимир Онуфриевич и тут же, не дожидаясь ответа, заворчал: — Черт меня закатай! Дорогу развезло. Даже «Урал» может застрять...

...Машина медленно, враскачку, тронула с места. Внезапно она судорожно дернулась и забуксовала. Адамчук вылез и взял в руки лопату. Было слышно, как он пыхтит, подкапывая землю под колесами. Минут через пятнадцать «Урал» с трудом вылез из ямы.

— Ты не волнуйся, — сказал Адамчук. — Сейчас проедем холмы, а там рукой подать до железной дороги...

— А я и не волнуюсь, — ответила Валя.

— Не повезло нам с погодой, — сказал Адамчук. — Хотя бы солнце выглянуло разок! Ведь я, — он постучал себя пальцем по голове, — как нарочно не взял ни компаса, ни карты. Всегда беру. А тут — торопился выехать и не захватил... Попробуй теперь разбери — в какую сторону едешь...

За день они преодолели не больше двадцати километров. Липкая глина наматывалась на колеса. Машина то и дело застревала в бочажинах, доверху наполненных водой. Адамчук выходил и яростно орудовал лопатой.

Когда стемнело, заглушил мотор:

— Будем ночевать...

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Утром оказалось, что машина стояла неподалеку от летних загонов для овец. Дорога и вела, по-видимому, к этим загонам. Дальше она была ненакатанной, еле приметной. Адамчук с беспокойством подумал, что он мог и заблудиться. Он хорошо знал коварство здешних проселочных дорог, ведущих зачастую «в никуда» — на бывший стан косарей, на заброшенную буровую, к какому-нибудь загону для скота. Закружишь — не выберешься...

Но Адамчук отбросил сомнения. Если машина не подведет — они должны скоро выехать на проторенную дорогу.

«Плохо с едой, — думал он. — На двоих одна буханка хлеба и немного воды: долго с этим не протянешь. Вообще-то, эта девчонка держится молодцом. Не жалуется...»

Большую часть хлеба Валя еще вчера отдала ему. Когда он попытался протестовать, закричала: «Даже не спорьте! Вы за рулем. А мне-то что! Мне даже ни чуточки не хочется... Завтра все равно приедем...»

Он думал, что они вот-вот выберутся к какому-нибудь поселку и тогда поедят горячего. Поэтому долго спорить не стал — съел весь хлеб, который она ему дала...

Ночь на понедельник застала их посреди степи. Поужинали они куском хлеба и водой из лужи.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Невероятно! Утром показалось солнце, ударило лучами слева. Но почему с той стороны? Несколько мгновений Адамчук не понимал, радоваться или нет. Почему слева? Что это значит? Неужели они едут к югу! Два дня с таким трудом пробиваются... в сторону Каракумов! Туда, где нет ни железных дорог, ни жилья! В пустыню...

Вечером Валя порылась в рюкзачке, достала тонкую школьную тетрадку в клетку. Она рисовала в ней силуэты понравившихся платьев и фасоны кофточек. На пятой, пустой странице вывела шариковой ручкой: «Впечатления от маршрута». Поставила дату: «31 октября, понедельник». Подумала, глядя в забрызганное грязью окно. Судя по всему, им еще по меньшей мере несколько дней не выбраться к Актюбинску. Так что будет о чем рассказать в дневнике. Вечером она записала:

«В пути находимся третьи сутки. В запасе есть немного мяса и грамм по сто хлеба. И оптимизм. Чистой воды, правда, очень мало. Сегодня опять разбавляла ее водой из лужи. К концу дня решили двигаться в другом направлении. Будем ехать и ночью...»

Если в субботу Валя почти не чувствовала голода — ей вполне хватило двух ломтей хлеба с водой, — то уже в воскресенье почувствовала сильный голод. Но Валя по-

нимала, шоферу еще трудней, и потому большую часть хлеба отдавала ему. Выручало то, что она пила много воды. Вода глушила голод. Но ненадолго. Сегодня, в понедельник, чувство голода стало невыносимым. Хотелось тут же, не откладывая, доесть весь хлеб и мясо — она была готова есть его даже сырым.

«Нельзя! Нельзя! — уговаривала себя. — Неизвестно, сколько еще придется ехать. Может, не меньше пяти дней... И тогда без еды будет совсем плохо. Надо терпеть...»

Но во время очередной остановки она взяла газету и выложила на нее все, что у нее было: ломоть хлеба и четыре куска сырого сайгачьего мяса, которое везла в Актюбинск подругам. Это мясо ей накануне, как нельзя кстати, подарил пастух казах, который проезжал через базовый лагерь.

— Вот,— сказала она.— Давайте решать — что будем делать.

— Да-а,— протянул Адамчук,— припасов не густо... Хлеба, если даже растянуть, хватит на два укуса... Но все равно, думаю, мясо пока трогать не стоит.

Днем съели по кусочку хлеба. Ужина у них не было.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Утром машина прочно села на оба моста. Адамчук поковырял было лопатой, потом плюнул, отбросил лопату и сел в кабину. Желваки ходили под заросшими щетиной и грязью скулами.

Неожиданно хлынул ливень. Крупные капли гулко стучали по крыше. Адамчук и Валя сидели, слушая этот шум, и молчали. За пять дней, которые они были воей случая вместе, они даже как следует не поговорили.

— Давайте завтракать,— сказала Валя, вынув последний кусочек хлеба.

— Давайте,— вяло сказал Адамчук и вздохнул.— Со мной за двадцать лет работы еще ни разу не было, чтобы я заблудился. Это все туман.

Он пожевал хлеб.

— Послушай, ты не волнуйся. Выберемся... Странно, что ты мне до сих пор не закатила истерику... Я все время ждал, что ты вот-вот начнешь кричать и плакать.

— Вот еще! — фыркнула Валя.— Никогда со мной такого не будет!

— Нас уже, наверное, ищут,— сказал Адамчук.— В ноябрьские праздники будешь дома...

Адамчук вовсе не был уверен в таком исходе. Он понимал, что если они будут ехать такими темпами, то им понадобится еще несколько дней. Он понимал, что поиски, если их и начнут, тоже многого не дадут. Никто не знает, в какую сторону они поехали, никому и в голову не придет разыскивать вдали от дорог. Да и как искать: машины не проедут, самолету не подняться из-за тумана.

Из дневника.

«Стоим. Машина забуксовала. На улице идет дождь. Утром съели последний кусок хлеба. Не теряем надежды на благополучный исход нашей истории. Дело еще не совсем пропащее. Из всякого трудного положения всегда есть выход. И мы будем его искать. Вот только кончится дождь... В мире, кажется, нет ни души...»

Почему-то в эти минуты вспоминаются сильные люди. Те, что шли вперед наперекор всему. Сварили 300 граммов мяса на два дня. Вечером съели по 50 грамм и легли спать...»

Теперь они спали на сиденье по очереди, чтобы можно было хоть немного вытянуться. Все больше мучил голод. Особенно по вечерам...

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Они встали, едва лишь начало светать, и сразу же принялись за работу. Машину удалось вытащить из грязи только к двенадцати часам. Отдышавшись, съели оставшееся вареное мясо и вновь тронулись в путь. День был трудным. Они никак не могли выбраться с этого кряжа с его нескончаемыми холмами. К вечеру Адамчук уловил в шуме мотора посторонние звуки. Либо от перегрузки, либо от добавленной в бензин солярки мотор «застучал». Вскоре он почти не тянул, хотя надрывно стонал. Наверное, подумал Адамчук, вышел из строя какой-нибудь поршень. В шесть вечера он заглушил двигатель.

— Все! — сказал глухо.— Больше у нас нет машины...

— Как это? — не поняла Валя.

— Мотор полетел...

— Что же теперь делать?

Адамчук пожал плечами:

— Подождем до утра. Там будет видно...

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Из дневника.

«...После вчерашней остановки больше не двигались. Машина не тянет. С утра ничего не ели. Экономим пищу. День так и прожил...»

Они сидели в машине и разговаривали. Время шло незаметно. Иногда они надолго замолкали, прислушивались к тишине, пока кому-нибудь не приходила в голову новая тема для разговора. Потом Валя решила повторять физику и достала потрепанный школьный учебник — она собиралась поступать в геологоразведочный институт. Читала вслух, Адамчук терпеливо слушал...

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Из дневника.

«...Третий день ждем помощи. Пока наше состояние нормальное. Едим через день. Чтобы не тратить калорий, лежим и мечтаем... Дез с утра пасмурный, ничего хорошего не предвещает.»

Они сидели в кабине и думали — каждый о своем. Внезапно Адамчук громко сказал, будто продолжая мысленный разговор с воображаемым собеседником:

— Нет-нет! И не говори! Надо идти! Просидишь в этой кабине. Сможешь?

— Идти?!

— Ну да! Идти! Пешком! К людям!

— Я не знаю,— сказала Валя.— Я попробую пройти несколько километров, и посмотрим, как у меня получится — хорошо?

— Нет, Валя,— сказал вдруг Адамчук.— Будет лучше, наверное, если я пойду один. Быстрее будет. Я найду людей и сразу же вернусь с помощью. Вытащим машину... А то ведь нас не найдут. Застряли-то мы, видишь, в низине. А для самолетов погода все время нелетняя. Так может и еще месяц продолжаться. Километров сто будет, как мы ушли в сторону от всех дорог... А я дойду. Добуду трактор и приеду... Ладно?

Сварили оставшееся мясо. Когда Валя понесла ведро к машине, только тогда неожиданно почувствовала, как сильно ослабла. Ее пошатывало, дрожали ноги.

— Ох, да ты качаешься,— подхватил ведро Адамчук.— Ты, я смотрю, совсем ослабла...

Мясо они разрезали перочинным ножом на тридцать два кусочка. Сидя в кабине друг против друга, смотрели на мясо. Каждый думал об одном и том же — хотелось немедленно, тут же съесть пахучее, дымящееся мясо, насытиться.

Валя пододвинула себе несколько кусочков:

— А остальное тебе,— сказала она и отвернулась.

— Ты что, Валя, спятила?!— задохнулся Адамчук.— Сначала хлеб подсовывала. И опять за свое! Только поровну... Нет, тебе я оставляю большую часть. Потому что я скоро выйду к людям— а тебе еще ждать, пока мы доберемся обратно...

— Нет!— замотала головой Валя и зажмурилась.— Мне сидеть, а не идти. А тебе надо будет хоть немного подкрепиться, чтобы дойти. Еще свалишься в дороге... Забирай мясо, не спорь...

...Наконец, после долгих препирательств, Адамчук взял восемнадцать кусочков мяса— по шесть на день. Он собирался дойти до людей за три дня. Вале оставалось четырнадцать кусочков, каждый из которых был размером с четверть спичечного коробка...

Владимир Онуфриевич долго и тщательно заматывал портянки. Завернув мясо в обрывок газеты, он запихнул сверток в карман, взял с собой небольшую канистру с водой и монтировку.

— А это зачем?— удивилась Валя.

— Обороняться... От волков, конечно.

На прощанье они пожали друг другу руки.

— Держись!— сказал Владимир Онуфриевич.— Самое большое— я буду через шесть дней... Держись!

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

Валя никак не могла привыкнуть к тишине. Она мучила и томила. Изредка, когда слышался слабый шум ветра, ей чудился звук далекого мотора— то ли самолета, то ли машины. Привстав, она тчетно пыталась что-нибудь разглядеть через покрытые каплями дождя стекла кабины.

Ровно в час решила приступить к первой трапезе. Ее дневной рацион: кусочек мяса и стакан холодного бульона, еще оставшегося на дне ведра.

После обеда привела в порядок свое жилище. Вытерла кабину ветошью, вымела всю грязь, скопившуюся в дороге, расстелила на сиденье спальник. Старый, зеленый ватный спальник, который давно служил ей верой и правдой. Все уголки кабины она обшарила в поисках какого-нибудь чтива— книги или журнала. Нашла только потрепанный номер журнала «За рулем» и несколько обрывков газет. Она читала все это вперемежку с учебником физики...

Из дневника.

«Прошли сутки, как ушел Володя. Еще один день позади. Уже темнеет, и никто за мной сегодня не придет. А впереди длинная холодная ночь...»

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ

Очень хотелось пить. Вода в фляжке, которую она вчера набрала в яме, кончилась. Надо было вылезать из теплого спальника на «улицу». Мысленно она так и говорила себе— «улица», хотя пустынная степь весьма мало походила на нее.

...Она открыла дверцу. Ветер ударил тугой и студенной волной. Ночью, как оказалось, был заморозок, лужи замерзли, превратившись в хрустящие зеркала. Валя подхватила флягу и побыстрее закрыла дверцу кабины. Яма с водой покрылась такой толстой коркой льда, что она с трудом разбила его, чтобы наполнить флягу.

«Если и дальше будут такие холода, то вся вода вымерзнет,— подумала с испугом.— Надо будет набрать ее в ведро и поставить в кабине».

Она теперь все чаще ловила себя на том, что постоянно думает, как продержаться, как выжить, как не пасть

духом. Ей казалось, что она сумеет справиться с голодом и с холодом. Она убедила себя в том, что неделю вполне продержится. Еду она решила распределить так: по два кусочка мяса в день. Хватит на неделю.

А потом Валя решила заняться делом. Достала шерстяные нитки, спицы и принялась вязать. «Надо,— думала она,— связать себе носки...» Носки у нее никогда не получались, она не знала, как вязать пятку. Но сейчас можно попробовать— времени предостаточно!

Из дневника.

«Сегодня праздничный день. У всех приподнятое настроение. Все хлопочут. Женщины бегают по магазинам, покупая к празднику что-нибудь вкусенькое... В городе завтра будет демонстрация. А мне придется лежать в холодной кабине и ждать, что вот-вот свершится чудо, и я услышу и увижу вертолет или машину, которая идет на помощь...»

Кабина все больше остывала под порывами холодного ветра. Чтобы хоть немного согреться, Валя съежилась в спальнике. Засыпая, она уже в который раз вспомнила Адамчука и с ужасом подумала о том, что он вполне мог замерзнуть— вчера был сильный дождь, а ночью стукнул мороз. А промокшая одежда— не лучшая защита от холода...

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ

Валя опустила стекло дверцы и крикнула в степь: «Поздравляю всех с праздником Октября! Будьте счастливы!» Потом она неподвижно сидела до полудня, обхватив руками колени. Она представляла себе, как идут праздничные колонны в Актобинске. Идут ее подруги, машут флажками и яркими бумажными цветами. А потом она «переключилась» на парад и демонстрацию в Москве. Счастливые веселые люди, и никто не подозревает, что в далекой степи медленно умирает от голода девочка, которой еще жить да жить, рожать детей, воспитывать их. Ей стало очень грустно...

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Из дневника.

«Сегодня довольно холодно. Вода застыла даже в ведре, даже в кабине. С утра сходила за свежей в овраг. И убедилась, что далеко идти я вряд ли смогу. Силы с каждым днем уходят. И если меня в ближайшие дни не найдут, то я умру— и даже не от голода, а от холода. Уже ничего не хочется делать— ни вязать, ни читать. Только ночью освобождаюсь от тягостных мыслей и вижу мирные, спокойные сны. И почти каждую ночь маленьких детей...»

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ

Из дневника.

«Сегодня уже среда. С утра занималась утеплением своей кабины. Но все равно во все щели дует. В окно уже не гляжу, потому что мороз так разрисовал стекла узорами, что ничего не видно, если не оттянуть дырочку. Стало настолько холодно, что я стараюсь не вылезать из спальника, чтобы не терялось мое тепло. Ведь энергию мне брать неоткуда. Пишу дневник и постоянно приходится дышать на ручку, чтобы отогреть пасту. Вода в ведре сегодня замерзла сантиметров на пятнадцать. Утром я с большим трудом раздолбила лед, чтобы напиться...»

ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Уже вторую ночь Валу мучили кошмары: ей снилось, что она ест последнее мясо. Она просыпалась с чувством непоправимости своего поступка. Чтобы этого не произошло на самом деле, она спрятала драгоценный пакетик подальше.

Мучило отчаяние — она понимала, что если бы ее искали, то уже нашли бы.

Что делать? Сидеть, ожидая смерти? Ведь завтра начнется последний, крайний срок возвращения Адамчука... Жив ли он? В степи в такое время года все может случиться. Он мог замерзнуть. Мог погибнуть, наступивший волчьей стаей. Мог, наконец, просто-напросто окончательно заблудиться и свалиться от истощения и усталости... Может, подумала Валя, ей самой сделать попытку, бросив машину со спасительной кабиной, дойти до людей? Все-таки какое-то движение, борьба, а не пассивное ожидание...

В этот день туман рассеялся. Мелкие лужи вымерзли, земля отвердела. Поэтому сегодняшней день Валя выбрала для того, чтобы попытаться отойти от машины.

Осторожно спустившись с подножки, она почувствовала необычную легкость: шла, будто летела. Засекла время и направилась в ту же сторону, в какую ушел пять дней назад Адамчук.

Легкость исчезла уже через несколько десятков шагов. Идти стало трудно, ее будто прижимало к земле неведомой тяжестью. Пройдя не больше полукилометра, Валя повернула назад. Она еле шла, боясь упасть. Ей казалось — упади она, встать уже не будет сил! Скорей бы дойти до машины! Валя с трудом добрела до нее, вползла в кабину... Поход этот стоил ей не только немалых усилий, но и уменьшения драгоценных запасов — кусочка мяса и полуфляги воды.

ДЕНЬ ПЯТНАДЦАТЫЙ

Из дневника.

«Сегодня уже две недели, как мы выехали. А нас еще до сих пор не нашли. Сегодня кончился срок, когда Володя обещал вернуться. Значит, он погиб в степи.

Ах, как бы я хотела превратиться в птицу или серого волка... Почему не придет добрый молодец спасти меня? Куда спрятались добрые феи? Ах, если бы я жила в волшебной сказке...

Сегодня ночью очень сильно болели обе почки. Наверное, это от холодной воды».

Валя решила еще раз проверить силы. Снова пошла к северу. Но вскоре остановилась: метрах в двухстах от нее стоял на гребне холма волк. Страх на мгновение сковал ее тело. Но она тут же справилась с собой и — откуда взялись силы! — быстро пошла к машине.

Волк же не спеша прошел по гребню и скрылся.

...С этого дня Валя каждое утро видела в округе и даже возле машины множество волчьих следов. Наверное, подумала она, почуяли скорую добычу...

Остаток дня Валя бесцельно пролежала, укрывшись спальником, как одеялом, и неподвижно глядя в потолок кабины. Она на нем, кажется, изучила уже каждую царапину или пятнышко.

ДЕНЬ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Из дневника.

«...Сегодня снова достала вязание. Решила закончить носки, а то очень мерзнут ноги. Сделаю полезное дело. Да и время пойдет скорее. Вот только никак не могу вспомнить, как правильно вяжется пятка...»

ДЕНЬ СЕМНАДЦАТЫЙ

Из дневника.

«...Как я соскучилась по человеческому голосу... С каждым днем все больше ощущаю безнадежность своего положения. Мы все-таки сильно избалованы цивилизацией. Перед трудностями мы пасуем, чуть что — теряемся. А если победить?.. С утра приступила к вязанию второго носка. А первый получился даже симпатичный...»

АДАМЧУК

...Утро снова выдалось туманным. Адамчуку уже начало казаться, что природа не знает другого состояния, как только поливать землю дождем и накрывать ее холодными туманами.

В это утро, на восьмой день хода, он наконец набрел на сарай, трубы — какие-то признаки человеческой жизни. Неподалеку от стана он нашел убитого волка. По-видимому, он был убит охотниками, и довольно давно. Хоть какая-то еда...

Сарай был очень кстати. Здесь Адамчук мог наконец сделать передышку — остановиться на день-два, чтобы залечить ноги. Сказать, что передвигался он с трудом, значит, ничего не сказать. Удивительно, как он вообще мог ходить! Кожа на ступнях его ног была содрана и разбита (развалившиеся сапоги пришлось выбросить). Каждый шаг причинял невыносимую боль, которую Адамчук в горячности ходьбы поначалу не замечал. А сейчас, когда он, сев на землю в сарае, посмотрел на свои ноги, из груди его непроизвольно вырвался стон. Он понял, что, пока не залечит эту сплошную рану, идти не сможет...

Ползая на коленях, Адамчук отдрал в сарае несколько ветхих досок, собрал мусор, щепки, горсть сена и развел костер.

Он начал лечение — подносил ступни ног к огню, подсушивая рану. Когда костер потух, собрал горстями легкий белый пепел и посыпал на ноги. О том, что жар огня свертывает кровь на свежих ранах, Владимир Онуфриевич знал хорошо. О лечении золой, которая будто бы уничтожает микробы, он слышал от знакомых, и, хотя вовсе не был уверен в эффекте такого лечения, сыпал горячую золу обильно и только кричал от боли.

В сарае просидел, не вылезая, весь день, вечер и ночь, то и дело раздувая угли и подбрасывая щепок, чтобы еще и еще раз сунуть ноги к огню. Ноги, руки и лицо его были черны от золы и пепла...

И этой ночью он почти не спал — уснуть не давало сильное возбуждение и боль в ногах. Мысли его, путанные и лихорадочные, постоянно возвращались к Вале. «Выдержит ли девчонка? — думал Адамчук. — Миновал восьмой день, как я ушел... А еды у нее — можно съесть за один присест...»

ДЕНЬ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

Этот вечер оказался переломным в настроении Вали Кауртаевой. Словно миновал кризис тяжелой болезни, когда у человека, чувствовавшего себя обреченным, неожиданно наступает облегчение.

У нее в конце концов сколько угодно воды — только на воде можно прожить, как минимум, неделю! И еще у нее осталось двенадцать кусочков мяса. Если съедать по одному в неделю, то ей хватит пищи на целых три месяца! Можно поискать травы или камыша — все годится... Одежда у нее есть. Спички есть — целых десять штук! Правда, когда начнутся холода, кабина «Урала» перестанет быть надежным укрытием — металл быстро

отдает ветру тепло. Как быть? Может, вырыть землянку — земля под снегом лучше охранит ее от морозов...

«Да, да, надо работать! — думала Валя. — Надо выжить во что бы то ни стало...»

ДЕНЬ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

«Жизнь дана мне, чтобы жить» — эта донельзя простая и неоспоримая мысль долго вертелась у нее в голове. «Каждому, — размышляла она, — дан отрезок времени, чтобы вырасти, чтобы любить и страдать, испытать и счастье, и муки, чтобы родить и воспитывать детей, себе подобным... И если дана тебе жизнь, используй ее до конца...»

А ведь она только пригубила из этой чаши. И еще ничего не успела сделать. Ни влюбиться как следует. Ни стать счастливой невестой. Ни родить ребенка. Как мало видела! Как мало испытала! Она мечтала хоть раз в жизни увидеть наяву море, большое, синее, соленое, броситься в его волны... В следующий год Валя собиралась с подружкой поехать в Крым или на Кавказ. Неужели не суждено?..

...Валя вздохнула и выглянула в окошко. Рассвет рассеял последнюю мглу, спрятавшуюся в низинах. Можно было выходить. Она надела новые шерстяные носки, сунула ноги в сапоги, застегнула телогрейку на все пуговицы, чтобы не мерзнуть... Шагах в двадцати от машины облюбовала место для землянки. Здесь склон холма был особенно крут. Чуть ниже — яма, в которой она берет воду. Место самое подходящее.

Пока она ходила по склону, почувствовала, что силы на исходе. Она удивилась ощущению, будто позвоночник уже не может прямо держать ее тело: земля тянула к себе, как магнит, пригибала, тяжесть давила на плечи. И ей надо было здорово упираться, чтобы держаться более или менее прямо, чтобы не спотыкаться на каждом шагу и не упасть.

Короткая лопатка, с помощью которой Адамчук «сушил» колеи, показалась ей тяжелой. Копнула один раз, с трудом отбросила комок липкой земли. «Вот и заложил первый камень своего будущего жилища». Копала она медленно, с частыми передышками. Часа через два, сделав углубление в полметра, бросила лопату и вернулась в кабину... Дрожали руки. Но Валя взялась за вязание. Решила связать носки и для подруг.

...Теперь ей даже лежать было больно. Почему? Смех и только — она так похудела, что выпирали кости. И, укладываясь спать, она подолгу ворочалась с боку на бок, хотя, когда она ворочалась, к горлу тотчас подступала неприятная тошнота...

АДАМЧУК

Два дня Владимир Онуфриевич сушил раны, пытался жевать сено. Чтобы утолить голод и жажду, сосал тонкие льдинки из луж... Утром третьего дня стоянки решил снова двинуться в путь. Обмотал ноги, как обмотками, тряпками — для этого порвал майку, нижнюю часть рубашки, трусы. Получилась и перевязка и некое подобие обуви, правда, обуви не очень долговечной, но в таких условиях единственно возможной. Передвигая ноги, как ходули, он пошел по одной из четырех дорог, которые вели когда-то к стану. Сначала медленно, потом все быстрее.

Ночью Адамчук поднялся на холмы, пересек пересохшую речушку, вываляв свои обмотки в грязи. Ждать утра и отдохнуть он не мог по одной лишь причине — начался такой сильный заморозок, что сидеть на месте больше двадцати минут не было никакой возможности — он замерзал до озноба.

Утром увидел свежие следы. «Наверно, охотники...» — подумал он и обрадовался. Часа через два показались знакомые ржавые трубы и сараюшко... Он уже в который раз сделал круг! Безмолвно и тупо смотрел Адамчук на знакомый стан — все эмоции его «ушли» в ноги. На следующее утро надо было снова идти — уже по другой дороге.

Ночью, сквозь дрему, он слышал волчью возню. Монтировка была рядом, и без боя он не сдался бы...

ДЕНЬ ДВАДЦАТЫЙ

Из дневника.

«...Тружусь над своим зимним жилищем. Дело, конечно, продвигается очень медленно. Но скоро надеюсь справиться новоселье. За день чертовски устаю. Невыносимо болит спина, ноги, руки. Все ладони в мозолях и волдырях. А перед сном еще нужно немного повязать. Начала вязать рукавицы — они мне очень пригодятся. Погода сегодня опять пасмурная. Видимости никакой...»

Валя вспомнила, что слышала когда-то, что корни камыша съедобны. Надо поискать и обычной травы. Можно устроить охоту на сусликов — их попискивание она слышала по утрам. Можно сделать рогатку и попытаться подстрелить какую-нибудь пташу. Впрочем — решила Валя — с рогаткой ничего не выйдет: она попросту не попадет в цель, дрожат руки...

Опираясь на свой штырь-посох, Валя походила по склону холма и нашла, к своему удивлению, несколько зеленых травинков. Каким-то чудом вылезли они из каменной, скупой земли накануне заморозков и сейчас заледнели. «Вот и свежемороженые овощи и салат к мясному блюду», — усмехнулась она, зажав в руке пучок травы, оказавшейся потом невкусной, горькой и жесткой.

В полдень она продолжала сооружение землянки. Каждый ком земли давался с трудом. В конце концов, лопату пришлось выбросить — она была тяжела и неудобна в узкой и низкой щели. Копать отверткой? Что же оставалось делать!..

Валя начала ковырять ею землю, стоя на коленях. Комки она выгребала наружу. Потом приспособила старое ведро. Сбирала в него то, что удалось отковырять со стенок ямы, и выволакивала наружу. Боже мой, как это было тяжело!

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

Из дневника.

«...Боюсь, что больше не суждено увидеть людей. Видимо, судьба постановила погибнуть мне здесь. Тот, кто найдет меня, взгляните на мое творение, на мою землянку не равнодушно — учтите, я работала по десять часов, голодная... Сегодня торжественный день — я съела недельный кусок мяса... Уже двадцать суток не ела ничего горячего. Постоянно думаю, где и как добыть пищу. На корешках и траве долго не проживешь...»

Пробовала докопаться до суслика, но у него такая бесконечная нора, что охота эта — пустая трата времени...
«...Как я хочу к людям!»

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

Из дневника.

«...Сегодня второй раз за все эти дни плакала. Плачу не оттого, что тяжело, что устала ждать. Просто перечитывала мамины письма, последнее из которых получила как раз накануне своего отъезда из партии. Она пишет,

что ее здоровье неважное, что ей пришлось лечь в больницу. Я не помню случая, чтобы она когда-нибудь в своей жизни лежала в больнице. Видно, дело серьезное. Мама стареет... И будет ей еще хуже, прибавится горя, если расскажут ей о моем исчезновении...

Где, в какой стороне нас ищут?

Как хочется есть! Каждую ночь снится хлеб...»

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Из дневника.

«...Вчера подсчитала — сколько дней мне нужно продержаться. Выходит, как минимум, девяносто дней... Составила в тетрадке календарь. Буду вычеркивать дни...»

Валя продолжала собирать корешки и траву. Сбирала впрок. Подсушивала и складывала в кулечек, свернутый из газеты. Все эти корешки, считала она, особенно пригодятся зимой. А сейчас их есть не обязательно... Заодно занималась сбором сухих кустов «перекати-поле». Их можно было использовать для костра. Это тоже для зимы. Она складывала их возле землянки.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Из дневника.

«...Какая здесь странная погода! Вот уже который день с утра и до двенадцати стоит густой туман. Потом он быстро тает, чтобы к вечеру неожиданно появиться вновь...»

Сделала выходы на «улицу». Принесла воды... Проверила свое жилище. Оно оказалось в нормальном состоянии...

С утра приступила к вязанию шапочки. Носки и рукавицы уже готовы...»

АДАМЧУК

Владимир Онуфриевич потерял счет дням. Шел покачиваясь. Зубы сжаты. Кулаки сжаты. Он смотрел вперед до рези в глазах, выискивая ориентиры, и шел к ним, чтобы вновь не свернуть в сторону... А потом ему показалось, что у него снова начались галлюцинации. Чертовщина какая-то! Впереди, как в тумане, показалась ему навстречу машина. Он поверил в то, что это не сон, не бред, только тогда, когда увидел, как из грузовика вышли люди...

— Я заблудился, — сказал он и упал на колени... Голос свой он не узнал — из горла вырвался какой-то хрип...

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

Из дневника.

«...Сегодня понедельник. Началась новая рабочая неделя. Люди с утра спешат на работу. И только мне не надо никуда идти. А как хочется проснуться утром и услышать: «С добрым утром!»

...Небо, наконец, проясняется. Тумана уже нет. Куда теперь повернет погода? Хорошо бы, теплая погода продержалась хотя бы до начала декабря. С морозом, боюсь, будет бороться труднее, чем с голодом...

С утра довязала шапочку. Потом пошла собирать корм. Наелась какой-то травы. К вечеру опять разболится от нее желудок. Но как-то надо привыкать к такому рациону.

Постоянно вслушиваюсь в тишину. В глубине души теплится надежда, что могу услышать звук мотора или голоса людей. Может, эта надежда мне помогает жить.

Почему человек не способен в критические моменты, подобные моему положению, впадать в спячку? И почему я не какой-нибудь йог? Я простой и слабый человек. Разве можно выдержать такое испытание?

...До вечера еще часа три. Приступаю к вязанию шарфа — и будет полный комплект. Может, кому-нибудь сгодится...»

Днем она снова ковыряла отверткой стены землянки. В ней уже можно было стоять на коленях, а если лечь, то вытянуться так, чтобы ноги не торчали наружу. Но для того, чтобы жить здесь зимой, надо ее еще и еще расширять. Валя решила сделать здесь нары, а наверху проделать отверстие, чтобы в землянке можно было разжечь костер. Вместо дверей вполне подойдет сиденье из кабины. А двери, хотя бы и такие, нужны, чтобы не замело снегом, чтобы ночью не напали, если она вконец ослабеет, волки...

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Из дневника.

«...Утро дождливое. Выходить сегодня уже не буду, чтобы не мочить одежду. Значит, весь день придется пить только одну воду. Сегодня слышала, как будто очень близко пролетел самолет...»

Целый день Валя присидела в кабине, довязывая кофту для своей подружки из Аральской гидропартии — Валентины Кирпичевой. Когда-то обещала Кирпичевой сделать такой подарок, но все не было времени. В «поле» не до вязания — после работы она приходила в общежитие усталая — ничего не шло в руки. Но теперь, хотя Валя была сильно измучена и истощена, дала себе слово выполнить однажды данное обещание. Оставалось уже довязать правый рукав — и кофта готова.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Валя проснулась от холода. Мороз пробирал даже через туго завязанный спальник, пощипывал ноги и руки. Окна покрыл иней, разрисовал узоры. Но даже через заиндевелые окна кабины она увидела, что на «улице» очень светло. «Неужели, — подумала она, — проспала до полудня?» Взглянула на часы. Всего девять. Проснулась, как обычно. Она подышала на стекло, оттаяла пятнышко. Удивительный вид открылся ей — голубое небо, окрашенное оранжевым солнцем холмы! Это был первый день за месяц, когда не было ни тумана, ни дождя, ни града!

Валя улыбнулась, протерла глаза.

Хорошая, ясная погода подняла настроение. И откуда только взялись силы! Она пошла к яме, чтобы умыться холодной водой. И пусть леденеют руки и мерзнет нос!

И тут же — за работу. Принесла ведро свежей воды. Собирала на зиму «перекати-поле» и сухой камыш. Получалась уже довольно большая куча, которую Валя начала складывать под машиной — дождь не намочит.

Потом снова работа в землянке. Вползла на колених и начала яростно бить в стены отверткой. Мерзлая земля плохо поддавалась слабым ее ударам.

И вот, когда Валя сидела в землянке, она услышала неясный гул. Звук мотора? Не может быть! Чудится? Рука с отверткой застыла на весу. Тело напряглось струной. Нет, наверное, чудится. Она сидела в землянке и не знала — выползает ей или остаются. Так не хотелось оставаться обманутой. Но шум мотора стал настолько явственным, что Валя, наконец, бросила отвертку и вылезла из землянки. Свет ударил в глаза, ослепил. Она прищурилась, прикрыла глаза ладонью, подняла лицо к голубому небу и увидела... самолет!!! Это был самолет!! Но он уже летел в стороне.

Валя упала на колени.

«Самолетик, миленький! Ну не улетай! Вернись! Ну прилети обратно! Вот я, здесь! Здесь!»

«Если искали меня и пролетели мимо, не замети машины, то, вероятнее всего, на это место летчики уже не вернуться, — думала потом Валя. — Если снова туман, то поиски и вовсе могут прекратиться...»

Она испуганно била отверткой землю, слезы текли по щекам, но она их уже не утирала и, чтобы подбодрить себя, громко, задыхаясь, пела песню из кинофильма «Бриллиантовая рука»: «А нам все равно... А нам все равно...»

Она повторяла эти слова, как заклинание, но легче ей все равно не становилось...

Валя кончила работу и буквально выползла из своей норы, когда уже начало темнеть. Руки ее были стерты до крови...

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

Из дневника.

«Наконец наступил долгожданный четверг. Сегодня смогу съесть свои двадцать пять граммов мяса. Но после травы и оно мне кажется безвкусным, хотя ем с удовольствием и стараюсь это удовольствие растянуть. О моем состоянии можно судить по тому, что я каждый день просыпаюсь здоровой и начинаю трудиться. Внешне я выгляжу как будто нормально, правда, на моем теле можно изучать анатомию человека — скелет, обтянутый кожей.

Если продержусь еще месяц (грандиозные планы!), то буду, наверное, еще в два раза миниатюрней.

Вчера, видно, у меня либо проявилась женская слабость, либо организм снимал напряжение. Ревела ужасно. Даже стыдно сегодня. Если сейчас ко мне присоединить вольтметр, то стрелка, наверное, будет зашкаливать. Вся — будто горю...

В этот день, даже довольно ясный, Валя не рискнула продолжать работу в землянке. Руки были стерты до такой степени, что даже спицы держать было больно.

Вале Борцовой, своей подружке, она написала длинное письмо с поручениями — что сделать с вещами после ее смерти. Просила похоронить ее с фатой невесты. Мешочки с вязанием и нитками просила отдать Кирпичевой.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

...Что-то зажжужало в ушах. «Опять, — подумала она, — звенит камыш...» Шум все ближе. И вот грохот мотора заложил уши, придавил. Она открыла дверцу — над машиной пролетел «АН-2». Она почувствовала неожиданную слабость, не могла даже выйти из кабины, чтобы взмахнуть рукой. Самолет прострекотал над ней и стал удаляться.

«Что это? Почему?» Ей сдавило горло, она встала на подножку кабины. Самолет уходил все дальше... «Куда же они?» А потом он пошел на разворот. «Заметили!!!»

Валя пошла навстречу тем, кто бежал к ней. Вот они все ближе. Двое в форме пилотов. И еще один в куртке.

Валя упала им на руки.

«Я жива, роденькие, — шептала она. — Все хорошо... Только есть очень хочется... Спасибо, роденькие...»

Вечером она крепко уснула в больнице поселка Сарбулак. И впервые спала без сновидений.

...Уже через месяц Владимир Онуфриевич Адамчук вышел на работу. И первое время работал, как когда-то, токарем в своем автохозяйстве. Валя Кауртаева все-таки съездила в отпуск на Черное море. А вскоре вышла замуж.

● Ученый-самородок

Далматовский краеведческий музей носит имя Зырянова. Об этом незаурядном человеке рассказывают музейные экспонаты, ставя его в один ряд с известными просветителями России. Что это за человек, чем известен?

Александр Никифорович Зырянов оставил весьма значимый след в культурной и научной жизни Зауралья. Сын крестьянина, не получивший систематического образования,— в какой только области он себя не проявил! В 1859 году его стараниями была открыта народная библиотека в селе Иванищевском и бесплатная школа для крестьянских детей; он стал основателем Шадринской публичной библиотеки. За раскопки курганов и городищ был избран членом-корреспондентом Русского географического общества, награжден серебряной медалью; за изучение экономики зауральской деревни и местных промыслов, за собранные материалы по краевой статистике избран членом-корреспондентом еще двух обществ. Занимался Зырянов и историей крестьянского революционного движения, опубликовал статью о Пугачевском бунте. Записывал сказки, побывальщины, легенды, песни, загадки, собрал материал по свадебным обрядам. Писал сам: его очерки и рассказы из народной жизни появлялись на страницах «Пермских губернских ведомостей». Есть труды и по метеорологии...

Всю жизнь Александра Никифоровича Зырянова преследовала бедность и нужда. Преследовали и царские власти—прямотой нрава и независимостью выделялся этот чиновник. По этой причине Зырянову часто приходилось менять место службы... Ну что ж, это доля многих российских энтузиастов-просветителей, работавших во славу отчины, внесших неоценимый вклад в развитие ее культуры.

Но не забыты его имя, его разносторонний талант и огромное наследство. Бережно хранит народ имя Александра Никифоровича Зырянова в своей памяти.

● Слава России В ИМЕНИ ЭТОМ...

Село Верхняя Маза Ульяновской области. Когда-то здесь, в имении своей жены, поселился попавший в опалу блистательный офицер и блестящий поэт Денис Давыдов. Его имя прошло по страницам стольких литературных произведений, что стало почти легендой, сама личность этого незаурядного человека и по сей день вызывает изумление.

Сейчас в Верхней Мазе, в школе, есть его музей. Живой Денис Давыдов встает при знакомстве с памятными вещами, книгами, документами и картинами; множество любопытных подробностей открывается в родословной Давыдовых, которая уходит далеко в XIV век.

Имя Денис повторялось в роду Давыдовых семь раз. Не простой это был род. Отец Дениса Давыдова дослужился до генерала; в звании генерал-лейтенанта вышел в отставку и сам Денис; генералом был один из его сыновей; и внук, Денис Вадимович Давыдов,— генерал...

«Страх как хочу опять в Мазу, в наши благословенные степи»,— писал Денис Давыдов. Участник восьми военных кампаний, один из самых талантливых, образованных и храбрых офицеров русской армии, он построил в селе шко-

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

лу, содержал учителя на свои средства, отменил телесные наказания крестьянам, помогал им лесом, деньгами, советом... Он и умер в этом селе.

Правнук Дениса Давыдова — Лев Денисович Давыдов — здоровствует и ныне.

Школа переписывается с экипажем туристского теплохода «Денис Давыдов», который курсирует по Куйбышевскому водохранилищу. И на теплоходе тоже захотели иметь маленький музей. Для начала экипаж пригласил к себе в гости Льва Денисовича Давыдова. И он приехал... В кают-компанию, где гостя с живыми цветами встречали члены экипажа, одетые в парадную форму, — вошел истинный Давыдов: те же брови взрзлет, глубоко поса-

женные глаза, упрямый подбородок...

Интересно рассказывал Лев Денисович о своем прадеде. Рассказывал, в частности, и о том, что по ходатайству Дениса Давыдова перенесен на Бородинское поле прах генерала И. И. Багратиона, адъютантом которого Денис Давыдов был пять лет. Кстати, на Бородино в первое воскресенье сентября ежегодно проводится церемония в честь героев Отечественной войны 1812 года.

После этой встречи в кают-компанию остались репродукции с портретов Дениса Давыдова. Часть материалов обещали прислать школьники из Верхней Мазы. Вот и будет на теплоходе свой музей, рассказывающий о легендарном Денисе Давыдове.

● Десять веков назад

Замки, ключи, кованые дверные скобы, керамика... Семнадцатый век, пятнадцатый, двенадцатый... Свидетели каких времен эти экспонаты? Представить невозможно: еще до Дмитрия Донского — давнего времени власти Великого Новгорода, времена Ледового побоища... Вот какие корни у города Ломоносова. В глубокой старине был он ливонским деревянным замком, затем крепостью новгородцев, наконец — Копорским уездом, который учредил Петр I.

Древнюю историю города представляют экспонаты ломоносовской школы № 429. А руководит школьными следопытами фронтоник, учитель географии Алексей Алексеевич Плаксин. Вся жизнь его связана с родной школой: в ней он сдавал выпускные экзамены, в ней, проработав свыше двадцати лет, стал заслуженным учителем РСФСР.

● Был бой неравный...

На окраине крымского села Ашага-Джамин девять наших разведчиков приняли бой с батальоном фашистов. Два часа атаку за атакой отбивали они, в последние двадцать минут пошли в ход приклады и саперные лопатки... Их рассределяли, всех девяти-рых. Перед этим был допрос. На вопрос, из какой части, рядовой Михаил Задорожный ответил: «Из части, идущей на Сталинград». На вопрос, коммунист ли, рядовой Иван Тимошенко ответил: «Иных у нас в армии нет!» Так погибли солдаты — сержант Николай Поддубный, пулеметчик Василий Ершов, рядовые Григорий Захарченко, Петр Иванов, Петр Велигин, Александр Симоненко, младший сержант Магомет Абдулманов — и не было на них живого места, так замучили их перед смертью гитлеровцы...

Поздно ночью местные женщины пробрались на окраину, где кипел бой и где была казнь: один из бойцов дышал. Тяжело раненного красноармейца перенесли в избу, а вско-

ре переправили в санчасть. Врачи насчитали семь штыковых и десять огнестрельных ран на теле бойца. Но он выжил! Это был пулеметчик Ершов.

...Василий Александрович Ершов приезжал на место своего последнего боя много лет спустя после войны. Село теперь называется Геройское. В клубе его создан музей, в котором побывало свыше двадцати тысяч человек. Когда подходит конец экскурсии, в скорбной тишине раздвигаются на окнах шторы: очень хорошо виден холм, где разыгрался бой. Есть традиция в селе: ребятам, уходящим в армию, односельчане готовят кисеты и кладут туда горсть земли с холма.

А в самом музее есть диорама, воссоздающая все подробности боя. В полный человеческий рост встали на ней герои. В гуще фашистов дерется врукопашную богатырь Иван Тимошенко; Поддубный опустил приклад на голову гитлеровца; Ершов выбивает из рук врага автомат; Абдулманов душил фашиста руками...

● Мятежное село

Эту статью написал в 1858 году Н. П. Огарев в журнале «Колокол»: «В то время, когда Александр II хочет освобождать крепостных людей, — в ста верстах от Москвы происходят ужасы: крестьяне, которые по всем правам чести и закона должны быть вольные, подвергают неистовым истязаниям для того, чтобы сделать их крепостными...»

Речь идет о приокском селе Дединово. Испокоп веков было Дединово дворцовым селом, поставлявшим к царскому столу рыбу и молочные продукты. Уже почти два века вся Россия стонала под игом крепостного права; дединовцы же оставались вольными людьми. Но потом Екатерина II отдала село генералу Измайлову, далее перешло оно к генеральскому племяннику, и узнали жители вольного села свирепые нравы крепостничества. Только не смирились: всюду доказывали крестьяне, что они «вольные хлебопашцы», не прекращали отыскивать свою «вольную».

...В морозный день 1858 года в Дединово боевым маршем вошли солдаты во главе с самим рязанским губернатором Новосильцевым. Дединовцев собрали на площади. Ждали они, что губернатор будет «читать волю», а дождались жестокого палочного побоища...

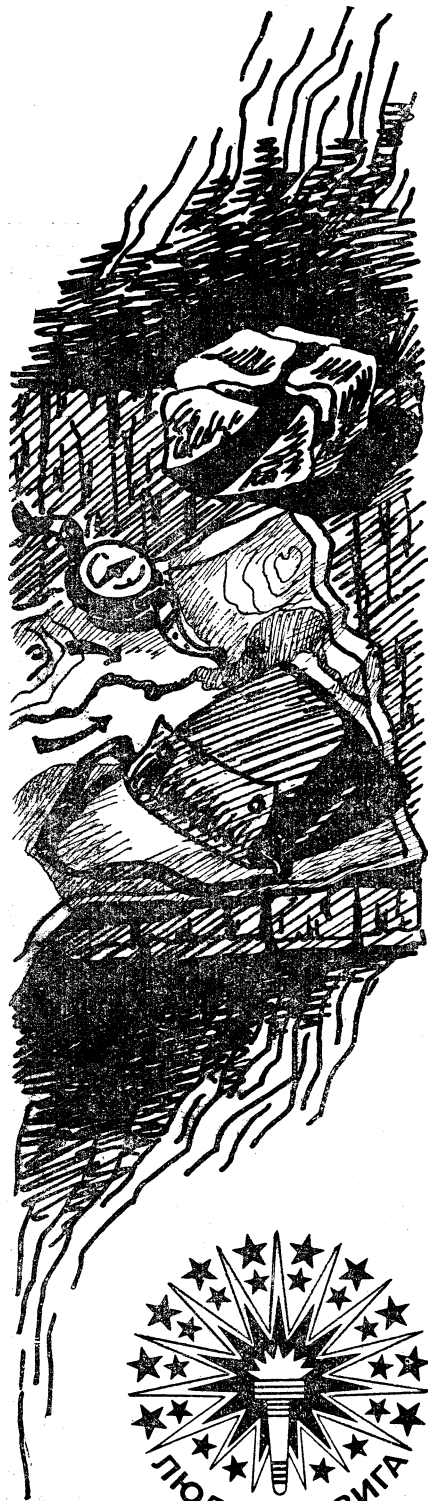
Сейчас в дединовской школе создан интересный краеведческий музей. Вся история старого села представлена в его экспозициях: и спуск на воду с дединовской верфи первого русского военного корабля «Орел» в петровские времена, и история «вольных» крестьян, и установление Советской власти на селе.

РЕЙД НА

**Николай
ПЕТРОВ,
Валерий
СИМОНОВ**

*Рисунки
Е. Кругских*

Накануне, несмотря на обложной дождь, командира отряда воентехника 2-го ранга Сергея Николаевича Догаева по срочному делу вызвал комбриг. И вот теперь партизаны с нетерпением ждали его: какие хорошие новости привезет командир в это погожее утро?

Догаев вернулся в отряд в приподнятом настроении. По пути в штабную землянку он то и дело останавливался около стоявших группами партизан и не скупился на шутку. Было видно, что делами отряда старшие командиры довольны, и это обстоятельство привело Догаева, обычно немногословного человека, в доброе расположение духа. Заметив Трофима Иваева, он свернул с тропинки и на ходу достал кистет.

— Ну как, просох? — свертывая самокрутку, спросил он командира пулеметчиков. — Вот это купель вам фриц устроил! — Догаев расхохотался, а потом, попыхивая задирстым самосадом, сказал серьезно: — Но ничего, скоро мы ему и не такое устроим!..

А шутил командир вот по какому поводу.

Как-то партизанские связники сообщили, что в одной деревне разместились отряд карателей человек в 20—30 и что фашистские прихвостни житья не дают всей округе.

— Напьются самогона — и ну шастать по избам. Кур и тех всех подушили, ироды, — жаловалась командиру тетка Лукерья, которая бывала в отряде чаще других. — Вы уж припугните нехристей этих..

— Припугнем! — пообещал Сергей Николаевич женщине. — Только бешеной собаке, говорят, хвост по уши рубят..

Дня два партизанские разведчики так и этак разглядывали деревушку. Она стояла на взгорке, рядом с опушкой леса. Сразу за домами начиналась лощина, которая, петляя, тянулась куда-то к дальнему перелеску. И прикинули партизаны: если ударить по карателям ночью, те, отходя, непременно воспользуются этим естественным укрытием. И тут им будет крышка.

Но не все получилось как задумали.

Выставив в лощине засаду, лей-

тенант Иваев с частью отделения скрытно вошел в деревню. Когда готовились к бою, послышалась звучная автоматная очередь, затем — другая, третья... Как и предполагалось, звуки выстрелов всполошили полицейев, и они, открыв беспорядочную пальбу, скатились в лощину, попав под огонь партизанской засады.

На рассвете отделение Иваева скрылось в каком-то заброшенном сарае у небольшой речушки, с которой на деревню наплывал густой утренний туман. Он расплзался все шире, и теперь из-за него уже не было видно ни домов, ни дороги, убегавшей к соседнему селу вдоль опушки леса.

С восходом где-то в отдалении послышался гул моторов. Партизаны было встревожились: не танки ли? Но гул то смолкал, то нарастал снова, и от этого казалось, что доносится он откуда-то с высоты.

— Да это самолеты, наверное, — предположил кто-то из ребят.

Между тем туман начал редеть. Вдруг, ломая изгородь, во двор сарая ворвался фашистский танк. Из его открытой башни, ошалело выпучив глаза, выглядывал одетый в комбинезон гитлеровец.

Схватив пулемет, Иваев ударил очередью по башне. Танк на какую-то минуту остановился, но и этих мгновений было достаточно, чтобы партизаны пришли в себя.

— К речке, к речке отступать! — кричал Иваев товарищам.

Благополучно выйдя на противоположный берег речки, партизаны осмотрелись. Да, крепко подвел их туман. Под его прикрытием, оказывается, на помощь карателям в деревню вошло четыре танка и до 200 человек пехоты. Теперь, развернувшись цепью, они пытались перейти речку.

Все отчетливее доносился скрежет танковых гусениц. «Прут, гады, торпятся. Хотят живьем захватить...» — с тревогой подумал Иваев, как вдруг рядом с ближним домом обнаружил глубокую яму.

— За мной!

Он подбежал к этой яме, успел заметить, что она наполовину завалена соломой, и прыгнул. В следующее же мгновение случилось что-то непонятное. Солома предательски рас-

ВАЗУЗУ

ступилась, и Иваев по грудь окатился в воде. Следом за ним сюда же свалились и другие партизаны. Перепачканные грязью, мокрые, они все же приготовились встретить первые цепи гитлеровцев автоматными очередями, но тут из-за домов застучало сразу несколько пулеметов, потом гулко, несколько раз подряд, ударила пушка.

— Наши заработали! — догадался Иваев. — Подмогнем!..

Когда закончился бой, на подступах к хутору догорали все четыре вражеских танка.

И вот теперь, вспоминая этот жаркий бой, в котором, кстати, партизаны не потеряли ни одного человека, а Иваев и бойцы его отделения отделались лишь незапланированным купанием, командир отряда шутил:

— Вот это купель вам фриц устроил! Но ничего, скоро мы ему и не такое устроим...

Несколько дней спустя стало прясняться, что скрывалось за этими словами и какая «купель» ожидает фашистов.

Как-то погожим октябрьским днем командир отряда получил приказ выслать диверсионную группу с задачей вывести из строя железную дорогу на участке Вязьма—Ржев неподалеку от речки Вазуза. А до него, этого участка,—двести километров, на каждом из которых партизан поджидало, может, больше чем двести смертей.

И выполнить эту дерзкую операцию, совершить труднейший рейд на Вазузу выпало на долю диверсионной группы под командованием лейтенанта Иваева.

О том, где течет светлая русская речка Вазуза, из всей группы знал один Иван Лопатин. Да и то, как знал? Где есть она, помнил, а вот как пройти к ней, минув большие дороги и села, и слыхом не слыхивал. Другие же бойцы—ленинградец Леонид Бойков, цыган Женька (по фамилии его никто не называл) и подрывник, вологодский певец Иван Степарков, которого в отряде прозвали Колесным замыкателем, да и сам Трофим Иваев—и вовсе не знали пути.

Но приказ получен, значит—вперед!

И группа, захватив с собой единственную на весь отряд топографическую карту, ушла. Рейд на Вазузу начался.

Под вечер партизаны вышли к какой-то деревушке. Осмотрелись. Окруженная со всех сторон вековыми борами, она, казалось, еще жила мирной довоенной жизнью. Над крышами курился дымок. Где-то неторопливо повизгивала пила.

Выставив охранение, Иваев со Степарковым вошли в крайнюю избу. Из чуланчика, отделявшего печку от комнаты, навстречу им, всплеснув руками, шагнула пожилая женщина. Испуганная неожиданной встречей с поздними гостями, она робко топталась на месте и не могла произнести ни слова. Из этого оцепенения ее вывел Степарков:

— Ну что, бабка, квасок не испортился? Пирогов не подгорели?—по-вологодски окая и улыбаясь, осыпал он ее шутками.—Заждалась, поди?

Оттаяла бабка, разговорилась, а признав своих, и вовсе засуетилась:

— А ведь и квасок найдется, и пироги есть. Отведайте...

Колесным замыкателем Степаркова прозвали за одну слабость. В какой бы крестьянский дом не доводилось ему заходить, всюду с шутками-прибаутками он выдавал себя то за часовых дел мастера, то еще за какого специалиста, бабы наперебой просили отремонтировать кто ходики, кто еще какую технику. Он брался за все, и в любом механизме находил одну и ту же неисправность:

— Барахлит колесный замыкатель, не иначе,—и собирал вещь снова.

Пытался Колесный замыкатель показать свое искусство и на этот раз, но, как на грех, кроме ухвата да кочерги, у бабки не оказалось никакой техники.

Весь следующий день они пробирались по дремучим Матренинским лесам и залегли неподалеку от железнодорожной ветки Дурово—Владимирское. Переходить ее днем было опасно, так как почти через каждые 100—200 метров на ней стояла вооруженная охрана. Лишь под вечер, уловив момент, группа благополучно проскочила дорогу и снова скрылась в лесу.

Ах, ночка! Сколько народных мстителей ты выручала. Не подвела она и группу Иваева. Прокравшись по ручью к самому полотну дороги, партизаны проскочили препятствие, а когда, казалось, уже все страхи были позади, чуть не влипли. По другую сторону дороги, как оказалось, весь лес был забит вражескими танками. Искусно замаскированные, они стояли повсюду. Изредка между машинами слышалась чужая речь.

— Командир!—обратился Колесный замыкатель к Иваеву.—У меня есть несколько кислотно-термитных шаров. Подложим?

— Давай!

Степарков разложил гостинцы на трансмиссионное отделение нескольких танков и примкнул к группе. Метров двести партизаны что есть духу уходили в направлении станции, а потом круто свернули вправо и снова скрылись в лесу. Вскоре от дороги донеслись мощные взрывы, застрекотали пулеметы, и над лесом заляпали багровые всполохи пожара. Сработали шары Степаркова, наделали шума!

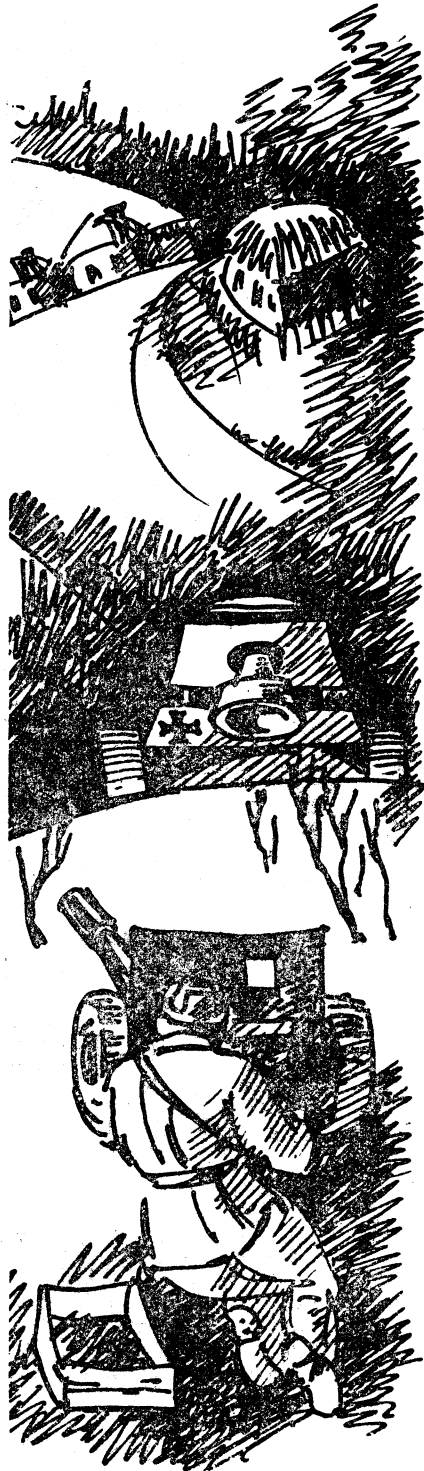
Утро следующего дня встретило партизан у деревни Сычево. Ночь они провели в глухой лощине, у небольшого костра, и продрогли основательно. Потому, наверное, заметив, как густо валит дым из бани в одном из дворов, Колесный замыкатель довольно потер ладони:

— Эх, братцы, и попаримся же мы сейчас!

— Вот-вот, и получится у тебя, как у немцев в Пивкино: попаримся!—осадил его Иван Лопатин. По лесу прокатился дружный хохот.

А про Пивкино Лопатин вспомнил кстати. Этот случай произошел в начале лета. Нагрывав сюда, немцы приказали старосте истопить баню. Тот, конечно, исполнил приказ. Плещется, хлещется немчура в свое удовольствие. Поди, впервые до русского пара дорвалась. Иные с жару в речку бросаются, гогочут. А тут на их беду—партизанская пулеметная тачанка на берег выскочила. Разобравшись бойцы что к чему, да как врзали из пулемета по бане. Почти всех покрошили, а которые остались в живых, так голыми по лесу разбежались.

Но смех смехом, а отогреться, пе-

рекусить малость после такой тревожной ночи было бы кстати. Выбрали стоящую на отшибе, особняком, избу. Первым, как всегда, вошел Степарков и, увидев хозяйку, начал с шутки:

— Кума, здорова? Блины готовы?

— Готовы,— не поняв шутки, всерьез ответила женщина. На шестке печки и впрямь стояла тарелка румяных, еще пышущих жаром блинов.— Садитесь да ешьте...

— Еда не к спеху,— вмешался в разговор лейтенант Иваев.— Вы лучше скажите, есть ли в деревне немцы?

— Немца-то нету,— все так же серьезно продолжала хозяйка.— Да вот староста у нас больно лют. До кобеля ему только хвоста не хватает...

Через полчаса партизаны и сами убедились, какого старосту немцы в деревне поставили. Чего только не нагребил, не натаскал он в свой дом! Соль — мешками, мыло — ящиками. Муки, зерна — что в колхозном складе. А во дворе — табуны гусей да уток, свиней с полдюжины. В амбаре же целый арсенал обнаружен — винтовки, карабины, автоматы. Наши и немецкие.

Все это добро партизаны раздали жителям деревни, со старостой рассчитались как с врагом Родины, оружие перепрятали в лесу. «Сгодится», — решил командир.

...Чем дальше уходили партизаны от своей базы, чем ближе подходили к Вазузе, тем тревожнее было на душе у лейтенанта Иваева. После уничтожения фашистского прихвостня в Сычево по всем окрестным селам и деревням распространились слухи о том, что в лесах действует большой отряд выбросившихся на парашютах десантников, которые разоружают полицию. Эти слухи не на шутку встревожили гитлеровские гарнизоны. Даже в хутора заходить теперь было опасно. Но зато как воспрянули духом мирные жители! При встрече они всячески помогали партизанам. Даже многие полицейские и те, искупая свою вину, старались быть полезными диверсионной группе.

Теперь, когда до Вазузы оставалось километров тридцать, Иваев все чаще думал о том, как лучше провести заключительный этап операции. Что нужно сделать, чтобы этот основной удар нанес врагу наибольший ущерб? Тут важно учесть, рассуждал командир, где установить мины. Заложишь их, скажем, на прямом, без крутых насыпей участке дороги, и результат будет пустяковый. Ну сойдут с рельсов паровоз и несколько вагонов, ну побьются малость гитлеровские вояки. А дальше? Два-три часа работы — и дорога будет восстановлена, путь к фронту открыт.

Опять же важно угадать, под ка-

ким составом взрыв устроить. Ведь можно взорвать эшелон с макаронами, а можно и... Наблюдение, разведку, надежную связь со своими людьми на ближайшей станции — вот что нужно наладить.

Вот это эффект!

К таким размышлениям Иваева побуждал и горький опыт. А он тоже не миновал партизан, и теперь его нужно было учитывать.

Как-то раз, еще в начале «рельсовой войны», группа партизан вышла на железнодорожную линию Дурово — Владимирское. На рассвете установили мину под рельсу и стали ждать. Часа через два показался состав. Скорость его была большой, да и насыпь полотна низкая. Однако когда грянул взрыв, партизаны не могли скрыть радости: несколько вагонов все же слетели с рельсов. Но радость тут же сменилась чуть ли не ужасом. Оказалось, что в вагонах гитлеровцы перевозили больше сотни собак-овчарок, и вот теперь, перепуганные и озлобленные, почти все они оказались на воле и буквально наводнили лес. Спасаясь от них, партизаны разбрелись кто куда и на своей базе собрались лишь через неделю.

Если верить карте, до Вазузы оставалось километров двадцать. Рукой подать.

Иваев принял решение разбить группу на две части. Одна должна была обосноваться возле деревни и там с помощью надежных людей выведать, когда и в какое время должен проследовать через избранный для подрыва участок дороги важный с военной точки зрения эшелон. Вторую половину группы лейтенант Иваев возглавил сам и, обходя торные дороги, дремучими лесами повел ее прямо к Вазузе.

К речушке нужно было выйти где-то между деревнями Сычевка и Ново-Дугино. Подходы к ней здесь были более удобными. К тому же и железная дорога, делая крутой поворот на склоне холма, в этом месте почти вплотную прижималась к автомобильной трассе. Значит, проскочить к ней можно будет одним рывком.

Партизаны шли теперь с утроенным вниманием. От дерева — к дереву. Обходили стороной даже лесные полянки. По редколесью ползли на четвереньках. Птички нигде не спугнули.

Лишь часа через четыре настороженное ухо уловило ласковое журчанье воды. Вазуза!

До смерти хотелось пить. Однако Иваев сдерживал друзей: лучше потерпеть, чем выдать врагу свое присутствие.

Но лес был безмолвен. Сквозь облетающие кроны деревьев хорошо было видно, как с сучка на сучок перелетали беззаботные сойки. Вели они себя спокойно. Значит, ничем

не встревожены и в лесу никого постороннего нет. Это успокоило командира, и он, наконец, разрешил бойцам, соблюдая осторожность, попить.

Ночь провели здесь же, на берегу Вазузы. Без костра, даже без единой затяжки папиросой.

С рассветом вброд перешли Вазузу, легкой тенью переметнулись через автомобильную дорогу и вскоре вышли к железнодорожному пути почти в том месте, которое было определено для взрыва. Еще час ушел на выбор и маскировку наблюдательного пункта. Оказался он весьма удачным. Партизаны хорошо видели и участок дороги, уходящий к ближней станции, и сам поворот, который интересовал их больше всего. Он представлялся им удобным в том смысле, что находился уже на спуске с возвышенности и метров на семь-десять выше поймы реки. Поезд здесь, рассуждал Иваев, должен идти на приличной скорости, и если хорошенько рвануть под ним полотно, от состава мало что останется.

Все это так. Но удастся ли заминировать дорогу? Какова ее охрана? За первые часы наблюдения по ней уже раз пять взад и вперед прошла автодрезина. С нее, видимо, и ведется осмотр путей.

А вот, кажется, и первый состав следует. Да, состав. Но из-за поворота показался одиночный паровоз. Однако минуты через две вслед за ним прогрохотал эшелон, груженный какой-то техникой. Все ясно: впереди состава гитлеровцы пускают, как говорили партизаны, «смертника». Если дорога заминирована, паровоз подорвется, пострадает железнодорожное полотно, но эшелон с ценным грузом или людьми успеет остановиться, избежит крушения.

— Понял, командир, на какую хитрость враг идет? — прошептал Степарков.

— Понять-то понял, — отозвался Иваев, — но ты мне лучше скажи, какую хитрость мы придумаем...

— Хе! — не изменив своей веселой натуре, улыбнулся Колесный замыкатель. — Есть и на черта гром! Зря, что ли, я столько верст электровзрыватели и машинку на себе пер? Только бы заряд установить, а грохнуть сумеем.

К вечеру окончательно стало ясно, что без «смертника» на этом участке дороги проходит редкий эшелон. Прояснился и график прохождения дзорных дрезин. Пунктуальный народ немцы, хоть часы проверяй по их расписанию: 25 минут от одной до другой дрезины. Ни больше, ни меньше.

А что можно успеть сделать за такой отрезок времени? Перебежка от укрытия до полотна дороги займет минут десять. Нет, пожалуй, меньше. Не меньше десяти нужно на

то, чтобы установить и замаскировать заряд. Две-три минуты оставить на обратный путь. Но ведь заряд нужно ставить с электровзрывателем, привод к нему тянуть. Значит, еще минут 20, а то и больше понадобится.

К наступлению темноты вернулся Лопатин. По его словам, все складывалось хорошо. Часа в три ночи от станции должен был отойти эшелон с танками и какими-то крытыми вагонами. Скорее всего, с боеприпасами. Часом позже планируется отправление эшелона с людьми и зенитными установками на платформах. Было ясно, что целесообразнее подрывать первый эшелон.

Где-то около полуночи по дороге прогрохотала дрезина. Только она скрылась за поворотом, как партизаны бросились к дороге. Первым, неся основной заряд, бежал Иваев, за ним с электродетонаторами и пакетом толовых шашек — Степарков. На полотне дороги они вбежали почти одновременно и, вгрызаясь в грунт ножами, стали долбить насыпь под рельсой. На помощь им пришел и цыган. Обдирая пальцы, он пригоршнями выгребал из ямы щебенку. Где-то внизу копошился Лопатин, которому выпало проложить к полотну дороги и замаскировать электропровод.

Взглянув на фосфоресцировавшие стрелки часов, Иваев удивился: заряды уже уложены и замаскированы, а прошло всего 15 минут. Значит, можно успеть подсоединить к взрывателю и провод. Колесный замыкатель не замедлил это сделать в считанные секунды.

Есть еще минута-другая на осмотр места минирования. Все вроде сделано тщательно, чисто.

— Назад!

Не успели партизаны отдышаться, как по полотну дороги промчалась дрезина. Не остановилась, скорость не сбавила. Значит, фашисты не заметили ничего подозрительного.

Успокоившись, Степарков еще раз проверил подрывную машинку, установил ее удобнее и подсоединил к клемме пока один проводок. До того, как она должна сработать, оставалось еще три с лишним часа...

Вряд ли Трофим Иваев переживал когда-либо такие длинные, нескончаемые часы! Два состава прогрохотали за это время по заминированному пути. И всякий раз ему казалось, что часы встали, что идет именно тот, обреченный эшелон. Но часы шли исправно, а эшелоны были пока не те.

Наконец, уже в четвертом часу ночи, со стороны станции донесся шум приближающегося поезда. Степарков подсоединил к свободной клемме второй провод и замер, боясь взяться за ручку генератора машинки.

Как и первые эшелоны, этот тоже пропускал впереди себя «смертника». Сам же появился на повороте минуты через три после паровоза, а еще через минуту его вместе с участком дороги смело под откос взрывом.

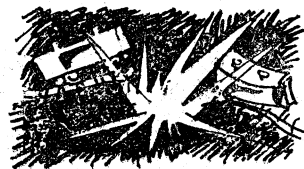
Так для диверсионной группы лейтенанта Иваева начались двенадцатые сутки их 200-километрового рейда на Вазузу.

...Из своего укрытия они отходили под скрежет разламывающихся вагонов и грохот рвущихся снарядов. А впереди было еще двенадцать таких же трудных, полных смертельной опасности дней. О том, как партизаны прошли их, можно написать отдельный очерк. Достаточно сказать лишь об одном: на задание группа вышла в составе десяти человек, а вернулась на базу пополнившись почти целым отрядом хорошо вооруженных народных мстителей.

И последнее. Читателю, видимо, интересно узнать, как сложилась дальнейшая судьба героя нашего очерка.

После освобождения Смоленщины от гитлеровских захватчиков лейтенант Трофим Николаевич Иваев снова влился в ряды Советской Армии. Войну он закончил ротным командиром в Восточной Пруссии. Оставшись в армии, закончил военную академию и много лет добросовестно служил на разных ответственных должностях в войсках Краснознаменного Уральского военного округа. Пять лет назад по состоянию здоровья в звании подполковника Трофим Николаевич уволился в запас. Но это, так сказать, юридически. На самом же деле, как истый солдат, он не может чувствовать себя в запасе. Сейчас Иваев работает преподавателем военного дела в Свердловском автодорожном техникуме.

У бывалого партизана и воина-фронтовика была и есть в жизни одна профессия — профессия защищать от врагов Родину. И как благодарно то, что теперь этой боевой профессии Трофим Николаевич Иваев обучает молодых парней Урала.

СКАЗКИ АГАФЬИ

**Ольга
КЛИМОВА**

Ежегодно преподаватели и студенты филологического факультета Уральского университета под руководством крупнейшего исследователя уральского фольклора профессора В. П. Кружляшовой отправляются в экспедиции за пословицами, поговорками, песнями, сказками и преданиями. И встречаются они в городах и селах Урала немало талантливых рассказчиков, таких как Агафья Матвеевна Пермякова, о которой и наши заметки...

Прошли годы. Но вновь и вновь вспоминается день, когда мы впервые встретились с жительницей села Колчедан Свердловской области Агафьей Матвеевной Пермяковой. Теряются в памяти черты ее лица, но все отчетливее слышится ее живая речь...

Летний день был жарким и не очень удачным для бредущих по пыльным деревенским улицам участников фольклорной экспедиции. Большинство домов — на запоре: расторопные старушки с раннего утра подались в лес, за «клубяной», как называли они поспевшую крупную ягоду, которой в тот год уродилось нам на беду великое множество. «Девки, приходите ввечеру», — говорили они, а мы безнадежно кивали, догадываясь, что «ввечеру» будут эти семижильные певуны и рассказчицы доить коров, стряпать пироги, нянчить внучат. «А пойдете-ко вы к Агафье, она все равно дома сидит», — как-то лукаво посоветовала одна женщина. И мы пошли. «Уж она-то вам наврет!» — неслоь вслед. «И чем больше, тем лучше», — думали мы, неся под мышкой чистые еще в тот день тетради. Домик удивил своей ветхостью и откровенным приглашением войти всякого мимопроходящего. Хозяйка насторожила своей внешней строгостью. Мы объяснили, зачем пожаловали. «Да неужто за сказками да песнями в такую даль ехали?» — промолвила она, а в глазах зажегся интерес, любопытство, они потеплели. Агафья Матвеевна преобразилась: мы увидели перед собой не старую больную женщину, а бойкую, веселую Аганию, Аганиюшку.

В ее рассказе оживало прошлое: мы представляли себе ее отца, не

пускавшего на вечерки свою любимую дочь, подружек, «всем светом» приходивших выручать ее из домашнего плена. Ни одна свадьба в селе, ни одна вечеринка не обходилась без Агафьи: «Она и зачинает, и кончает, и учит...» — так говорили о ней.

Агафья Матвеевна вспоминает с удовольствием, она гордится собой. А мы... мы давно уже не пишем, а просто слушаем, стараясь не упустить ни слова, наслаждаясь живостью, остроумием, плавностью речи рассказчицы.

Говорит она о деду Якове, сказочнике и балагуре, который в детстве взял ее за руку и привел в сказочный мир, населенный богатырями и колдунами, царевичами и волшебными птицами. На редкость цепкая память Агафьи Матвеевны хранит сказки деда и его шутки. «Была у меня сестра Тюшка, тихая такая, ласковая, так дед, бывало приговаривал: «Бык шелудяк — так то Аганькин брат, а пестрая телица — так то Тюшкина сестрица»

Запали ей в душу слова матери некогда весьма убедительно отговарившую свою непоседливую, скорую на выдумки дочь от странного ее решения идти в монастырь: «Нет, дитятко, востра ты больно! Кабы потупее была, а то не выдержишь, вернешься, станут оборотнем звать. В монастыре жизнь тяжелая — в подчинении живешь. Ведь хорош шишичный куст, когда расцветет, а войдешь в него, каково?»

Талантливый дед, умная, острая на слово мать...

— У меня и свекровушка пела. Как мы все запоем, так соседи дивовались: «Опять у Пермяковых пируют», — говорили, а мы не пили,

МАТВЕЕВНЫ

нет, пьянство — не самостоянство. Пели так просто. На душе хорошо было. Любила я своего Ванечку. Весь он белеенький был, крепенький, как репочка, да и я ничего была, ладная... — и глубокий вздох, и радость в глазах, что не обошла ее стороною большая человеческая любовь.

«А что же вы пели, бабушка Агафья?» Она отвечает, и мы сразу становимся обладателями таких текстов песен, каковых не встречали ни в одном песенном сборнике, ибо они здесь родились, эти песни, и потому особо дороги исполнительнице, которая, видимо, решила до конца поразить нас своими талантами и вот-вот готова пуститься в пляс под ритмичный напев насмешливой песенки, и сплясала бы, наверное, бабка Агафья, кабы не больная ее нога:

А Анисья-то расплакалась,
А Арина-то раскричалась,
А Аксинья молоденька вдова,
А у Василия черемна борода,
А Матвею рыбку ловить,
А Лексею к обеденке ходить,
А Данилу на печке лежать,
А Наталье Петю-сына снаряжать,
А Степану-то железо собирать,
А бабушке Соломее с быком
здороваться.

«Подслеповата была Соломея», — объясняет Агафья Матвеевна. Она все нам объясняет, и делает это с явным удовольствием. Самостоятельность ее мышления, точность суждений восхищают.

Агафья Матвеевна переключается на разговор о частушках. Ее мнение об этих коротких песенках столь своеобразно и неожиданно, что мы даже терпеемся и не знаем, возражать или соглашаться, а решать это надо скорее, ибо в беседу она постоянно втягивает и нас. Бабушке Агафье нужны активные слушатели, а не «чурки». «Скажите, милушки, ну что за частушки теперь поют? — атакует она. — Раньше такие не пели!»

Задушевная подруга,
Нынче новые права,

Если боля не подходит,
Подходи к нему сама.

Раньше-то что:

Мне совсем не по душе
Голубенький платочек,
Я никем не занята,
Гуляю, как цветочек.

Нынче видите вот:

Ты зачем меня ударил
Балалайкой по плечу.
Я по то тебя ударил,
Познакомиться хочу.

А у нас ране было:

Миленький ты мой,
Цветочек бело-розовый,
Ты почто меня ударил
Палочкой березовой?

«Теперь что есть, то и поют, — сокрушается старушка, — а раньше предполагали ласково». И жаль ей тех светлых частушек-повертушек, которые Агафья Матвеевна, по ее собственному выражению, «залывала» в молодости.

А какие свадебные припевки спела нам Агафья Матвеевна! Мягкие, простые, ласковые слова звучали чарующе:

По тропе-тропинушке
Шел-прошел детинушка,
Удал добрый молодец
Никонон Ильяч...

Как горько причитала она по девьей красоте, ведь «если не заплачешься за столом, так заплачешься за столбом»:

Ты христова девья красота,
Ты когда прошла-прокатилась,
То ли утречком споранешенько,
То ли вечером восподнешенько,
То ль во матушку во глухую ночь?

Мы едва успевали записывать, а горестные интонации причета уже сменились веселой разудалой прибауткой дружки:

Спасибо на амине,
Как на масляном блине,
Тот ли город, тот ли терем,
Та ли деревня, то ли селенье...

А. М. Пермякова

Фото М. Анкудинова

Частит Агафья Матвеевна, и мы улыбаемся и понимаем, с каким нетерпением ждали эту мастерицу петь и причитать на деревенской свадьбе и как хорошо получалась у нее роль дружки, быстро и шумно, ведь у этой женщины драматический талант. «Да, я с парнем — парень, с девкой — девка, со стариком — старик», — гордо сообщает она об умении перевоплощаться, которое очень ценит, как и умение разговаривать с людьми, в котором Агафья Матвеевна, к счастью, не отказывает и нам, констатируя: «Ну, что ж, девки вы хорошие, подход имеете, да ведь как оно? В мир иди и тестом брать».

Может быть, эти таланты и помогли когда-то бабушке Агафье перенять от знахарок их заговоры, которые держат они в глубокой тайне, за семью печатями. И знает теперь Агафья Матвеевна заговоры, но не лечит, хотя и верит в их силу, сообщив, что сама видела, как помогают эти заговоры больным и капризным детям. Может, потому спокойно и деловито пересказывает она нам слова тех магических речей, которые так упорно скрывают знахарки.

Но перед тем, как поведать нам очередной заговор, Агафья Матвеевна затапливает плиту, укоряя долго не загорающиеся, отсыревшие дрова за то, что они «величаются». Она

ставит чайник, достает варенье, мы из вежливости отказываемся, но она строго обрывает нас, дескать, чаю выпить мы просто должны. «Ненакормленным гостю уходит только из пустого дома». Мы хорошо запоминаем эти слова и горько думаем о том, сколько у нас еще таких «пустых» домов впереди. В избушке, покосившейся от старости, темновато, в печке трещат дрова. Это создает определенную атмосферу, мы слушаем заклинание и чуть не попадаем под его воздействие: сказываются усталость и напряжение.

«Полуношная полуношница, полуденная полуденница, щекотушная щекотушница! Не ганься, не дыганься над рабом божиним (имярек). Пойди ганься, дыганься в баню над жаром, над паром, над серым камнем, над мышьями детками, над лягушьями детками, над девятими потолешницами, над десятою матицей. Матица, матица, потолешница, прими с раба божьего (имярек) полуношницу».

Век повеки, отынь довеку. Аминь! Как ни хочется спать, мы сопротивляемся чарам и слушаем теперь уже прекрасные волшебные сказки. Сказки, которые так давно никому не рассказывались (по этому поводу, что никто их слушать не хочет, мальчишки все гоняют по улицам, Агафья Матвеевна долго сокрушалась), вырываются на свободу и причудливо переплетаясь, соединяют в себе такое, что хватило бы на добрый десяток волшебных сказок. Здесь и злая мачеха и доверчивый царь, здесь и былинные мотивы и сказочные устоявшиеся поэтические обороты.

«А как вышел Иванушка во чисто поле, да как айкнул он по-богатырски, свистнул по-молодецки. Конь бежит, земля дрожит. Говорит: «Бери палицу в 100 пудов, поедем защищать царскую дочку». Вот приезжает он в бой. Как махнет палицей — станет улица, размахнется — переулица».

Это знакомо с детства, уже тогда мы все знали, как сильны русские удалые молодцы, как ловки они, добры и надежны, а вот поэтичность сказочных зачинов, комизм концовок понимать начинаем только теперь, когда Агафья Матвеевна после долгой сказки вдруг доверительно сообщает: «И я там была, мед-пиво пала, — такой рассказ имею, иначе как бы его знала, коли сама все не видала? Дали колпак, давай со свадьбы толкать. Дали кафтан синий да шапку с пухом, да сапожки сафьяны. Иду я по лесу, птичка над головой летает и кричит: «Синь да хорош!», а мне слышится: «Скинь да положи!». Сняла я кафтан, положила под кусток, иду дальше. А птичка не унимается: «Сапожки сафьяны!». А я слышу: «Сапожки рваны!». Ну, что ж

делать? И их скинула. А птица не унимается: «Шапка с пухом! Шапка с пухом!» А мне кажется: «Пух-то в ух!» Будь ты неладна, думаю, и ее на ветку повесила. Так ни с чем и домой пришла. Вот теперь-то и доказать вам не могу, что сама там была и все видала», — улыбается виновато Агафья Матвеевна.

А мы верим уже в сказки, где злу всегда достается по заслугам: «И посадил царь Яговну на полотняное прясло и расстрелял кислым молоком из портяного ружья».

Задумалась сказочница, потом, ни к кому не обращаясь, подвела итог: «Сказка — ложь, да она жалче, чем бесчеловечье и хамство». И вдруг спохватывается: «Да нет, хорошо сейчас жить стали, и песни хорошие поют, а вот люблю ту, где слова еще есть: «Кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет». Ой, девки, верно-то как! Да и как же не верно?»

Долго в тот день сидели мы у Агафьи Матвеевны. Уходить не хотелось. Но вечерело, проехал по дороге последний автобус. «Ишь как упалася, чисто поросенок, видать, издадека», — проводила его взглядом бабушка Агафья, еще раз удивив нас меткостью своих замечаний. Распрощались до завтра.

А с утра... «Здравствуйте, здравствуйте, девоньки, никак опять за сказками пришли? Ну и правильно, милые. А мне тут еще одна сказочка на ум пала». И рассказала: «Жил-был один бедный парень. И влюбился он в царскую дочку, а сватать ее идти боится. А друг его, Польшало, и говорят: «Так пойдем вместе, я поговорю с царем, он отдаст ее за тебя». Вот и пошли они сватать дочь царскую. Пришли. Царь спрашивает: «Зачем пожаловали?» — «Пришли сватать вашу дочку за этого молодца», — отвечает Польшало.

— А есть ли у него такой дом, чтобы курица на него залетала да звезды с неба склевывала?

— Не видал, — говорит Польшало, — как курица звезды склевывала, а вот как петух полмесяца в носу таскал видел.

— А растет ли у него капуста по пуду вилко?

— Не весили на пуды. Оторвали один листок, столбы поставили, листок на них положили, так целый полк солдат от дождя спасся.

Царь на ус мотает. «Хорошо, видать, живут», — думает.

— А есть ли такие огурцы, в три аршина длиной чтобы были?

Пожал плечиками Польшало да и отвечает:

— Были огурцы, возле соседского огорода посадили, через забор плеть перебросилась. Сосед плеть своей не считает, урожай не снимает, и мы из виду упустили. Вырос огурец. Один бок у него выгнул, за-

шла туда соседская кобыла с жеребенком, так три года искали.

Пришлось царю отдать дочку за муж, решил, что лучше жениха не сыскать. И сейчас они живут-поживают да добра наживают.

А потом «пали на ум» Агафье Матвеевне вновь свадебные припевки, причеты невесты:

Вы голубушки мои сизые,
Да лебедушки мои белые,
Не глядите, мои голубушки,
На чужие умы-разумы,
На чужие-то слова ласковые.
Не меняйте, мои голубушки,
Своего родимого тятенку
На чужого свекра-багюшку
И свою родиму матушку
На чужую свекровку-матушку,
И свою-то буйну головушку
На чужа-чужанина...

Полмесяца длилась фольклорная экспедиция, и все дни манил нас покосившийся домик на пригорке. Такие встречи бывают не часто. Но если она произошла, то будем благодарны и щедрой судьбе фольклориста, и поэтическому таланту и мудрости русского народа.

ПЕТЬКИНО ЛЕТО

Элеонора
КОРНИЛОВА

Рассказ

Рисунки
Т. Аппилоговой

Сам Петька был родом с Урала, а в Казахстан приехал с матерью. Что-то у них там произошло с отцом, и они подались на целину.

Сначала жили в общежитии, а потом им дали комнату в настоящем доме.

Приехать-то он приехал, а вот прижиться к чужому городку долго не мог. По улицам ребята ватажками бегают, на трех, а то и больше языках кричат: казахи — на казахском, чеченцы и ингушата — на своем, и все вместе — по-русски. Пыль, шум, потасовки.

Приехал Петька в начале лета, после окончания занятий. Вся ребятня в это время на улице. Но не сдружился с ними: больно шумны и все знакомы меж собой, а он чужак.

Котлован там был во дворе заброшенный, водой затопленный. Блоки каменные из воды торчат, как острова. Облюбовал он себе это местечко и целыми днями сидел.

Сидит, смотрит на воду и только вздрагивает, если ребята по воде пулынут. Очень-то к нему не приставали. Кому охота с немим говорить! А вечером мать его с работы приходила.

Схватит ее Петька за руку, как маленький, а ведь в пятый класс перешел, зайдут в дом, и больше в этот день его на дворе не видать.

То ли сама Петькина мать догадалась, то ли услышала, как ста-

рухи называют Петьку «сыченком», а только вскоре уехал Петька в пионерлагерь. Сразу на две смены, до конца лета.

Городок маленький был: всего два завода. «Сельмаш» — трактора делал, и насосный — там Петькина мать и работала. Заводики небольшие, но пионерлагеря имели хорошие. Все, кто хотел, ребятешек туда отправляли.

Природа, конечно, в Казахстане — степь. Ни дубов, ни берез. Но все-таки свежий воздух, и лагеря у речушек поставлены — ребятне на забаву покупаться.

Там, в лагере, Петька тоже дичился, но уже не так. Ребята собрались разные, друг дружку не знают, так что не один он такой.

День на третий слышит — шум, глядит — вдоль ограды толпа ребят лошадь гонит. Со всех сторон обступили и в угол направляют.

Ограда вокруг лагеря была — для красоты и чтоб ребята в степь не убежали. Высоченная ограда. По ту сторону яблони посажены. Ребята по яблоки туда лазили в «сонный час».

Видит Петька, загнали лошадь в угол ограды. Подошел к ней завхоз, за гриву ухватил, чтоб не вырвалась, узду вздел и повел.

Коняга эта заводская была, выделили для лагеря хлеб и продукты из города привозить. Вот она на воле и сообразила живо, что свобода слаще. Как завхозу ее запрягать — так она в бега по лагерю, и хоть дивизию сзывай ловить ее.

Ребята по своим делам разошлись, а Петька стоит и смотрит, как завхоз запрягает.

— А-а, штоб тя!

Он хлопал лошадь по ногам, она поднимала их и пропускала сбрую, а Петька наблюдал: в городе лошадь и не каждый месяц увидишь. Подошел поближе и спрашивает:

— Как ее зовут, дяденька?

А завхоз красный пыхтит, чересседельник затягивает.

— Э-т-т-о,— говорит,— н-н-е она...

— Ну, его как зовут? — не отстает Петька.

— Его? Его Огонек звали,— завхоз заухмылялся.

— А теперь как зовут?

— И теперь,— говорит,— Огонек зовут. По привычке.— Взглянул на Петьку и засмеялся по-мужичьи: — Мерин это.

Так они и познакомились: Петька и конь.

Чуть свет, а они уже вместе. Другие ребята в разбойников играют, из травы друг дружку выслеживают, а Петька все с Огоньком возится: то чешет, то хлеб с кухни тащит и подкармливает. А потом и вообще стали они с конем вдвоем ходить. Ходят далеко ото всех или стоят у ограды и в одну сторону смотрят.

Завхозу меринков совсем перестал в руки даваться. Бегал тот за ним однажды, бегал, задохся. Пришел в «сонный час» к воспитателю и шипит: «Буди пацана, мне в город ехать надо». А кто из ребят днем спит? Это ведь мучение — два часа вылежать! Петьку как ветром сдуло...

Привел Огонька, сам запряг,— к тому времени обучился. Завхоз зевает и на Петькину

худобу смотрит: «В город бы самого тебя послать, да ведь дите ты, еще переломисси...»

Уедут они, а Петька... Как привязанный, у ограды останется. Ждет, когда вернуться.

И надо ведь! Едут обратно вечером, меринок как почует Петьку, так и заржет, словно отца родного увидел, Петьку-то!

Другим ребятам оно, конечно, завидно. Тоже Огонька стали приваживать. Хлеб суют, крендельки. Ну, ведь лошадь не человек. Вскрапнет, а они врассыпную. Зубами овода хватит, а они визжать, думают, что кусаться хочет. Не ладилось у них с ним.

А как Петька покажется — Огонек к нему со всех ног! Разбежится, глядеть страшно. Мчит, того гляди — задавит. А он за полметра на полном скаку станет, как вкопанный, только ветром обдаст. Со своим шиком подлетал, значит.

Петька ему руку в гриву, тот — губы в Петькины волосы, и пошли шептаться... Картина!

Завхоз стал тайком Петьку на реку отпускать: и пацан оздоровеет, и мерину прок. Отпросит Петьку у воспитателя вроде как коня поймать, а сам тихонько за ворота их выпустит. Петька — верхом, и давай бог ноги обоим! Самое время в полдень купаться: жара, вода, как молоко. А они детей спать уторкивают.

А в степи-то, в степи... матушки! В полдень ни одна травина не шелохнется. Зной над землей стоит, как пух неосязаемый, воздух мягкий, травяной. Ягодку где заблудшую найдешь — так она, родная, красная и горячая, как есть живая. На свет ее поставишь — все зернышки маленькие видать. Кузнечики-трещуны — не бездельники... Все замрет от жары, а они знай себе звенят.

В небо посмотришь: ни облачка, такое голубое и белесенькое, как застиранный ситчик. И жавороночек один: «трень-трень», как прибитый к небушку висит и песенки свои — бусины — сыплет.

Петька-то городской ведь. Так и сомлел перед этим. Чаровница она, степь... Да и лето! Летом не только степь, простой плетень краше, чем зимой.

Приедут они с купанья, — у Петьки аж глаза затуманятся от воды, солнышка и всего этого. И Огонек: бока блестят, грива чуть не шелком рассыпается, и масть проявилась — красно-гнедая. А поначалу-то, как с завода его привели, так и цвету в нем не было. Так, серость одна, будто молю побитый.

Дело к осени тем временем. Огоньку — что! Он в календарь не глядит. А Петька заскучал. Иной раз будто рассердится на меринка, не выходит к нему. А тот, святая простота, встанет у его палаты, в окно заглядывает и зовет.

Вот и день прощальный настал, костер зажгли.

Ребятишки плачут, привыкли друг к дружке, а теперь им опять по разным школам.

Петька молчит, крепится, губы прикусывает. Огонек с ним рядом стоит, голову на плечо положил и тоже в костер смотрит, а в глазах его лошадиных две горящих капли вытанулись.

Наутро Петьку автобусом повезли, а мерин пошел следом, да ограда остановила. Так и простились.

А там и совсем осень настала: холодно, дождь сыпет, грязь. Это теперь асфальт навели, а тогда на целину еще мало вниманья было. Идет Петька в школу, еле ноги вытаскивает. Наохлился, чтоб за ворот не капало.

Слышит вдруг — ржание. Обернулся, а у закусочной Огонек стоит. С грузом стоит и мордой шевельнуть не может — поводья-то без растяжки к столбу прикручены. Он глазом косит и ржет.

Петька так его руками и обхватил. Грива у Огонька слиплась, хомутом болячку натерло и весь он с тела спал. Ржет Петьке в ухо — жалуется...

Рабочий тут вышел, отодвинул Петьку, взял поводья и хлестнул мерина. Прогрохотала мимо Петьки телега. На ней штук десять перемычек железобетонных. Не хлебушко.

И все, пока за угол не повернул, держал Огонек морду набок, все на Петьку смотрел. И Петька смотрел, но ничего не видел... Дождины скопились у него на воротнике и пролились за шиворот. Кончилось лето.

ОСТРОВ, КОТОРЫЙ ИСЧЕЗАЕТ

В одном научно-фантастическом рассказе Рея Брэдбери описывается путешествие на машине времени. Герой попадает в доисторическую эпоху, бродит по древнему лесу и случайно убивает бабочку. А когда возвращается в свой век — застаёт все, в общем-то, таким же. Но... изменились правила орфографии! Да еще на выборах в США избрали другого президента. Рассказ смешной, однако в нем кроется серьезная тревога. На весах времени взвешивается каждое человеческое деяние, будущее зависит буквально от каждого нашего шага по земле...

Одну из проблем, исподволь решаемую орнитологами Пермского пединститута, можно, пожалуй, сформулировать так: роль водохранилищ в жизни водоплавающих и чаек. Берега водохранилищ — в том числе и Камского моря — становятся экологическими ловушками для многих видов. Гнездясь, как обычно, у воды, откладывая яйца, птицы не знают, что уровень воды в искусственных водохранилищах неустойчив. В июне гнезда затопляет, потомство гибнет...

Правда, у чаек существует «запасной вариант». Они откладывают яйца вторично. Кстати, одна из тем исследований, ведущихся на острове Туренец в Камском море, — значение возобновляемых кладок в сохранении поголовья чаек.

Мир чайки — вот что занимает биологов. Продолжительность ее жизни, фактор воздействия человека, миграции... Профессора Болотникова интересуют водоросли, его коллег волнует бедность речной

воды кислородом, загрязненность вод. Становится все меньше рыбы. Чайкам приходится туго. По остаткам непереваренной пищи орнитологи с точностью могут восстановить рацион птиц: мелкие грызуны, прошлогодние оставшиеся на полях зерна с комочками земли, муравьи, вредные насекомые. С одной стороны, это не так уж и плохо — чайки приспособляются, они с новой силой подтверждают свою репутацию санитаров рек и полей. С другой — это симптомы тревожные. К птицам подкрадывается голод, чайки болеют.

А на первый-то взгляд жизнь чаек на острове кажется такой безмятежной. Знаменитые «детские сады» — десятки пушистых комочков в сопровождении взрослых чаек плавают вокруг острова. Летают в небе красивые, сильные птицы. Оказывается, птицам этим и их птенцам жить на земле совсем не просто...

Лет через пятьдесят островок Туренец, очевидно, перестанет существовать. Каждый год вода подмывает берега, «съедает» кусочек государства чаек. Орнитологи понимают это, а чайки — нет. Для них остров — родина, птицы возвращаются сюда каждую весну.

Помочь живому выстоять во все усложняющемся, изменяемом человеком мире — вот чего хотят люди, работающие на острове, вот о чем они думают.

На снимке: у птенца ласточки-береговушки уже отросли крылья, скоро он будет учиться летать.

А. БЕРДИЧЕВСКАЯ

«Хочется работать горячо и продуктивно»

Владимир БЛИНОВ

1.

Первомай двадцатого года... Первые советские праздники... Первые социалистические монументы в Екатеринбурге...

Возле памятника великому учителю пролетариата Карлу Марксу — небольшая группа людей: исполкомовцы, рабочие, представители заводских партячеек, чекисты. Стоят в толпе и художники, для которых сегодня двойной праздник: день солидарности пролетариев всего мира и открытие в городе революционных монументов.

Вот попыхивает трубочкой Степан Эрзя, неистовый энтузиаст, скульптор, известный не только в России, мечтатель, задумавший вырубить монумент Ильича из целой горы. Рядом — соратники по работе и по образу мыслей Илья Камбаров, Ваулина, Самарин, Голубев.

— Ну, что, Илья, пойдем и на вашу работу глядеть?

— Пора, пожалуй, — щелкает Илья Камбаров крышечкой часов.

Дружной компанией идут художники на площадь Парижской коммуны. Алыми полотнищами перепоясан Оперный театр. И здесь — толпы людей. Улыбки на лицах, песни. Голод еще не отступил, разруха еще держит за горло, но враг уже откатился, и верится в победу Революции.

Белый параллелепипед возвышается на площади перед театром — это памятник Парижским коммунарам. Он строг, лаконичен, честен. У основания его — барельефные группы, в центре обелиска — фигура коммунара.

— Эх, времени бы нам побольше дали, — вздыхает Камбаров.

— Ничего, Илья, ничего, — улыбается Эрзя, — шутка ли, за три месяца сколько мы наворотили, а я со своей «Свободой» вон какие мозоли наработал, сроду таких не бывало. Сотворим еще и не такое!

Покашливая, смотрит Илья Камбаров на новую работу, жмет руки товарищам-соавторам, вспоминает не легко, но радостно начавшийся двадцатый год с напряженной работой,

нездоровьем своим, вспоминает черные чугунные доски в память Либнехта, Вайнера и Свердлова, отлитые каглинами по его моделям. Смотрит на солнце, на ветки деревьев, набухшие почками, на робовьев и мальчишек, радующихся весеннему теплу, и уносятся его мысли туда — в даль дальнюю, в детство горькое, в Волжские степи.

2.

Я родился в 1879 году. Вот когда — еще в прошлом веке¹. Отца своего не помню, он умер, когда мне было полтора года.

Городок наш Камышин — глухой, оторванный от железных дорог зимой, оттаивал, оживал лишь с началом волжской навигации.

Как сейчас помню наш старый домишко на окраине города. По одну сторону — пустырь, заросший крапивой, репейником да коноплей, по другую — питейное заведение, шумный кабац, где пропивали последние медяки волжские грузчики, бурлаки, пришлые крестьяне. Драки, визг, матерщина. И так — каждый день.

После смерти отца на руках матери осталось пятеро. Вскоре старший брат (ему было 12 лет) стал работать мойщиком посуды на складе, а десятилетняя сестренка служила в людях. Питались мы, в основном, чаем да хлебушком, вернее, кусками хлеба, которые мать покупала у нищенки старушки, Ионики, которая была, между прочим, замечательной сказочницей. Ионику мы всегда ждали. Особенно зимой, когда было тоскливо, одиноко, не было теплой одежды и обуви, и в мороз носа из дома не высунешь. А уж как придет Ионика, мы обо всех невзгодах забывали: и хлеба приносила с собой, и сказок.

В долгие зимние дни я развлекал

своих младших сестренок тем, что вырезал силуэты разных диковинных зверушек, птиц, рыб, растений, рисовал на заснеженном окне фантастические сюжеты по рассказам ли Ионики, или по своим выдумкам.

С девяти лет началась типичная жизнь рабочего подростка в условиях капиталистического города. Подался я сначала в ученье к портному, где больше было пустой беготни по лавкам, мытья полов, нянченья с хозяйскими ребятишками, чем обучения ремеслу. Как-то раз уронил утюг, испугал хозяйку, и меня так избили, что еле до дома добрал, матери ничего не сказал, только горько плакал. Но она сама обо всем догадалась, и тоже плакала надо мной.

Потом был стекольщиком. Мне всегда нравились стекольщики, идут себе по улице, издали их слышно: «Вставляем стекла, чиним рамы!». Вот и подался я к ним, вернее, брат договорился с артельщиками. Не хотели меня вначале брать, мал был ростом и телом слабават. А ящик со стеклом был большой, тяжелый. К вечеру едва ноги волочил. Однако бодрился и, подражая взрослым, старался басить: «Режем стекла здброво, берем недорого!»

Нередко слышал вслед вздохи и причитания сердобольных женщин: «Глядите, какой махонький, ящик-то больше его».

Была в моей новой работе и маленькая радость — выделывать из замазки фигурки. Замазка была упругая, плотная, желтая и хорошо резалась стамеской. Вылепливал я и нашего пожарного с большими усами, и пузатого городского, и артельную собаку Рублика. Вечером, когда сходились артелью, товарищи, разглядывая мои поделки, хвалили меня.

Как-то после очередной спешки отпустили меня на рождественскую неделю домой. И когда я добрался до дому, бросился на постель и проспал чуть не три дня, добудиться не могли, испугались даже.

Тяжело вспоминать... Начало девяностых годов. По России свирепствовала холера. Безжалостной косой смерть косила многих знакомых и родных. Не до вставления стекол

¹ Автобиография Ильи Алексеевича Камбарова приводится с незначительной литературной обработкой автора статьи.

стало, хозяин занялся более доходным промыслом — делать гробы. От заказов отбоя не было. Я ходил по бедным и богатым домам, обмеривал покойников.

Начал искать другую работу, и как-то забрел в типографию, прельстили меня обещанные в объявлении свободные дни, воскресенья. С началом работы в типографии впервые стал задумываться: как жить, что мы есть, куда идем? Книжкой, пробудившей эти размышления, была «Первый мудрец врач Паскаль». Книжки давали мне товарищи — рабочие и знакомые учащиеся из реального училища. Жадно хватал я все, что давали, читал без разбора.

При типографии был магазин, на стенах висели картины. Редко удавалось купить книжку, но мне позволяли подолгу читать прямо в магазине, разглядывать картинки, в дорогих альбомах я впервые увидел печатные копии творений великих мастеров живописи и скульптуры.

А по воскресеньям, забрав круто посоленный кусок хлеба, уходил в свою любимую степь или на берег Волги с удочкой.

Волжские просторы, ночные сидения с товарищами у костра, такие разные лица людей — все это хотелось нарисовать, запомнить. Потянулся к краскам. И уже с упоением все свободное время отдавал рисованию и лепке. Я уже настолько прилично рисовал, что в типографии на меня обратили внимание, люди там попались добрые. И вскоре поручили резать на дереве клише для цирковых афиш. Товарищи поощряли меня, старались освободить от тяжелой работы, давали читать книги. Здесь и прошел свою школу. Так я проработал в типографии целых одиннадцать лет — от разборщика до печатника. Там же начал заниматься у учителя рисования, много писал с натуры.

— Бросай, брат, типографию, поезжай учиться на художника, — советовали мне старые рабочие.

Часть денег для поездки была скоплена, часть собрали товарищи. — Ничего, ничего, заработаешь — вернешь, — говорили они, провожая меня на пароход. — Главное, не забывай нас, коли прославишься.

И вот я — в Саратове, в вечернем классе художественного училища, было это в 1901 году. Днем — служба переписчиком в земской управе, вечером — занятия в школе.

Жить приходилось на гроши. Организовали с товарищами коммуны, вместе — все легче. Сняли маленькую дешевую пустующую осенью и зимой дачку на Волге, правда, далековато было пешком ходить до города, километра четыре. Перезябнешь по дороге в легком пальтишке и долго не можешь согреться в помещении, расчитанном на лето.

В училище специализировался по

скульптуре под руководством Волконского. На отчетной выставке мои работы были премированы, городские газеты дали лестные отзывы. Мой учитель настаивал, чтобы я ехал учиться в Академию художеств. После долгих колебаний вместе с товарищами выехал в Петербург.

Сразу в Академию попасть не удалось. И в 1904 году я посещаю класс художника Браза в Обществе поощрения художников, а потом моим наставником становится профессор Кардовский, которому понравились мои рисунки, и он пригласил меня бесплатно заниматься в его частной студии.

Так прошло несколько лет. Нужда не покидала меня. Черные туманы Петербурга разрушали и без того слабые легкие.

Жестокими выстрелами грянул январь 1905-го. 9 января я был вместе с учащимися и рабочими.

Мечта об Академии не оставляла, и осенью 1907 года я держал конкурсные испытания. Всего поступало 180 человек, выдержало — 24, из них 5 — на скульптурное отделение. Дальше было полугодовое испытание, которое прошли я и мой товарищ. Здесь я прошел серьезную школу, испытал на себе исключительное влияние Родена и Менье, их творениями увлекался, у них учился. Самым же великим титаном скульптуры считал и считаю М.Кельанджело. Люблю нашего Паоло Трубецкого.

Здоровье снова покачнулось, открылось кровохарканье, и в 1910 году пришлось оставить учебу и уехать для поправки здоровья на Урал. В селах, заводских поселках, где мы жили с женой, я много рисовал, устраивал самодеятельные спектакли, в которых участвовал как режиссер, актер и гример.

На академических выставках встречался с Репиным, Куинджи, на просмотрах и обсуждениях — с Кардовским, Бразом, Мясоедовым, Беклемишевым, Петровым-Водкинским. Помню, как однажды разгорелся спор, Репин убеждал Водкина отказаться от иконописности в портрете... Много было интересных встреч.

На выставке 1913 года экспонировалось пять моих работ — «Родные», «Крестный ход», «Скорбь», «Слепой», «Л. Н. Толстой».

В 1914 году учествовал на выставке в Екатеринбурге.

На Урале же встретил Великую Революцию.

3.

Идет Илья Камбаров по весеннему городу, смотрит на здания главного проспекта, на набережную городского пруда, где недавно еще стояли царские бюсты, сброшенные разгневанными солдатами. Он идет и видит

уже другой Свердловск, тот, что рисуется в его мечтах, город, в котором архитектура, живопись, скульптура выйдут к народу, на улицы, площади, украсят стены зданий и их интерьеры.

Впереди — малые и крупные выставки и далеко еще до 75-летнего юбилея в 1955 году в Доме работников искусств, куда придут чествовать уральского скульптора многие его коллеги, ученики, зрители.

Впереди еще будет много работы. Это и камерная, станковая скульптура, в том числе портреты многих великих соотечественников — Ленина, Толстого, Пушкина, Мамина-Сибиряка, изобретателя радио Попова.

И все же главное направление, которое выбрал Камбаров в 20—30-е годы, это городская монументальная скульптура как искреннее желание своим трудом и талантом ответить на ленинский план монументальной пропаганды.

Мемориальные доски выдающимся революционерам для Свердловска, бюст Петра Кропоткина для музея в Москве, барельеф к 200-летию Екатеринбурга, композиция «Борьба» (в Пермской картинной галерее), барельефы из цемента «Процессы труда» — для трибуны ко дню пуска Уралмаша, фронтон здания Дома офицеров, «Колхозница» и «Шахтер» в скульптурной аллее вдоль набережной городского пруда, «Горняк» на здании горисполкома, барельефы и мозаики для Дома промышленности, проект памятника летчику-герою А. Серову... И много других работ в дереве, гипсе, керамике, уральском мраморе. И еще — непреодолимое увлечение живописью, графикой, многолетняя педагогическая и общественная деятельность в Союзе художников...

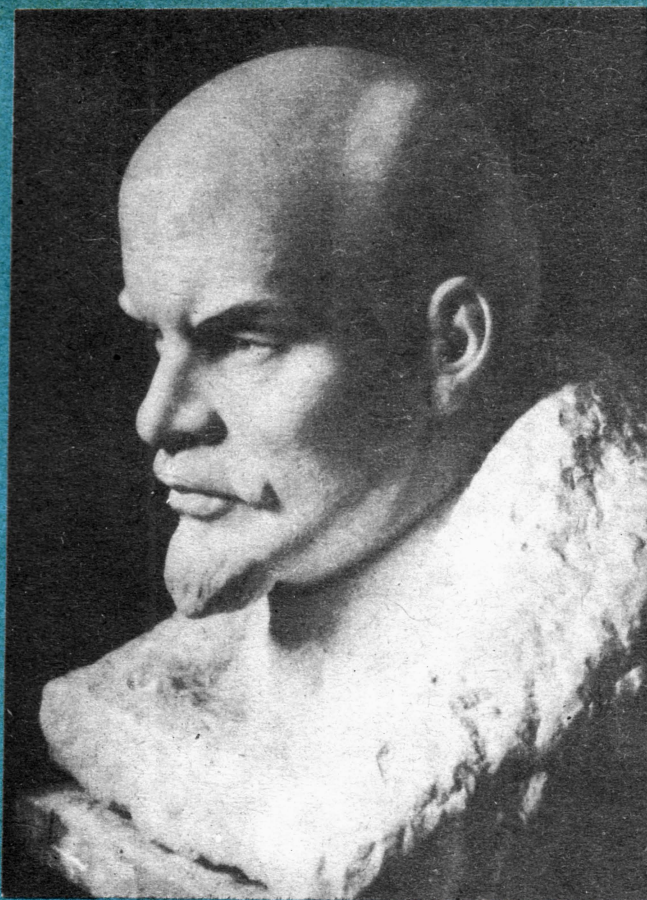
«Суровую школу жизни прошел я, — говорит скульптор, завершая свои биографические записки, — но как в молодости, так и сейчас меня согревает искусство и заставляет забывать все тяжелое, все обиды, все мелочи жизни. Я добился того, чего хотел...

Сейчас, когда в Советской стране так глубоко и широко поставлена проблема художественного оформления городов, для нас, скульпторов, поле деятельности еще расширилось. А на мою долю работы хватит!

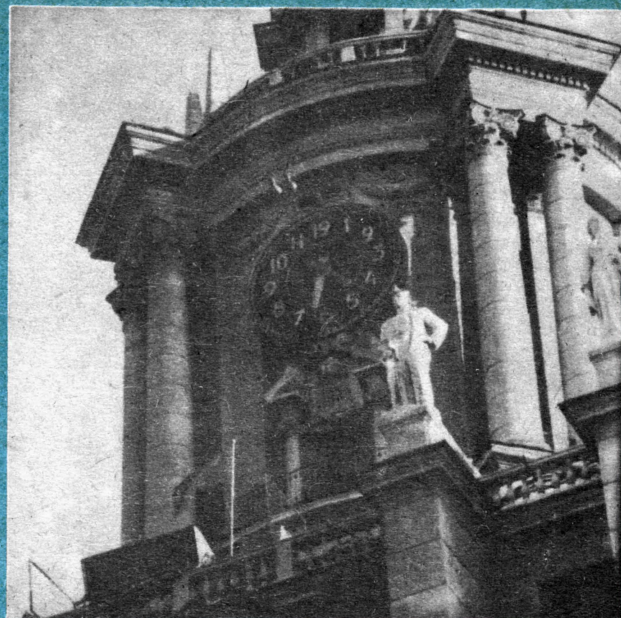
Интересно жить и творить, отображая нашу творческую эпоху, наших прекрасных людей. Хочется работать горячо и продуктивно. Вот и все, что я хотел сказать».

Он шел в ногу с энтузиастами.

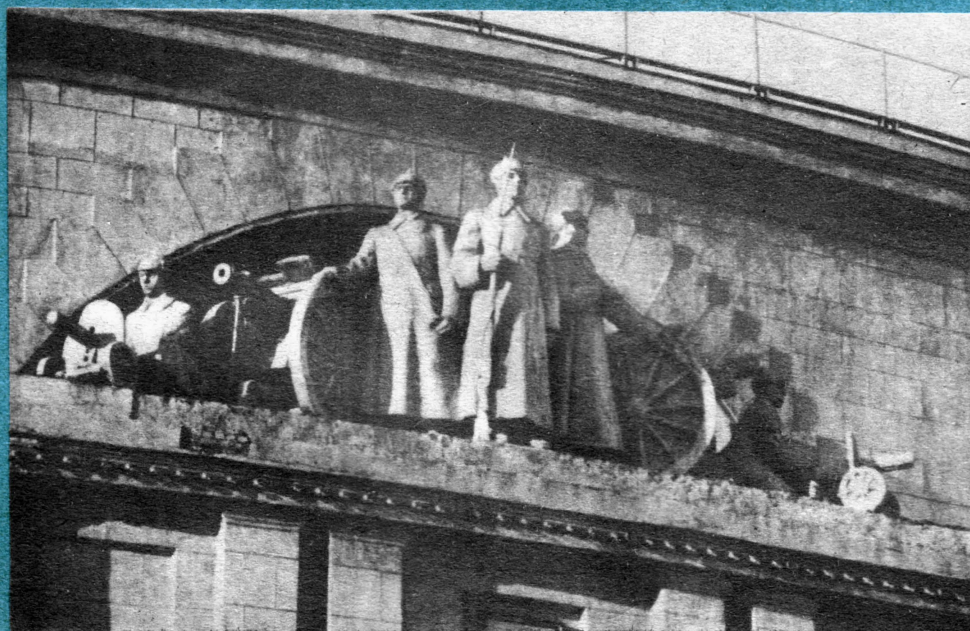

В. И. Ленин. Мрамор. 1953 г.

Горняк. 1948 г.

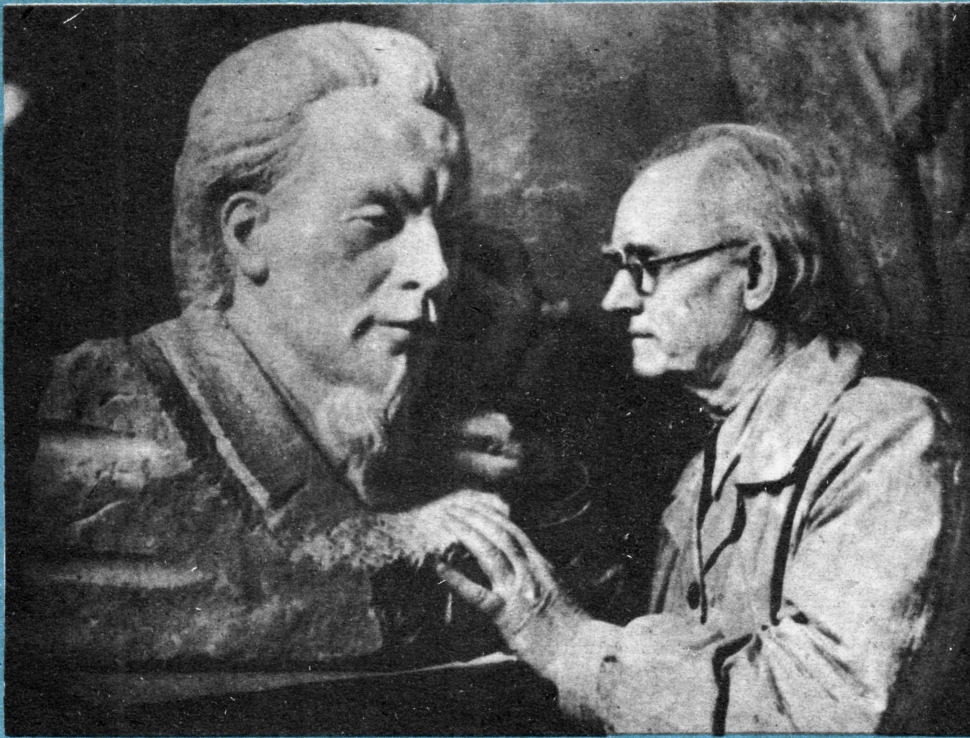
Фронтон Дома офицеров. 1939 г.

Мемориальная доска
Н. Г. Толмачеву.
Чугун. 1920 г.

А. С. Пушкин. Дерево. 1933 г. ▶

Илья Камбаров работает над портретом изобретателя радио А. С. Попова. 1954 г.

Русь сермяжная. Гипс. 1905 г. ▼

Д. Н. Мамин-Сибиряк. Дерево. 1939 г.

Сон. Гипс тонированный. 1927 г.?

Купальщица. Розовый ангидрит. 1937 г.

АБЛАКАТОВ И

другие

**Борис
РЫБАКОВ**

*Рисунки
З. Баженовой*

Сколько у русских фамилий? Сотни людей интересуются этим. Так что же такое — фамилия? В переводе с латинского это слово значит «семья». «Фамильные ценности», «фамильное сходство», «фамильные традиции» с одинаковым успехом можно заменить выражениями «семейные ценности», «семейные традиции», «семейное сходство». Историки, описывая события, происходящие 200—300 лет назад, часто в своих сочинениях пользуются термином «фамильное прозвание», замененное впоследствии просто словом «фамилия».

Можно ли было раньше жить без фамилий? Да, до известных времен. Ведь практически до XVII века русские люди свободно обходились без фамилий, называя друг друга по имени с добавлением профессии или должности, или прозвища, а то и просто указывая местность, откуда родом именуемый — мельник Панфил, староста Павел, Митька из Коломны, баламут Петька и т. п. Их дети уже стали именоваться по отцу: Никифор мельников сын Панфилова, Никита старостин, Федор баламутов сын Петькин... И если учесть, что церковные имена в России были в дефиците, то появилось много тезок, даже в одной семье. Поэтому фамилии, особенно в сочетании с именем и отчеством, и были как раз тем необходимым именованием лица, которое позволило более индивидуально выделить каждую личность в обществе.

Ни у Александра Невского, ни у Дмитрия Донского, ни у Ивана Грозного фамилий просто не было. У Минина и Пожарского тоже были только прозвания, но еще не фамилии. В России XVII века выделялись 16 знатных родов, члены которых, обойдя низшие чины, имели право «поступать в бояре». Чуть позже еще 15 родов пользовались значительными преимуществами. Бояре Трубецкие, Шенины, Салтыковы, Морозовы, Одоевские, Куракины, Волконские, Плещеевы и другие долгое время еще владели несметными российскими богатствами.

У крестьян фамилии появились значительно позже, когда возникла необходимость переписи населения в связи с созданием регулярной армии. И вот тогда-то в словарь фамилий вошли, казалось бы, ничего не значащие слова как растительного происхождения (капуста, морковь, дуб, береза, сосна, ель...), так и животного (названия птиц, зверей, насекомых, пресмыкающихся). Возьмите любой список фамилий, хотя бы телефонный справочник, и вы попадете в удивительный и фантастический мир фамилий.

Но нас сейчас будут интересовать прежде всего те фамилии, в которых за основу взята профессия, специальность, должность. Ведь в человеческих отношениях чин или титул, должность сословная специализация, профессия с древнейших времен были немаловажны не только в отношениях друг к другу, но и в ориентации человека относительно системы общественного производства и социальной иерархии классового общества.

Новые ремесла сменяли старые, на смену крестьянину-умельцу приходил профессионал-ремесленник, действительные должности превращались в номинальные наследственные титулы, потому что того или иного специалиста возвращались к крестьянству, становились купцами или выслуживались до чиновника. И вся эта сложная, многолинейная, долгая история профессиональных и должностных названий отражалась в номенклатуре фамилий.

Исследование фамилий может заинтересовать представителей многих наук: истории, этнографии, социологии, археологии и других. Один лишь пример. На владимирских заводах и фабриках XVII—XIX веков людей, выполняющих черновую работу, называли... жуликами, от слов «жуль» — нож, «жулить» — резать. Кличка-профессия прочно пристала к человеку, стала вторым его именем, а церковное имя между тем просто забылось. Не зная этого, мы незаслуженно мо-

жем причислить предков носителя этой фамилии к числу людей с непохожей репутацией.

Читая фамилии, вы не увидите ударений. Не считайте это упущением. Посмотрите, какой разнобой здесь: по всем законам в фамилии Стариков ударение должно стоять на последнем слоге, а фактически получается на первом — Стáриков. То же самое и фамилии Байдаков и Байда́ков, Бармин и Барми́н, Варнаков и Варна́ков и т. д. Только поэтому все фамилии оставлены без ударений. Пусть люди их произносят так, как привыкли.

Русских профессионально-должностных фамилий чрезвычайно много — более 50 тысяч. Ниже печатается небольшая толика из всей обширной картотеки — фамилии, образованные на основе наиболее употребительных слов.

Аблакатов. Фамилия образована из отчества, в основе которого диалектное искаженное слово «аблакат», то есть адвокат — присяжный поверенный, правовед, берущий на себя ведение тяжб и защиту подсудимого. Должность эта и само слово появились при Петре Первом.

Абреков. В русском языке «абрек» — отчаянный горец, давший зарок не щадить своей головы и драться неистово. Иногда же этим словом называли нищего, приставшего к грабителям, что подтверждается и дословным переводом с черкесского — разбойник, грабитель.

Агентов. Пришло из немецкого. Уже в 1635 году отмечено в обиходе как дипломат, доверенное лицо, представитель иностранного государства. Позже так стали именовать просто уполномоченного, которому поручено от имени общины вести дела в высших инстанциях, ходатая по делам, стряпчего, приказчика.

Алейников. Часто пишется как Олейников. Олей, или алей, — расти-

тельное масло. Так что в основе фамилии — специальность маслобойщика, который выделял подсолнечное, льняное, конопляное и другие растительные масла.

Амбарников. В старину практически ни один дом не строился без амбаров, в которых хранились припасы. Существовали общественные амбары, и тогда их смотрителей и работающих в них тоже называли амбарниками. Так именовали и амбарного вора.

Аптекарев. Из старинных документов известно, что «апотека» — хранилище, сокровищница, а «аптекарь» — служитель в нем. Позже, примерно с конца XVI века, аптекарем стали именовать медика, изготавливавшего лекарства. Он же частенько был и лекарем.

Аргунов. В старину аргунами называли владимирских плотников, которые своим мастерством прославились по всей Руси — резными наличниками, деревянными кружевами, карнизами, часовинками без единого гвоздя.

Ардашников. Ардашем когда-то именовали низкосортный шелк, который привозили из Персии или из Средней Азии. Шелк-сырец был хорошо известен, хотя качеством и не славился. Недаром в народе и поговорка сложена: «Купишь ардаш, даром денежки отдашь». Торговец этим шелком, естественно, ардашник.

Архаров. Более вероятное происхождение от тюркской основы: «архар» — горный баран. В XVIII веке архаровцами стали звать полицейских, сыщиков. В этом прозвище небольшую роль сыграл известный московский губернатор И. П. Архаров, служивший при Екатерине II и Павле I.

Афенков. В бытность коробейников существовало целое племя офеней (в акающих говорах — афеня). Офени торговали наравне с коробейниками мелким товаром — пуговицами, иглами, лентами, бусами...

Багранов. Был когда-то такой метод ловли рыбы. На реке ставили заковы, перегораживали русло реки забором, чтобы не дать рыбе идти вверх. Для охраны заколов и запруды назначался багран, баграч — сторож. В других местностях багран —

это человек, промысляющий рыбу багром, острогой.

Байдаков. При перевозке товаров по мелким рекам, на мелких местах и перекатах на помощь судовщикам приходили бурлаки, которых на Украине именовали байдаками. Но байдаком звали также и озорника, буяна, что также нашло свое отражение в создании прозвища и фамилии. С этими же понятиями связаны фамилии **Байдалакин, Байдалаков, Байдалин, Байдалкин, Байдалокин.**

Банников. Во многих народных говорах банник — это хозяин или содержатель общественной, торговой бани, а так же банщик, который мыл и парил в бане, естественно, за плату. В народе часто банником звали домашнего, злого духа, который якобы жил в бане. В военной терминологии — это пушкарь, который банит ствол орудия.

Баратов. В основе фамилии — торговый термин «барат», означавший раньше обмен товара на товар при торговле. Баратом и именовали такого менялу, который вершил свои дела не без пользы для себя.

Барашев. В старой Москве существовала Барашевская слобода, в которой жили бараша — ремесленники, занимающиеся обойными работами. Но еще раньше в княжеской свите кочевали люди, которые раскидывали княжеский шатер, благоустроивали его — тоже бараша.

Бармин. Барма, бармица — кольчатые доспехи воина. Но так могли дразнить и косноязычного человека. Бармой могли назвать и прислужника монарха или духовного сановника, так как «бармы» — это ожерелья со священными изображениями. Кстати, может быть, об этом напоминает имя боярина Невера Бармина.

Барыльников. Барылы — сосуды, в которых крестьяне брали воду в поле.

Басманников, Басманов. Басманом в Москве XV — XVI веков назывался хлеб, специально выпекаемый для царского двора. Тогда и возникла Басманная слобода, в которой жили пекари, иначе — басманы, басманники. По свидетельству историков, род Басмановых начался с Даниила Ан-

древича Басмана Плещеева, жившего в Орше.

Батожников. В архангельских говорах батожником называли трапезника, церковного сторожа с батожком, в других местах, особенно в южных, служителя воеводы, который шел впереди с палкой и расчищал перед ним путь.

Батраков. Первоначальное значение «батрак» — работник, отличающийся силой и усердием. О еще более древнем смысле профессии указано в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера: «подрядчик в артелях крючников». Намного позднее так стали называть подневольного работника или наемного рабочего для выполнения сезонных работ. Родоначальником фамилии считают Андрея Ивановича Батрака из влиятельного рода Вельяминовых.

Батырчиков. На первый взгляд, что здесь разгадывать? Мусульманское «батыр» — герой, решительный, доблестный. Но, оказывается, никакой связи с этим словом фамилия не имеет. Батырчиком раньше называли типографского рабочего. Об этом читаем в документах 1685 года: «К сей поступной грамоте в книге Печатного двора батырщик Андрей Егорьев вместо Сретенского монастыря старца Ионы... руку приложил».

Безменников. От слова безмен, основного орудия труда торговцев.

Берендеев. В древности было такое тюркское племя — беренден. Но почему дремучий лес называют берендеевым царством? В Ярославской области есть село Берендеево, которое когда-то славилось игрушками, берендейками.

Блюдников. Множество должностей было в княжеских домах — спальники, столыники, конюшие... Блюдники — дворовые, подающие блюда, прислуживающие за столом. В свадебных обрядах блюдниками были мальчики-кучера в повозке свахи, едущей за невестой.

Богомазов. Богомазами на Руси дразнили владимирцев и суздальцев, которые развили написанные иконы с изображением святых. Позднее, по аналогии, слово стало употребляться и по отношению к художникам вообще.

Боровщиков. Боровщик — лесной житель, который занимался лесным промыслом — сбором ягод, грибов, орехов, бортничеством. Но в более раннем понятии боровщик — сборщик кормов для княжеских коней.

Бортников. Бортъ — дуплистое дерево, в котором водятся пчелы. Человек, который собирал мед, был бортником.

Ботников. Ботник, ботчик — хозяин перевозного бота. Не исключено, что основу фамилии составляет производное от глагольной основы «ботать» — болтать, перемешивать воду боталом при загоне рыбы в сеги, бить и пахтать масло.

Бражников. Бражником называли не только любителя выпить, пображничать, но также и мастера готовить хмельную бражку, пиво.

Бронников. Бронник — ремесленник, мастеровой по изготовлению лат, кольчуг, шлемов и других доспехов. На Рязанщине — кузнец, оружейный мастер.

Булатников. Фамилия напоминает, что предки некогда занимались изготовлением булатных клинков, ножей и другого холодного оружия высокого качества. На юге России булатом или булатником именовали ловчего, который убивал волка кистенем с лошади. Не исключено, что основой фамилии стало тюркское мужское личное имя Булат, связанное с нарицательным «булат» — стальной клинок, сталь.

Буддаков. В нижегородских говорах «буддачить» — заниматься промыслом живодеров, кошкодавов, собачников, которые выменивали шкурки на мелкий товар.

Булычев. В тульских и ярославских говорах булычем именовали плутоватого торгаша. В большинстве же местностей центральной части России булыч — бесстыжий, глуповатый человек, а порой и наглый.

Бурлаков. Человек, тянущий лямку и идущий нутой вдоль берега. В архангельских, тверских и псковских говорах — крестьяне, идущие на заработки в другие места, сплавщики леса. Позднее слово стало синонимом необразованного человека, скандалиста и сквернословя.

Бутырин. В Москве и Рязани бутырками назывались пригородные слободы. В частности, в Москве Бутырки принадлежали университетской печатне. Видимо, отсюда «бутыря, бутырщик» — печатник, типографский рабочий.

Вараксин. О плохом писаре говорили, что он варакса. В некоторых местностях вараксой дразнили болтуна, пустомелю. Несомненно, одно из этих качеств и послужило основой для прозвища и фамилии.

Варников. Варник — работник на варне, то есть в заведении, где варили пиво, мед, соль...

Варягин. В некоторых местностях России в старину был в ходу глагол «варять» — заниматься развозной торговлей по селениям. Обычно в этой роли выступал мелкий купец.

Вахтеров. Слово «вахтер» пришло в русский язык из немецкого и первоначально означало смотрителя при складах, запасах, а в пензенских краях — сборщика податей, избираемого крестьянами.

Ведерников. Ведерник, бондарь, оброчник были центральными фигурами на селе, так как могли сделать ведро из деревянных клепок, бочку, оброч...

Ведунов. Наши предки были весьма набожными людьми и верили во всяческие сверхъестественные силы, боялись леших, бесов и прочих нечистых. А знахари, гадалки, ворожеи, — иначе ведуны, были с ними якобы связаны, почему иногда их предсказания и сбывались.

Вешняков. Вешняк — человек, родившийся весной. На Севере во время тюленьего, или весновального, промысла создавались бригады весновальщиков, или вешняков. Имя Вешняк было распространено почти повсеместно.

Волобуев. Правильнее было бы Волобоев, когда в основе фамилии заложена профессия волобая — мясника, специалиста по убою крупного рогатого скота, разделке туш.

Воротников. Мы уже привыкли слышать ударение в этой фамилии на последний слог. А ведь в основе ее профессия воротника — привратника, сторожа у ворот. Такие ворота

устраивались почти у каждого селения, и приезжие должны были платить налог за въезд, мостовые. На Новгородщине и на Севере воротниками именовали тех, кто правил рыбачьими воротом на тоне.

Воскобойников. Воскобойной в пасечном деле называется вошина, или сырой неочищенный и нетопленный воск. Задача воскобая или воскобойника и состояла в том, чтобы выжать из вошины остатки меда, очистить, вытопить и выбелить воск.

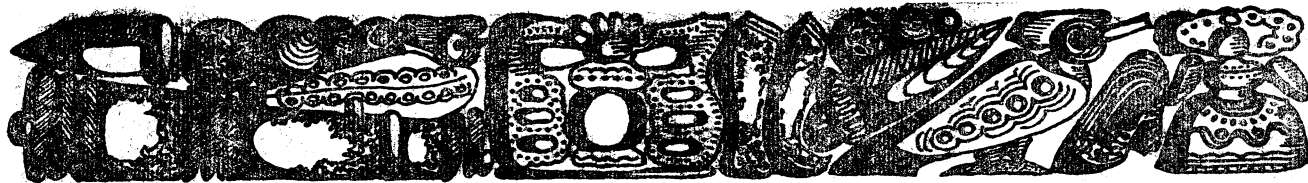
Врачев. В теперешнем понятии «врач» — лекарь, врачеватель, имеющий специальное образование и получивший разрешение на лечение людей. Однако в древнерусском языке слово «врач» означало колдуна, прорицателя, заклинателя, способного словами, заговорами излечить человека от недуга. Иногда, при благоприятных стечениях обстоятельств, это удавалось, и тогда слава о враче распространялась далеко за пределы округа. И все же в народе врачом звали говоруна, пустослова, шутника. Основанием для таких прозвищ служила глагольная основа «врать» — обманывать, говорить пустяки, небывальщи.

Гайдуков. Богатые вельможи XVII века взяли моду держать в своем имении специально обученных, красиво одетых мужчин высокого роста — гайдуков. Во время выезда вельможи на запятках кареты стоял разодетый гайдук. В некоторых местах России гайдуками именовали наемных работников, батраков, а иногда и нескромного, дерзкого на язык человека.

Галахов. Слово «галах» исчезло из нашего лексикона, осталось только в фамилии. А когда-то галахами называли грузчиков. Но было и имя Галах, как производная форма от Галактиона. Видимо, оба эти значения в какой-то мере стали основой фамилии.

Гасилов. В церковной терминологии «гасило» — церковный подстароста, в обязанности которого входило гасить свечи. Гасами, или гасилами, именовали в церквях борцов и силачей. Это тоже могло стать прозвищем, вошедшем в основу фамилии.

Гвоздарев. Гвоздарями называли кузнецов, которые по заказу изготавливали гвозди, скобы... Но первоначально

чально так в барских домах именовали заведующих напитками: от слова «гвоздь» — затычка в бочке.

Глинников. Разумеется от профессии гончара, горшечника, скудельника — тех, кто из глины выделывал посуду или месил глину для кирпича.

Головщиков. Торговец сбитнем, яствами, а в церковной терминологии управляющий одним клиросом в церкви и подчиняющийся регенту, уставщику. Любопытно, что термин мог быть применен и к уголовному преступнику, убийце.

Голубятников. Конечно же, это — любитель голубей, тот, кто их разводит. В старину существовал даже и голубиный промысел. «В голубятниках да в кобылятниках спокон веку пути не бывало», — говорили о пустяжном деле.

Гонгарев. Модно было крыть крышу дранкой, которую в некоторых местностях называли гонтом. Сейчас этот способ покрытия крыш считается дороговатым. Делали дранку, или гонт, гонтари.

Горюнов. Трудно на первых порах отнести эту фамилию к профессиональным. Горюн — тот, кто постоянно горюет. Но горюнами в старину звали монастырских крестьян в Брянской губернии, а также жителей Путиловского уезда Курской губернии. В похоронном обряде тоже была такая должность: горюн — факельщик, значит.

Гостев, Гостюхин. Под словом «гость» мы сейчас подразумеваем посетителя, человека, пришедшего по зову, иногда и незваного, а также посетителя гостиницы или постоялого двора. Прежде же гостем звали иногородних или иноземных купцов.

Государев. Когда-то государями и иногда господами именовали всех — барина, господина, помещика, вельможу. Этот сан до конца XIX века сохранился в Молдавии и Валахии. Считается, что «государь», «осударь», «сударь» в русском языке произошло от «господарь». В более поздние времена государем стали звать царя, царственных вельмож, особенно при обращении: всемиловейший государь — к царю, милостивейший государь — к великому князю, милостивый государь — ко всем прочим.

И, конечно же, ни один человек с фамилией Государев или Господарев не родственник носителям этого сана. Во время переписи у крестьянина не было фамилии, и писец, долго не думая, назвал его Государевым, так как он жил и работал на государевых землях.

Грабарев. Грабарь — землекоп. На Урале издавна известна лопата-грабарка.

Гридин, Гриднев. Вспомните «Руслана и Людмилу» А. С. Пушкина:

С друзьями в гриднице высокой
Владимир-солнце пировал...

Гридня, гридница — значит, покои или строения при княжеских дворах для телохранителей (гридни) из числа боярских детей. Таким образом, Гридин — княжеский телохранитель, воин отборной дружины.

Гриздубов. Зачем, спрашивается, грызть дуб? На Украине действительно грызли дубы тесальщики, которые поставляли сырье для краснодеревщиков. Известно, что древесина у дуба очень крепкая и при обработке приходилось буквально грызть дуб.

Гумеников. Наши предки гумеником называли домового, который якобы жил на гумне. Было такое поверье, что если его не задобрить, то он мог от обиды сжечь гумно. В большинстве же случаев гумеником звали сторожа на гумне или рабочего, который нанимался для работы именно на гумне. Можно предположить, что гумеником называли семинариста, отрока, которому по возмужалости на маковке головы выбривали гуменце.

Дегтярев, Дегтярников. Сейчас редко встретишь деготь, да и то лишь в аптеках для лекарственных целей. Раньше же он был универсальной смазкой — для колес, обуви, протравливания нижних венцов деревянных домов, для предохранения от плесени... Выгоняли деготь из бересты дегтярники, дегтяри. Они же, как правило, им и торговали.

Дохтуров. Фамилия несколько более распространена, нежели Докторов. Здесь сыграло, видимо, свою роль произношение — дохтур. Более того, в пермских говорах слово дохтур вообще означало мастера, знатока своего дела.

Драгалев, Драгилев. Драгиль — грузчик, носильщик, крючник. В тверских, калужских говорах и на юге России — ломовые извозчики.

Драгоманов. Драгоман значит толмач, переводчик с иностранных языков, особенно с восточных, на русский. Драгоманы постоянно находились в свите князя или вельможи.

Дураков. Пусть не обижаются носители этой столь непривлекательной фамилии. На старинных механических заводах станки или машины приводились в движение с помощью мускульной силы людей. Так вот, тех, кто вертел колеса вручную, и называли дураками. Может, потому, что кое-где дураками называли тыкву?.. Тогда это слово вовсе не имело нынешнего значения.

Дьяков, Дьяконов, Дьячков. Есть различия между дьяком, дьяконом и дьячком. Дьякон и дьячок — служители культа (дьякон — низшее духовное звание, помощник священника при служении, дьячок — служащий при церкви, причетник). Дьяк же относился к государственным деятелям, в уездных, волостных центрах дьяки служили, в основном, писарями, обучали сельских ребятшек грамоте.

Егерев. Исстари егерем — по-немецки это охотник — считали отличным стрелка, охотника. Егерем был и солдат егерского полка в армии.

Епанешников, Епанчин. В Москве до недавнего времени был Епанешников переулок, где жили и работали епанешники. А называли их так за то, что шили они широкие безрукавные накидки, плащи, которые назывались епанчами (слово это турецкое). Сейчас такой одежды нет, да и само слово исчезло из лексикона.

Ерыгин. В старину ерыгами называли приказных за их разгул, разврат.

Жаков, Жаковщikov. В некоторых семинариях и школах, особенно на границе с Польшей, жаком звали бурсака, певчего в школьном церковном хоре. Прозвище могло остаться на всю жизнь и стать основой фамилии. Но помещик мог именовать Жаком крепостного Ивана или Якова на французский манер. В южных районах жак — прижимала, притеснитель или ростовщик. Жаковщиком мог быть и мастер вязать вентери (жаки) — сети в форме мешка.

Жбанников. Различные бочата, перетянутые обручами, часто сверху зауженные, с крышкой делали бочары, они же жбанники.

Жеганов, Жиганов. На сахарных и винокуренных заводах рабочих называли жиганами. Кое-где жиганом называли опытного острожника, а в народе — тощего, поджарого человека.

Жерноклюев. Жерноклюй — тяжелая, но столь необходимая в старину специальность. День-деньской за околицей слышался перестук молотков — каменотесы выковывали жернова для мельниц. С этой же специальностью связаны фамилии **Жерновиков, Жерноклеев, Жерносеков.**

Жигалов, Жигарев, Жигулев. Все фамилии происходят от профессий людей, занятых на перегонке дегтя или обжиге древесного угля для кузниц. Сюда же следует отнести фамилии **Жигалев, Жигальцев.**

Жильцов. Жильцами в старину называли дворян, служивших при царском дворе во время войн, мальчиков для прислуги, а также крепостных, постоянно живших в имении помещика.

Житников. Основа фамилии переносит нас в монастырский двор, где за сохранностью хлебных запасов следили житники. Среди крестьян во время уборки урожая житники — это временные добровольные помощники.

Жуков. Конечно, отнести эту фамилию к числу профессиональных довольно трудно, если учесть, что истари жуком в народе называли черноволосых или просто чернявых людей. На многих фабриках России в XVIII—XIX веках чернорабочие — это тоже жуки.

Залогин. Залога — стационарный смотритель. В сельской управе существовали караульщики денег — залогги, по очереди нанимаемые обществом для охраны сундуков с казенной кассой. В архангельских, вологодских, смоленских говорах существовала система заложников, взятых вдова залога.

Звонарев. Не всякий из прихожан церкви мог звонить в колокола, возвещающая начало праздника или по другому какому поводу. Поэтому профессия звонаря ценилась высоко —

по красному звону. В старину даже существовали турниры звонарей. Но вот на Троицу (церковный праздник через семь недель после пасхи) говорили: «В светлую седмицу кто не звонарь». В этот день был такой обычай: всякий проходящий мог звонить в колокол, а таких любителей оказывалось немало. Иногда в народе звонарем, звонцом, звоном дразнили пустомелю, сплетника, болтуна.

Землемеров. Доходная в старину была должность землемера: у одного отсечь кусок земли, другому прирезать — это было в его власти.

Зимогоров. Зимогором на Волге звали грузчика, работающего только летом, на Урале — крестьян, приехавших работать летом в город, но не имеющих средств на обратный путь и принужденных зимогорить — зимовать в городе.

Зуев. Зуем в прошлом звали мальчишку, прислуживавшего на рыбном промысле. Подрастал сын, и в семье гадали — вырастет ли зуй в добычика. Кое-где зуем слыл бойкий человек, где-то угрюмый и молчаливый, или — хитрец и плут...

Игуменцев, Игумнов. Игумен — настоятель монастыря. По церковным канонам ему запрещалось жениться и иметь семью, поэтому потомков у него не было. А фамилию могли дать ученику семинарии, тем более что там было в обычае присваивать фамилии с основой из греческого или латинского языка.

Кавешников, Ковешников. Драгоценности раньше хранили в ковцах, шкатулках, ларцах. Так что ковешник — мастер изготавливать такие ковцы.

Кадочников, Кадашов. Кадаш, кадочник — бочар, бондарь, изготавливавший кадки, бочки. В старинной песне были такие слова: «Наехали кадаши — из Мещеры торгаши». К этому гнезду фамилий можно отнести и такие — **Кадошников, Кадышев.**

Казаков. В разных местностях значение слова «казак» различно. А. В. Суворов говорил, что «казак — глаза и уши армии». В Московской Руси и в старину на Украине казак — член военно-земледельческой общины вольных поселенцев на окраинах государства.

Камышников. На Енисее камышничать означало заниматься охотой или рыбной ловлей в камышах. В народных песнях камышник — разбойник, у которого притон в камышах.

Кануников. В Нижнем Новгороде кануниками дразнили священнослужителей. В Олонецкой губернии в обязанности кануника входило варить пиво для крестьянской общины. Во многих местностях России это были нищие, любители кануничать, то есть выпрашивать милостыню, кланяться.

Карпачев. Карпачем называли мастера по починке одежды. Здесь, видимо, сыграло свою роль значение глагола «корпеть» — усидчиво заниматься какой-либо нудной работой, поркой старой одежды. Раньше говорили, что, не научившись пороть швы, не научишься и шить...

Кашников. Оснований для фамилии много: артельный повар, извозчик, приезжающий из деревни в Москву на зиму промышлять извозом, в быту — любитель каши. В свадебном обряде кашниками дразнили гостей со стороны жениха: «Кашники, кашники, гнилые ваши гашники!»

Каштанов, Коштанов. В дореволюционной России коштаном прозывался ходок по крестьянским делам, так как содержался этот адвокат на мирской кошт. Каштан также староста, сельский начальник, а иногда и сдельщик при торгах. Просто перечислить все значения этого слова невозможно: и мироед, и скупой, и вздорный, неуступчивый, и хитрый, пронырливый, скряга, кляузник...

Клевцов. На севере России клевец — это дятел. Это значение дало повод и для названия профессии каменотеса. Клевач также и молоток каменотеса.

Клишин. Клиша, кличий, кличий — глашатай, объявляющий приказы правителей. В свадебном обряде — дружка, который потчевал вином всех, принимал подарки. В некоторых скотоводческих районах загонщик скота.

Ковалев. Коваль — значит кузнец. На Среднем Урале ковалем именовали мастера по ковке лошадей, другой же кузнечной работой он не занимался. В некоторых местах ковалем звали хитрого, изворотливого

человека или того, кто умел быстро наживать, как бы ковать, деньги. Но, видимо, первейшая основа фамилии «коваль» — кузнец.

Кологривов. В древности были специальные служители, которые постоянно находились около гривы коня, когда князь выезжал со двора.

Колокольников. Колокольник — мастер делать колокола разной формы, размеров и назначения. Церковный звонарь опять-таки колокольник. И уж совсем не в почете были сплетники, разносчики дурных вестей — также колокольники. Видимо, последнее значение дало фамилии **Колоколов, Колокольцев.**

Колпачников, Колпашников. На винокурных заводах колпачники были приставлены для наблюдения за спуском барды в бражном кубе. И, конечно же, изготовителя головных уборов и торговца ими иначе, как колпачником, не назовешь.

Котельников. Котельник — мастер по изготовлению котлов, казанов, самоваров, медной или латунной посуды. К этой же фамилии плотную примыкают Котляровы — мастера лудить, меднить, чинить посуду. В Туле котляры делали самовары.

Котовщиков. Фамилия несколько не связана с котом. В старину женщины носили меховые полусапожки, коты, а шили их, естественно, котовщики. Если в Сибири хотели сказать о щеголихе, то говорили: «В котях щеголяет».

Кощеев. В исторических документах 1054—1228 гг. упоминаются кошчи — обозная прислуга князя. Слово «кош» означает повозка. С другой стороны, в народе кощеем называли изможденного непомерной худобой человека, старика, скрягу, скупца и ростовщика.

Крамаров. Крамарь — разносчик товаров, мелкий торговец, лавочник, старьевщик.

Кровопусков. Одним из способов лечения некоторых болезней в старину было пускание крови, которым обычно занимались брадобреи, цирюльники.

Ктиторов. Ктитор в переводе с греческого означает «хозяин», а в церковной терминологии — церковного старосту.

Кузнецов. Одна из самых распространенных русских фамилий. Произошла она, конечно, от названия самой распространенной профессии — кузнеца.

Кулаков. Это не тот кулак, что мироед с толстым пухом. В старину кулаком именовали торговца, перекупщика, живущего обманом и барышничеством.

Кутейников. 24 декабря старого стиля — сочельник. Обычно в этот день варили кутью — кашу из риса, ячменя, пшеницы с изюмом. А церковники всегда были не прочь поест и даже выпить за чужой счет. Вот за это их и прозвали кутейниками.

Кушнарев. Правильное старинное название древней профессии кушнер — скорняк, выделывающий меховые изделия в отличие от кожевника. Другие фамилии этого же гнезда **Кушнерев, Кушнеров, Кушников** — это уже различные местные говоры.

Ладейщиков, Лодейщиков. Уж забывается это слово — «ладья». Лишь шахматисты называют так одну из фигур. А раньше на Волге, Северной Двине и Каме ходили большие ладьи длиной до 50 метров, брали они на борт до 90 тысяч пудов соли. Ладейщиком, или лодейщиком, называли или владельца такой ладьи или матроса на ней.

Ланщиков. Фамилия ничего общего не имеет с быстрого ланью. На востоке России в ходу были китайские деньги, лан серебра оценивался в 40—50 копеек, золотая лана стояла 12,5 лана серебром. Отсюда ланщик — ростовщик, богач. На Украине лан — поле, пашня.

Лашкарев, Лошкарев. Мастерской, промышленной выделкой деревянных ложек, прозывался лошкарем. Однако имеются доказательства о тюркском происхождении фамилии от персидского «лашкар» — армия, войско, воин.

Лимарев. Лимарь, точнее, римарь — шорник, специалист по изготовлению конской упряжи. Сложен был процесс изготовления кожи-сырмяги для шорных изделий. Вначале шкуру мочили в квасе, потом закапывали в навоз, чтобы сопрела и облезла вместе с волосами. И уж только потом выминали вручную. Сюда

же следует отнести фамилии **Лымарев, Рымарев.**

Лихарев. Лихарем в старину именовали знахаря, который пытался колдовством лечить людей. В сердцах его могли обозвать и лиходеем, так как кроме лиха и беды для больного ничего не выходило.

Лихачев. Прокатиться бы на лихаче! — было мечтой каждого. Лихач — легковой извозчик с щегольской закладкой, на лихой лошади. Да и вообще лихач — боевой, отважный, удалой и расторопный парень.

Лоскутников. На базарах и ярмарках были лоскутные ряды, где продавались остатки или обрезки тканей, а также старые, поношенные вещи. Но кроме торговцев лоскутниками так же звали и оборванца, заплатника.

Лубенников. Наши предки широко и умело использовали для своих поделок в хозяйстве все части дерева, в том числе и луб, или лубок, находящийся под корой, который шел на покрытие крыш, на изготовление мочала, а с молодых лип — и на лыко для изготовления лаптей. А заготавливали и торговали им лубенники.

Не пойдешь в лес за ягодой и грибами без лукошка, а плели это нехитрое устройство лукошники. Владимирские коробейники бродили по российским дорогам тоже с лукошками.

Майданников. Майданник — хозяин лесного завода: смолокурни, дегтярни, поташни. Наши предки иногда говорили: «Не будь олухов, не стало б и майданников». Здесь под майданником подразумевается мошенник, промышленный игрок в кости, карты, орлянку на базарах и ярмарках.

Маклаков. Маклак — перекупщик, который за определенную плату сводил покупателя с продавцом, имея при этом барыш.

Маяков. Маяк — барышник, скупающий у крестьян сало, шерсть, щетину. Искусный мошенник, он весь свой век маячит по деревням.

Мытарев, Мытников. Мытарь, мытник — таможенник, взывавший мы-

то — таможенный сбор — при переезде из одного княжества в другое, с товаров, привезенных на торг, за переезд по мосту. В Москве и сейчас есть улица Мытная, по которой, видимо, проходила граница чых-то владений и где жили мытари, или мытники.

Недельников. Вроде бы какое отношение имеет недельник (слово, находящееся в основе фамилии) к профессии? Ведь «неделя» — название одного из дней (воскресенья) на Украине, в Белоруссии. Однако в старину обвиняемого в суд приводил недельник, недельщик — специальный пристав. В некоторых местах дневального на охране каких-либо объектов, назначаемого на неделю, конечно же, именовали недельщиком, недельником.

Нотарев. Нотарь — в древнерусском языке означало писец. Позже нотарием или нотариусом стал чиновник, который свидетельствовал договоры, обязательства и прочие документы, сделки между частными лицами.

Овчинников. Овчинник — скорняк, мастер выделывать овчины на любой вкус взыскательных заказчиков.

Оловянников. Оловяник — мастерской, делающий оловянную посуду, которая известна в России с древних времен. Известно, что олово было дорогим и изделия из него ценились очень высоко. Отсюда и значимость специалиста.

Опасов. Опас — подпасок, мальчик при пастухе. В старину опасом называли гонца, прибывшего с опасом, с опасной грамотой, а еще позже это значение перекинулось на пастуха, сторожа, караульщика.

Оралихин, Оралов. Казалось, все ясно — Оралом прозвали крикуна, горлопана, а Оралихой — этакую сварливую крикунью. Однако орало, оратай — это пахарь, тот, кто шел за оралом — орудием для вспашки земли. Оралихой именовали женщину-пахаря.

Останин. На Дону казаков, не принимавших по той или иной причине участия в походах, в которые уходило большинство станичников, дразнили остаями, осташками, останцами. Сюда же следует отнести и

фамилии **Остальцов, Останков, Осташкин, Осташков, Осташев.**

Пасторов. Пастор в переводе с латинского — пастух, более употребительное в значении «духовный пастух, священник». Можно предположить, что фамилия возникла в стенах семинарии — владельцем ее стал сын священника.

Пищалин, Пищальников. Пищальник — воин, стрелок из пищали, а также мастерской, изготовлявший такой вид оружия. Пищаль была известна в России уже с конца XV века. Второй вариант создания фамилии от прозвища Пищала, Пищальник — писклявый или плаксивый ребенок.

Пластунов. Каждый мужчина, который служил в армии, знает, что такое ползать по-пластунски. В старину это были разведчики авангардных частей, которые только ползком могли преодолеть линию фронта с целью добыть важные сведения о противнике. А первоначальное значение слова пластун — пеший запорожский стрелец.

Погребняков. Нет, потомки носителя этой фамилии не имеют никакого отношения к похоронному делу. Погребняком в старину называли владельца или содержателя винного погребка.

Погребщик. В зависимости от ударения и возникал смысл фамилии. Если это был погребщик, то он заведовал винным погребом. А вот погребщик считался могильщиком, гробовщиком.

Подвойский. Фамилия сохранила для нас в неизменном виде название специальности глашатай и исполнителя приговоров Новгородского веча — подвойского.

Подключников. Подключник — помощник ключника, который заведовал в богатых домах столовыми приборами, прислужгой... При дворах бояр, помещиков было даже звание — кормового двора подключник.

Подьяков. Подьяк, подьячий — служащий канцелярии в качестве исполнителя, делопроизводителя. Как их только не дразнили! Это — и приказное семя, и крючок, и чернильная душа.

Полюдов. Полюдем во времена Владимира Мономаха назывался объезд владений князем для суда, расправа и наставления людей. Значение слова было распространено и на сбор дани для князя или налога в пользу помещика.

Пономарев. В основе фамилии название должности пономаря — причетника, служителя церкви, который зажигает свечи, готовит кадило, прислуживает и звонит в колокола.

Портнягин. Истари известна специальность портного, занимающегося шитьем одежды. Портнягой могли назвать или плохого портного, или ученика, еще не достигшего настоящего мастерства.

Посохин, Посохов. Посохи — солдаты, воины, ратники. Но на больших реках так же называли ватагу бурлаков, остановившихся на привале в деревне по избам. Посохом в древности именовали и сборщика посошной дани или десятника, который выводил людей для исправления дорог.

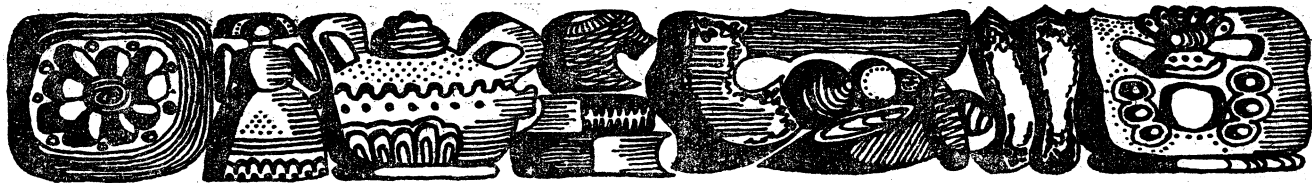
Постовалов. В основе фамилии профессия постовала — валяльщика полотен — шерстяных покрывал, полотен, идущих на занавеси, обивку саней, экипажей. Отсюда и — Пустовалов.

Пошляков. Вряд ли сейчас кто помнит первоначальное значение слова «пошляк». Нам представляется этакий низкий в нравственном отношении, грубый человек. В старину же было другое его значение: купец, записанный в свою сотню, с уплатой 50 гривен серебром пошлины, а на границе — досмотрщик, таможенник, взимающий плату за проезд границы, мытарь.

Прасолов. Прасол — скупщик у населения мяса и рыбы для перепродажи, перекупщик скота.

Проскурин, Проскурников. Проскура в церковной терминологии обрядовый хлеб. Тех, кто выпекал такой хлеб по заказам, именовали проскурами или проскурниками. В это же гнездо фамилий следует отнести и такие: **Проскурницын, Проскураков, Просвириин, Просверников, Просвириков, Просвириин.**

Протазанов, Протозанов. Фамилия явно связана с боевым прошлым Русского государства. До огнестрельного оружия войны были вооружены бер-

дышами, широкими копыями — протазанами.

Прудников. В числе многочисленной челяди при боярском дворе были и прудники, приставленные для ухода за прудом. Не исключено, что имя Прудник было дано ребенку, который часто «прудит» в пеленки.

Пульников. В старину каждую пулю, которой заряжалось ружье, изготавливали поштучно: отливали ее, обтачивали, подгоняя по калибру. Это была довольно трудоемкая работа и выполняли ее специалисты — пульники. В ходу была и небольшая монета из меди — пул. Нищий, который собирал подаяние такими монетами, естественно, тоже пульник.

Пушечников, Пушкарев. Фамилии, несомненно, одного гнезда, но смысл, заложенный в их основе, разный. Если пушечником обычно называли человека, который изготавливал пушки, то пушкарь — воинская специальность, прислуга при пушке.

Рабочев. Кажется, все просто. Ну кто не знает, что такое рабочий? Старинные же словари дают такое толкование этому названию — взятый для черновых, заводских, фабричных, сельских работ; простой прислужник, нанятый для выполнения каких-либо работ, батрак.

Распопин, Распопов. Распопа, распоп — расстриженный, отстраненный от службы поп. В старину даже поговорка-скороговорка существовала: «Распоп не поп, а поповичи — распоповичи». Приставка «рас» в отношении к лицам церковного звания означала отставку от должности: раздьякон, распономарь.

Расторгуев. Обычно расторгуюем на ярмарках и базарах называли расторопного торговца.

Ратников. Ратник — так часто именовали ополченца, воина земского войска, выставяемого во время войны, а также солдата регулярных войск.

Решетников. Решетник — мастеровой, изготавливавший решета. Особенно искусны были в плетении решетных полотен, рогож владимирицы и костромичи.

Рудоманов, Рудометов. Эти фамилии никакого отношения к руде как

ископаемому с содержанием металлов не имеют. Дело в том, что рудым называли в старину рыжего человека. А когда говорили о руде, то имели в виду кровь. «Разбил нос до руды» — так говорили о том, кто разбил нос до крови. Рудоманом или рудометом называли знахаря, лекаря, который лечил людей кровопусканием.

Рукавичников, Рукавишников. Рукавичник — ремесленник, который шил рукавицы из меха, вязал из пряжи, а нередко и торговал ими.

Сальников. После того, как сало вытоплено, разлитое по кутырям, его везут на продажу. Так вот торговец салом и есть сальник.

Свечников. Свечник — мастер, который изготавливал свечи для церкви, а иногда торговал ими. При царском дворе существовал обычай, когда при выходе царя или царицы впереди них шел свечник и освещал дорогу. В церкви при свечах стоял обычно монах-свечник.

Седельников. Седельник — такое было почетное звание конюшего из охраны князя, почетного коневого. Сюда же следует отнести фамилии **Седельщиков, Сидельников.** В основе фамилии — профессия седельщика, специалиста по изготовлению седел.

Селянинов. Селянин — поселанин, пахарь, а в некоторых местах и сельский заседатель.

Сенников. Что такое сени? Сени — дом вообще, судебное место, архиерейское подворье, княжеский дворец. Отсюда сеник — сенный служитель, горничный. Сенником мог быть и торговец сеном.

Сердюков. На Украине в старину существовали сердюки пехотные полки, в которых казаки-сердюки находились на денежном довольствии. Сердюки также и казаки из гвардии атамана.

Серебренников. Серебренник — серебряных дел мастер, специалист высокой квалификации, изготавливающий изделия из серебра ковкой, чеканкой, протяжкой, занимавшийся серебрением изделий.

Синельников. Синельник или синельщик — вообще красильщик, мастеровой, красящий ткани.

Скляров. В украинском языке еще и сейчас есть слово «скло», что означает стекло.

Скобелев. Скобель — стальной нож с двумя ручками для строгания в тележном и санном деле. Обычно скобелем ошкуривают кору деревьев. В это же гнездо фамилий следует отнести **Скобельцын, Скобликов, Скоблов, Скоблев, Скобелин.**

Скоморохов. Скоморох — музыкант, дудочник, гуслиар, промышляющий этим ремеслом и пляской, песнями, шутками, фокусами. Нужно было быть искусным исполнителем всего этого, недаром говорили: «Всякий спляшет, да не всякий скоморох», так как «У каждого скомороха свои погудки».

Скорняков. Скорняк — промышленник, занимающийся выделкой меховых изделий. Иногда скорняки сами шили шубы, тулупы, полушубки, меховые рукавицы и торговали ими.

Скудельников. В фильмах показывают бояр, которые на званых пирах пьют хмельную брагу из братин, ендов и прямо из кувшинов. А вот кувшины-то делались из золота, серебра, иногда и из олова. Это были дорогие кувшины и предназначались они для царей, для бояр. Бедный же люд лепил себе кувшины из глины и назывались те кувшины скуделью, а изготавливали их обычно скудельники, иначе гончары.

Скуратов. Скурат — в переводе с древнерусского «лоскут кожи». В переносном смысле скуратом звали сапожника.

Смердов. В старину смердом называли вольного хлебопашца, но позднее бояре так стали звать крепостных крестьян. Были городские смерды — прислуга, нанимающаяся в дом, сельские — нанимающие землю по договору, по условию. Естественно, что крестьяне не любили этого имени. И была создана пословица: «И медом не пои, только смердом не брани».

Солодовников. Солодовник — владелец солодовни, заведения, где готовят солод — проросшее зерно, идущее на приготовление хмельных напитков. Сюда же следует отнести фамилии **Солодеников, Солодельников, Солодунов, Солодунин.**

Соляников. Много всяких пошлин и налогов платили наши предки, была и такая пошлина — за ввоз соли, соленой рыбы, икры и прочей солонины. А собирали такую пошлину соляники, чья профессия стала основой для прозвища.

Старцев. Старец — как правило, странник, который пел свои думы. Старцами называли также монахов. Соборный старец — член монастырского совета или собора. Рядовой старец — простой, недолжностной монах.

Стремянов. Одна из придворных должностей — стремяной, в обязанности которого входило подвести царю коня, идти у стремени при тогдашней степенной езде, а также у саней и карет при царских выездах.

Ступников. Ступник — токарь, который точил ступы из дерева, металла для обрушения проса, ячменя, овса... Но ступник также делал и ступицы к колесам экипажей, телег. Сюда же следует отнести и фамилию **Ступаков**.

Сырейщиков. Сырейщик — скупщик сырой, необработанной кожи. В барских домах псарь, который делал навар из падали и замешивал на нем овсянку для собак.

Сытников. Сытником встарь называли придворного служителя при царе или великом князе, который возил в походе сосуды с питьем (сытом).

Тарханов. Из двух братьев Москвитных, ставших прекрасными драматическими актерами, младший — Михаил Михайлович — выбрал себе псевдоним Тарханов. Именно под этой фамилией знала и любила его московская публика. Но Тархановы жили и раньше. Тарханы — это от вотчинников, свободных от всех податей людей. Чуть позже в некоторых местах так стали именовать скупщиков холста, пеньки, шкур, мерлушки и прочих товаров.

Татауров. В конце XIV века бояре, а позже священники носили кожаный пояс — татаур или катаур.

Тиунов. Тиун в старину — судья низшей категории, который правил суд по указанию князя прямо на месте, позже — управитель, приказчик.

Толкачев. В харчевнях всегда толкалось много всякого люда. Иной и перепеть. Вот тогда в дело вступал толкач, который выталкивал подвыпившего клиента за дверь. Иногда толкачом звали наглеца, буяна, что также могло отразиться на создании прозвища и фамилии.

Травников. Естественно, лекарь, который пользовал своих подопечных травами, составлял различные сборы из трав. В Хохломе это относится к художнику, который пншет травку, это мог быть и москательник, торгующий травами.

Третников. Третники в древней Москве правили третями, то есть частями города. Кое-где третник значил пайщик в одной трети, а местами — пахарь.

Трубников. Трубниками раньше называли пожарных, среди которых были трубники и подтрубники. Фамилия могла возникнуть и от профессии трубочиста.

Укладников. Уклад — устройство, устав, порядок. Отсюда укладник — надзиратель за порядком, введенным ранее. Но был и топор с укладом, то есть с наваренным из твердой стали лезвием.

Фурманов. Фура — большая телега, фургон для перевозки клади, фурман — ее хозяин.

Хабаров. Хабар — барыш, удача. Поэтому хабаром называли взяточника, ростовщика. Еще раньше хабаром именовали вестника, гонца.

Хамовников. Сюда же следует отнести фамилии **Хамов**, **Хамцов**. Нарцательное хам, составляющее основу фамилии, ничего общего не имеет с теперешним значением слова — наглый человек, ругатель, безобразник. Добрых два, а то и три столетия назад существовала профессия хамовника — ткача. В Москве даже была слобода, где жили хамовники.

Целовальников. В разных районах России значение основы фамилии — целовальник — было неодинаковым. Человек, который под присягой хранил княжеское имущество, сиделец в питейных домах, кабаках — на юге, на Урале и в Сибири — смотритель мирской житницы и сборщик сыпного зерна. В костромских говорах под должностью целовальника под-

разумевали церковного старосту, а в тульских — объездчика, смотрителя лесов и полей. Все эти должности были доходными, прибыльными, и нередко соблазняли легкостью наживы. Поэтому еще в древности был введен обычай: перед назначением на должность человека приводили к присяге — он целовал крест, отсюда и название должности.

Цирульников. До появления больницы цирульня (в смысле — парикмахерская) была многоотраслевым заведением. Здесь не только стригли волосы и брили бороды, но и зубы рвали, кровь пускали в лечебных целях.

Чарушников. Чарушник — довольно высокая придворная должность — виночерпий, чашник. Задача этого лица состояла в том, что он подавал царю чашки с питьем и принимал их от него, передавая их столыникам и спальникам.

Черепанов. Гончар, горшечник, который готовил черепушки, мелкую глиняную посуду.

Чигарев. В вологодских краях чигарь значит овца. Отсюда чигарь — пастух овец, чабан. На юге России чигирем называется водоподъемный механизм для полива садов, виноградников, бахчей.

Чумаков. Чумаки — украинский крестьянин, который возил на Дон и в приморские города хлеб, а обратно — соль, рыбу. Сиделец в кабаке, кабатчик — тоже чумаки.

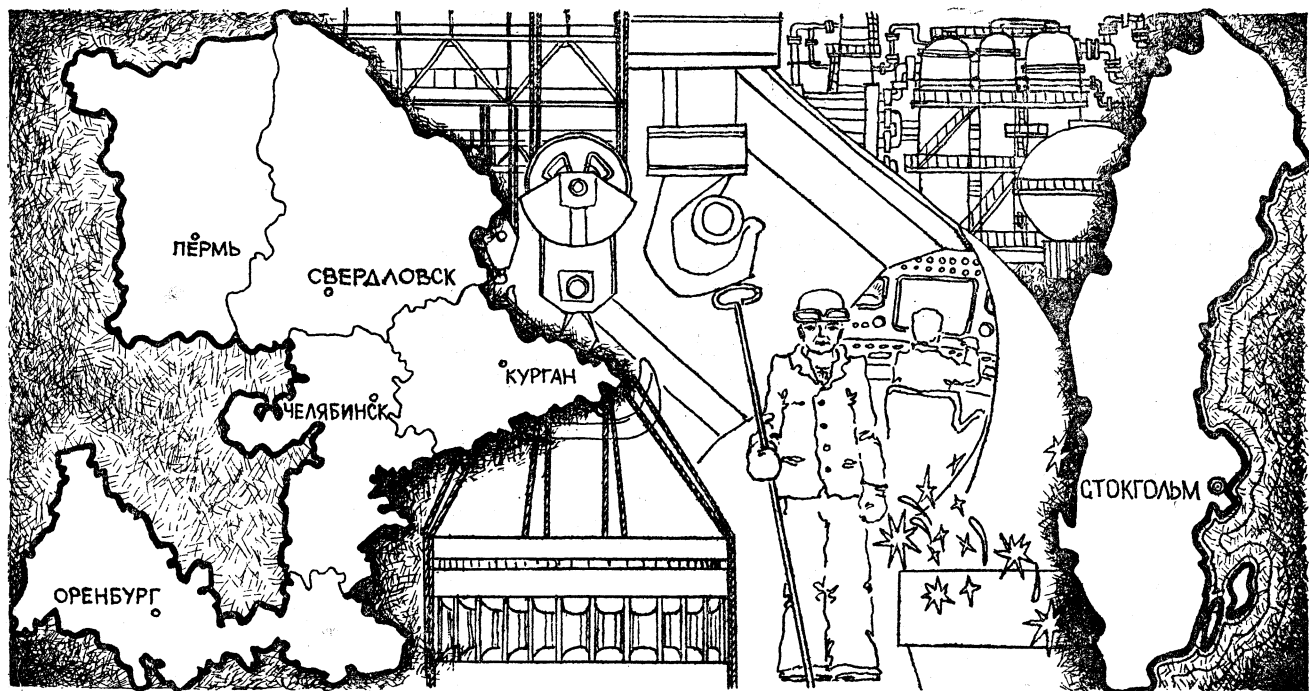
Шаповалов. Сейчас шапки шьют, а раньше их делали валяными из шерсти.

Швецов. Швецом на юге России называли сапожника, а портного — кравцом. «Швец, знай свое шевство, а в кравецство не мешайся», — говорили наши прадеды.

Шерстобитов. Шерстобит — мастеровой, который треплет шерсть, пушит ее, чешет — готовит для пряжи или валяния.

Шибасев. Фамилия имеет в своей основе профессию перекупщика, прасола, называемого шибасем.

УРАЛ - ШВЕЦИЯ - Э = 1

**Кирилл
НОВОСЕЛЬСКИЙ**

*Рисунок
С. Малышева*

Что это — итоговый счет матча двух старых соперников? Да, но, правда, по несколько неожиданно «виду спорта» — экономической борьбе, которую две страны (Швеция в смысле политическом, а Урал как природно-хозяйственная территория) начали 300 лет назад, а может быть, и гораздо раньше...

Мы еще вернемся к перипетиям этой захватывающей борьбы чуть позже, а сейчас речь пойдет о человеке, старом большевике и большом ученом, который еще в 1939 году раскрыл причины, обнажил суть экономического соревнования Швеции и Урала и предрек победу нашей громаднейшей и богатейшей области, как называл Урал В. И. Ленин.

Подпольная кличка этого человека была Николай Большой, а настоящее имя, под которым его знает советская и мировая географическая наука, — Николай Николаевич Баран-

ский (1881—1963). 27 июля ему исполнилось бы 100 лет...

Молодому читателю незнакомо, наверное, это имя. А вот люди постарше — каждый из них! — помнят автора школьного учебника по экономической географии СССР, по которому среднее поколение с 1935 по 1955 год познавало хозяйство Родины.

Н. Н. Баранский много сил отдал развитию преподавания в средней и высшей школе, выработке у людей, вступающих в трудовую жизнь, как он говорил, географического мышления. «Географическое мышление — это мышление, во-первых, привязанное к территории, кладущее свои суждения на карту, и, во-вторых, связанное, комплексное... играющее аккордами, а не одним пальчиком». Именно такими «аккордами» были лекции и многочисленные труды Баранского.

Центральным понятием в эконо-

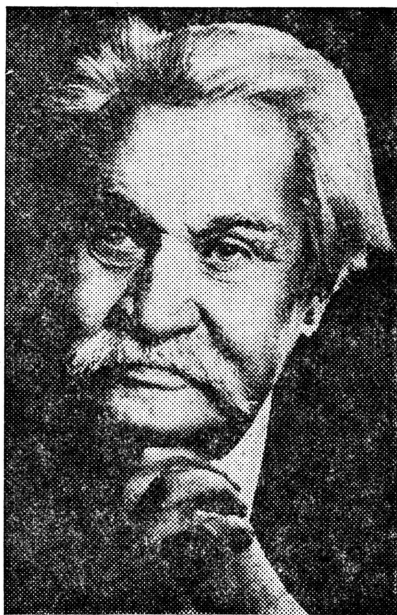
мической географии — дирижерской палочкой, что ли, всей системы географических наук — Баранский считал территориальное разделение труда между экономическими районами страны и между целыми странами, а одним из важнейших факторов, влияющих на это разделение, — географическое положение города или страны «ко вне его лежащим данностям» — как природным (горам, рекам, морям), так и созданным человеком в процессе истории (торговым путям, рынкам сбыта, крупным центрам). Ярким примером, иллюстрирующим эту мысль, и стала сравнительная характеристика Урала и Швеции.

Итак, перед нами две окраины Европы, разделенные расстоянием в 2,5 тысячи километра. Что же дало Баранскому право поставить их рядом? Обе страны — горные, лежат в холодно-умеренном климатическом поясе, их горы — старые, достаточно разрушенные. Они имеют большие запасы высокосортной железной руды, но не обладают сколько-нибудь значительными запасами коксующихся углей. Хорошо обеспеченные лесом, Урал и Швеция — старые районы древесной металлургии. С конца XVII и по конец XVIII века они были ведущими поставщиками металла во всей Европе.

Как мы знаем, с первой половины XIX века в металлургической промышленности Урала начался застой, а с конца века — кризис, социально-экономические причины которого были вскрыты В. И. Лениным. Напротив, Швеция, хотя и с временными перебоями, неуклонно продолжала свою индустриализацию. Н. Н. Баранский показал, как на ходе экономического развития сильнее всего сказалась разница в географическом положении этих стран.

В чем же состояло отличие? Выразительны и точны слова самого Баранского:

«С одной стороны, вы имеете хребет, лежащий вдоль морского берега, у моря, выходящего к странам Европы, давно уже развившимся, а с другой — хребет, лежащий на границе Европы и Азии и весьма далеко запрятанный от моря. Ясно,

Н. Н. Баранский

что Швеция, располагая связью по морю с уже развитыми странами, могла развиваться значительно раньше Урала; Урал должен был ждать и железных дорог, и многого другого, прежде чем он мог по-настоящему развиваться».

«Урал, — подчеркивал Баранский, — смог подняться только в наши времена, в условиях социалистического общества...»

И сегодня, просматривая справочники, убеждаешься в правдивости этих слов.

В обеих странах жители городов — «командного состава страны», как говорил Баранский, — составляют подавляющее большинство их населения (около 80 процентов). Общий индустриальный облик Урала и Швеции также схож. И там, и здесь основными отраслями специализации являются металлургия, машиностроение, химия, целлюлозно-бумажное производство. Характерно, что масштабы простых производств, которые во многом определяются наличием природных ресурсов (добыча железной руды, лесозаготовки, выработка электроэнергии), на Урале и в Швеции практически одинаковы. Это позволяет нам рассматривать их как равные по возможности развития.

Но по производству ряда продук-

тов более высоких ступеней обработки Урал на целый порядок превзошел Швецию — по чугуну, стали, прокату в 10—12 раз, по цементу — в пять раз. Разве что по выработке бумаги и картона уровень Швеции пока значительно выше.

В целом же социалистический Урал обладает в три раза большей промышленной мощностью, чем Швеция — высокоразвитая капиталистическая страна. Именно этот «счет» и вынесен в заголовок. Правда, «команда» уральцев больше шведской (примерно вдвое), но не настолько, чтобы этим можно было объяснить «выигрыш». Важные социальные показатели, как число врачей и число студентов на 10 тысяч человек населения, также говорят в пользу Урала.

Таким образом, на примере Урала мы наглядно увидели, что «неудобства положения» при всей их важности не представляют собой, однако, каких-либо абсолютно непреодолимых препятствий к развитию страны. На определенном этапе развития эти неудобства могут перекрываться и фактически перекрываются преимуществами общественного строя, в данном случае социалистического строя над капиталистическим» (Н. Баранский).

В 1928 году у Баранского возникла идея экономико-географической характеристики всех районов Советского Союза. Характеристику «надо давать так, — писал он, — чтобы она ногами упиралась в «землю» — с геологией, геоморфологией, климатологией, почвоведением и т. п., туловищем проходила через историю, а головой упиралась в политику и идеологию».

В наше время экономико-географическое положение Урала исключительно благоприятно. С прокладкой ряда меридиальных железнодорожных магистралей оно могло бы еще улучшиться. Но удобства положения — это лишь возможности, которые надо суметь использовать. И нет сомнения, что специалисты, объединенные в сильные научные коллективы, сумеют это сделать.

Повесть

КАЗАК ГОРЕВАНОВ

**Владимир
ПЕЧЕНКИН**

*Рисунки
Н. Мооса*

«...Прибыв декабря первого числа, Демидова старые и новые заводы осмотрел... В хорошем весьма порядке и в самых лучших местах построены...»

Поморщился — от зависти к заводчику и от ломоты в пояснице. Лист бросил, другой взял, перечитал бегло.

«...А на государевы заводы сожжалительно смотреть, что оные здесь заранее в добрый порядок не произведены... весьма ныне в худом порядке: первое — в неудобном месте построены и за умалением воды много прогулу бывает, второе — припасов мало, третье — мастера самые бездельные и необученные... Уктусские и Алапаевские заводы построены в весьма неудобном месте... домны стоят, и из оных пушки лить без исправки до будущей весны невозможно...»

Далее свое донесение перечитывать не хотелось — таково противно. Подписал: «Генерал мазор Георг Вильгельм де Геннин». Чихнул, ругнулся по-русски. Всякий свой немецкий нос в большой плат вытер. В декабрьские холода поехал по демидовским заводам, сильно простудился, теперь недужилось: бил озноб, спирало дыхание. Но паче того — обида: у Демидова крепко дело поставлено, на казенных же заведениях, как ни бейся, неурядки многие, от помощников нерадивых одно воровство, пьянство. Новый городок Екатеринбург столь добротню замыслил, но строится многотрудно: в людях постоянное оскуднение, бегут людишки неведомо куда. Известно, житье на заводах — не мед. Все подчиняется регламенту адмиралтейскому: утром в поляного колокол бьет на работу, с одиннадцати до полпервого перерыв, после сызнова работа до семи либо, летом, до восьми часов. Но что ж делать — адмиралтейский регламент государем введен. Требуется государь железа, пушек, тесаков. Невозможно ослабить работу, само дело того не допускает. Ежели станут заводы казенные железо давать скудно и не столь добротное — как бы не отдали их владельцам частным, которые только и ждут, чтоб весь Урал прибрать к своекорыстной выгоде.

Акинфий Демидов молод, но лукавства в нем в презабитке! Вместе с приказчиком Степкою Егоровым, по хозяйству лукавым же, принимал Геннина угодливо, обхаживал всяко. Едва не впрямую взятку сулил. Предлагал на ночь в покои девушку прислать... Жулик...

— Ап-ап-чхи-и! — чихнул генерал троекратно.

Тотчас явился конторский начальник Головачев.

Не видеть бы никого, не слышать бы... Геннин встал, к Головачеву спиной повернулся, к окну подошел.

Снег, мороз. Деревья голые, черные. Под окном, на дворе обербергамта, и на льду реки Исети, всюду, сколь глаз объять способен, — снег дорогами, тропами исполосован, всюду копошится людской муравейник. Вон солдаты стучат топорами, вершат крышу дома гостевого, для постоя приезжих. Служивые эти, девятсот солдатских душ, из Тобольска присланы для обережи Екатеринбурга, но пришлось их тоже заставить работать, чтоб строительство города надолго не затянулось. Жалованье солдату — одиннадцать алтын в месяц. Геннин просил у царя дозволения платить им еще по три копейки в день за работу, да государь скостил половину, всего полторы копейки давать повелел. Из солдат многие тоже в бега ударились... На цепь, что ль, приковать людишек?

Головачев у двери ворохнулся, о себе напоминая. Все так же, в окно глядя, Геннин ворчливо сказал:

— Вот что... Башкирским и иным улусным старшинам отпиши, копии изготвь, сколь потребно: беглых имали бы и в Екатеринбург под караулом гнали. За поимку оных брали б у них все их пожитки... кроме лошадей. Поисковым же командам в поимку тех беглецов всякое вспоможение чинить... Ты понял?

— Не извольте беспокоиться, все сполним.

Копоятся люди на снегу. Строится новый град рос-

сийский, именем государыни-императрицы нареченный. Но не гораздо прытко, мешкотно движутся люди и лошади, мало, мало строителей, нерадивость, оплошность кругом... А поясницу ломит, голова — что котел чугунный...

— Стой, — окликнул Геннин Головачева. — Не ведаешь ли, что за арестант эвон? В цепях до тюремного каземата ведут. Сдается, рожа его уж видана.

Головачев подбежал, из-под генеральского локтя в окошко пригляделся.

— Господи, память-то у вашего благородья каково отменна! Сей вор на Кунгуре при канцелярии пребывал малое время писцом, да по нерадивости его изгнан был...

— В чем воровство? — перебил Геннин.

— На заводе Башалыкском, в казаках тама обретаюсь, смуту затеял, крамольны речи сказывал. За то его сюды, на розыск да правей вчерась с железным обозом под караулом...

— Ступай.

И когда Головачев уже за собою дверь тихонько притворял:

— Стой! Вели ко мне привести вора.

Ставшися один, глубоко вдохнул кабинетный воздух жаркий, спертый. Пробормотал:

— Душно! Свежего бы воздушку...

Давно ль дышал без опаски соленым ветром Балтики! Давно ль, силам своим не зная меры, воевал под российским флагом против Карла шведского, возводил в Новгороде гранжементы, редуты, в Финляндии укрепления военные, застраивал пушечнойлитейные заводы в Петербурге... Давно ль — всего двадцать годов назад — он, артиллерийский инженер, в любую погоду не страшился мчаться в повозке или в седле по мерзким дорогам Олонецкого дистрикта, ставил крепко дело плавильное, сыскивал в России и в странах зарубежных себе помощников толковых, бергмейстеров, гитенмейстеров... Давно ль!

Ныне одолевают недуги. Силы уходят, страшно мороза и ветра свежего... И не счастливей ли генерала тот молодой казак-писец?.. Тому пытка предстоит. А бесилие, хворь — не пытка разве? И неведомо еще, что судьба уготовит генералу, который, столько лет в империи Российской прослужив, так казнокрадству и не обучился, богатства на старость скопить не умел...¹

Привели арестанта. Поклонился генералу в пояс — цепной каторжный звон резанул воздух душный.

— Ты кто?

— Башалыкской полусотни казачий десятник Ивашка Гореванов.

Конторский начальник усмотрел в повадке крамольника неуместную наглость. Осадил ехидно:

— Был десятник, стал изменник, будешь покойник.

— В сем последнем чине мы все будем со временем...

— Молчать! — Геннин мотнул головой, уронив с носа каплю. — Каков гусь! — и Головачеву: — А ты не встравай, прочь поди...

— Вор опасен может быть...

— Пшел!

— Как прикажете... — Головачев скользнул за дверь.

Геннин арестанта разглядывал. И тот глаз не потупил, стоял без дерзости, но и без робости. Генералу это не понравилось: коли в цепях ты, должен явить покорность, трепет. Хотел прикрикнуть, а — чихнул.

— Будь здрав, барин, — просто сказал арестант. — В баньку б тебе, венничком...

— Молчи! Ишь, лекарь мне сыскался.

Сел в кресло, слабость и озноб чувствуя. Отдышался. И уже не сердито:

— А ответстуй-ка мне, лекарь банный, чего тебе

¹ В царствование императрицы Анны Иоанновны бывший управитель Уральских заводов де Геннин занимался «потешными делами» — изготовлением фейерверков для бесконечных царских праздников.

в казаках не жилось? Чего ради к измене склонился?

— Христианску кровь не пролил, разве то измена? За что мужиков убивать было? Не от баловства они работы оставили. От недородов, притеснений мрет рабочий люд. Нешто казак должен смерти множить?

— Все люди смертны, сие истина непреходяща. Только дело, на благо отечества содеянное, остается долго на земле.

— Разве то дело и благо, когда народ бедствует и мрет? Разве то бунт, когда справедливость ищут?

— О бунте мне ведомо. Государевой казне поруха от него содеялась, потому и карать бунтовщиков неослабно надобно. Не о том любопытствую. Ответь, как посмеи ты присяге изменить, приказу послушаться? Казак присягу дает от всяческих врагов дело государево блюсти, а ты бунтовщикам потакал, сам кричал дерзко.

— Комеданта назвал изменником, так он и есть таков. Пошто вы, управители набольшие, над мужиком править бестолковых да корыстных начальников ставите? Выходит, сами вы ворами потакаете, кои народ губят...

— Молчать! Ты мне кто, верховный прокурор?! Я присягал государю моему, а не народу, и совесть моя чиста!

Ивашка усмехнулся:

— Чиста, барин. Как стеклышко — и не видать ее. Под твою высокую рукой народу тягость, государю кривда — добро ли ты служишь?

Негодование стеснило грудь: «Пред бунтовщиком оправдания себе ищут?!»

— Вон! Головачев! В каземат его! Кха, кха... хамы!! Зазвенели цепи. Головачев вытолкал взащей арестанта. Бить плечистого парня остерегся: даром, что солдат рядом, вору терять неча... Словцом ехидным кольнуть не преминул:

— Правду говорят: дураку и грамота вредна. Доумствовал, домудрил. Погоди, вздернут ужю за глупость твою!

— Не за мою, за чужую. И не меня одного, все царство за господскую глупость слезьми и кровью платит.

— И опять дурак ты выходишь. Ха, за чужую дурь, вишь, страдает! А ее во благо себе потреблять надобно...

— Знаю тебя: нашему вору все впору. Гляди, кабы не лопнул. То-то вони будет!

У Головачева более слов неостало, а злость сверх горла подперла. Хотел в затылок звездануть, уж кулак поднял — казак, то почья, обернулся, с усмешкой в упор глянул. Опустился кулак сам собой.

Генерала бил озноб, гнев, капель. Прибежал лекарь Иоганн Спринцель, совал к губам пахучую жидкость в пузырьке гишпанском, брызгал водой. Геннина одели, укутали, отвели во флигель и уложили в постель. Головачев вертелся бесом, лекарю помогать тщился, утешал:

— Сему наглецу велел я баатов немедля...

— Пшел к дьяволу! Стой! Казака бить не смей! За крамолу будет розыск сугубый, а к моей хвори он не причастный. — А Спринцелю прохрипел: — Не стану во нищу пакость глотать, водки мне! Да вели баню топить.

После бани и водки лежал в поту — хоть выжми. Однако легче сделалось. Кашель не трепал. Приказал Вильгельм Иванович свечей принести и бумаги те, о башанлыкской крамоле, что к сыску представлены. Супругу от себя отогнал: не мешай, поди в гостиную болтать с лекарем, благо до пустословия оба охочи. Читал бумаги и думал.

В сумерках, свечи задув, лежал и думал, думал. Потом велел кликнуть конторского начальника.

— Что казак?

— Сидит в каземате. На вид смирен, да в тихом омуте...

— Пусти его.

— Куды?

— Совсем пусти. На волю. Но клятву возьми с него крепкую, что впредь на казенных заводах и окрест более его не увидят.

Головачев взгляделся: не бредит ли их благородье с хвори да с водки?

— Тойсь, как же его, разбойника, на волю? За каки заслуги?

— Честен и прям сей казак. Ныне честные столь на Руси редкостны, что кабы и вовсе не перевелись... Ты, Головачев, сего разуместь не способный. Пусти, приказываю.

Головачев остолбенел.

— И... и... цепь с него снять?!

— Ну и дурак ты. В печах куды ему уйти? Сей секунд выведи казака со двора самолично. Пшел.

Ночь от метели белеса. Ветер сечет снегом колким. За вихревой кисеей расплывно видятся большие костры, подле них черные, на чертей похожие, мужики — утром почнутся земляные работы, надобно оттаивать стылую глину.

Бьются тщето вихри в непоколебимый утес тюремной стены. Головачев и тюремный смотритель глядят, как пропадает в метели человек, заносит след его белые струйки...

«Диво! — хмыкает Головачев. — Господин управитель, хопь и немец, а дурь в ем самая российская. Эко удумал: бунтовщика на волю, а меня, верного слугу, облаял всяко. Я бумаги пишу неоплошно, разборчиво, взятки беру не боле иных, а сколь званию моему приличествует — каких еще честных ему надо?..»

Озяб и пошел к себе, в квартиру теплую, казенными дровами топленную, на казенные деньги обставленную. Вспомнил: давеча в контору приходил подрядчик, что поставляет кожи для шитья сапог солдатских, и презентовал он Головачеву ковер восточного узора прелестного. Кожи-то гниловаты, а ковер хорош весьма... Вспомнил это Головачев, и на душе приятнее сделалось.

10.

Мели белые метели. Сменяли их голубые весенние ветры. А там и летний знойный сухой ветер налетел из далей азиатских, опалил рощи и нивы. Остудить землю холодными дождями неслышно приходила осень. Шло времячко, тянулось, летело — кому как повезет. Год миновал. И еще...

Город Екатеринбург с божьей помощью построен был. Вильгельм Иванович де Геннин с превеликою радостью в Петербург отписал: «Екатеринбургский завод и все фабрики в действе, а именно: две домны, две молотовые, три дочатых молота, два беложестяных молота, укладная, стальная, железорезная, проволоочная, пыльная мельница, и еще скоро две молотовых поспеют в действо».

Сколько здоровья стоило ему это заводское действо! Зато идут с Урала в Россию пушки, лемеха, штыки солдатские, палаша драгунские и прочие весьма надобные изделия. А сам он, ныне генерал-поручик, все так же радует о пользе заводов казенных, и все так же старания его увязают в преполах премногих. Всякого рода управителей корысть ненасытная, воровство подрядчиков и поставщиков, пьянство мастеровых, бегство рабочих, бумажная канитель никчемной переписки со столицею, на все это надобны силы и время, а нехватку того и другого Вильгельм Иванович постоянно и с каждым годом более чувствовал. За большими и малыми работами генерал и думать забыл про арестанта Ивашку Гореванова.

Да и в Башанлыке немногие помнили. Сперва слух был, что бежал он из-под караула. Иные за подлинное

сказывали: верно, бежал, да при сем его солдат застрелил. Казаки башанлыкские к тому больше склонялись, что убер все ж Ивашка из Екатеринбурга. Уставщики и прочие господа посмеивались: после пытки далеко не убежать. Кто чему хотел, тот тому и верил. Вскоре исчезли из Башанлыка трое казаков горевановских: Порохов, Соловаров да крещеный татарин Ахмет. Все голь перекатная, слезы лить по ним некому...

Сакмарский атаман

1.

Межгорьями, пролесками, по землям башкирских улусов движется обоз. В телегах пожитки небогатые, ребяточки малые, косы, бороны, лемеха. Мужики, бабы, детишки постарше пеши идут: весна лишь в начале, трава мала, неукормлива, лошаденки тощи — грех здоровому в телеге ехать. При обозе солдаты, человек их с десять, с ружьями, идут вольно, безначально, с мужиками едино.

Переселенческий обоз не диво в местах отдаленных империи Российской. Гонит казна работников заселять земли, доселе никем не паханые. Гонят заводчики партикулярные на рудники свои крепостных, у российских помещиков приобретенных. Гонит нужда крестьян целыми деревнями — на новых местах пожить хотя бы два года безоброчно, для себя лишь работая, а там что бог даст... И раздастся тележный скрип в окраинных глухоманях, звучит речь русская, молитва православная, плач детский. Бредут людишки черные: кто по охоте — на свой страх и риск, кто по неволе — с конвоем солдатским.

Но в башкирских краях и дорог-то путных нету, и села христианские далеко позади остались, и не слышно тут благовеста церковного. На горах лес дремуч и дик, меж гор долины непаханные. Чужая сторона... Далече на полдень, за башкирскими улусами, за рекою Белой, на Янке-реке издавна ставлены городки казацкие. Но до них много еще верст чужих, опасных, немеренных.

Скрипит, вздыхает, тянется обоз. Бредут люди. Тяжко им о прошлом вспоминать, страшно о будущем думать. Не по указу барскому либо казенному — от каторги заводской идут искать себе воли. В дали полуденные ведет надежда. Лошади тощие кивают понурыми головами: где-то там — люди знают где — есть луга зеленые, сладкие травы, прохладные водою, ибо не может быть всегда и везде эта вот едва заметная трава с горькой полынью пополам. Люди чают: где-то там есть еще укромные места, без заводов, кнутов, дьяков, вельможных воров. Ибо не может быть везде и всюду каторга.

Правят обозом пять-шесть мужиков отчаянных. Двое солдат, годиков тому с пяток, по сим местам с полковником Головкиным в поход хаживали русских утеклцов на заводы обратно гнать, а ныне вот сами в бегах, в нетях значатся. Одноглазый мужичок тропами этими из киргиз-кайсацкого полона шел, теперь от российского ярма в обратную сторону бежит. Старик раскольник да еще парень гулящий, от ватажки отбившийся, ему тропы знакомы — с улусниками торг водил, грабленое сбывал.

За дорогу случалось не раз и не два: от стрелы почной басурманской, от хвори голодной, от устали по грешной земле ходить — помирал кто-нибудь. Сымали шанки мужики, шептали бабы покорное «бог дал, бог и взял», молодой поник, тоже беглый, в подрыснике трепаном, махая самодельным кадилом без ладана, с травкой пахучей дымящейся, пел «со святыми упокой». И шел обоз дальше, оставя за собой вехою свежий холмик с крестом березовым. И не ссечет тот крест суверный кочевник, ветер не повалит. — Ибо с молитвою он врыт глубоко. Сказывают землепроходцы: не счесть русских

безвестных крестов, березовых, сосновых, всяких, от самого стольного града Питербурга и до моря-окияна студеного, до страны богдыханской, а и дале, поди, те кресты есть.

Миновала весна. А беглый обоз все идет, тянется... По траве желтой, прошлогодней, пустились они в страну степие. И вот уж солнце по-летнему припекает, а травы поднялись зелены и высоки — косить бы впору. Несчитано верст отшагали ноги — в опорках, в лаптях, босые — по теплым от солнца горным камням, по студенным росам, по мокрети ненастной. Вставали на пути горы, леса, пересекали путь реки вешние. Все прошли. И кончились горы, холмы, леса, раскинулась впереди степь изумрудная до самого окоема.

Началась тут средь беглых шатость. Иные шумели, что далее идти негоже, а в обрат воротиться бы малость, к лесу, к холмам поближе. Мол, чего там встретится, бог весть, а тут, гляди-ка! — всего довольно. Лес. И грибки в нем, и ягоды летом. Бревен на избу — вали, строй. Лыко на лапти, баклуши на ложки — все лес даст. А как придут солдаты беглых имать — лес же и укроет. В степи от страха одного помрешь — отовсюду тебя видать. Нет, негоже в степь идти.

Другие толковали, что тут-де и башкирцы сумасбродные, и уфимские воеводы служивые, и из Екатеринбурга солдатская команда скоро дотянется, и лес не уберезит. Коль пошли, так уж подале, чтоб не нагнали да кнута не дали.

Пугала степь. Место ровное, от беды некуда спрятаться. А где конец, где места укромные?

Тут Ермил Овсянников, слободы Шадринской крестьянин разоренный, изрек глухим басом:

— Чужедальней стороны страшитесь, а своя-то родная не страшнее ли? В здешних урочищах селиться нам опасно. В лесах не отосидимся, не белки мы. На Янк нам править надобно. Есть на Сакмаре в казачьем городке вольный атаман... Земляк мне. По зиме люди его в наш край прихаживали, сказывали: с Сакмары выдачи нет. — И пошел к телеге своей, в дальнейшую дорогу изладиться.

Поголдели еще малость, и так положили быть: на Сакмару править всем миром, ибо разделиться — пропасть беспременно.

Бездорожна степь, да ровна. Идти по ней вольготно. Босые ноги по мягким травам устают меньше. Лего выдалось благосклонное: солнце сияет, порою дождик прольется, освежит, ветерок степной усладой дышит. Пожилые бабы, к голодовкам привыкшие, выискивали съедобные травы, на привалах похлебку варили. Прежние страхи, боязнь ровного места — не то чтоб забылись, а как бы отодвинулись: до сей поры бог миловал, авось и дале милость его не оскудеет.

Но на шестой день степного пути встретился кибиточный обоз купчишки калмыцкого. Упреждал их калмык: видал-де шайку башкирцев гулящих, налетели, постращали, а не тронули, малую дань взяли только. Должно, на уфимские волости собираются, русских купцов шарпаты.

Теперь шли беглые с большой оглядкой. К вечеру завидели в равнинной дали: сперва словно тень от облака, после будто вода полая, а затем разтляделось — люди конные к обозу скачут. Вот она какова, степная беда! — ни убежь, ни схорониться...

— Распрыгай! — по-унтерски зычно крикнул солдат Решев. — Телеги в круг ставь!

Решеву не впервой стрелы да сабли басурманские — и под Азовом бывал, и на башкирских бунтовщиков с полковником Головкиным хаживал. А мерзлую землю уральскую долбить кайлом сил не достало, убер.

— Не робей, шевелись, детушки! Баб, ребятшек в середину!

Лошади храпели, близкую опасность чуя. Покрикивал команды Решев, мужики исполняли проворно. Вот

уж не обоз — реду́т оцетипились колями да косами, обложились бородами тележный бастион. Не голосили бабы, ребятишки не плакали. Священник, посре́дь табора стоя, медным крестом людей и лошадей осенял, молитву читал громко: «Да воскреснет бог и расточатся враги его...», сам же глядел не в небеса, не на конницу вражью, а на свою попадью маленькую, как она сре́дь других молодок тоже к схватке готовится, самодельную пику из косы ловко держит.

— Кто с ружьем, порох-пули беречь! — кричал Репьев. — Как он на выстрел подскочит, пали в лошадь, без лошади он слаб... Детишков укрывай, бабы! Под кошму детишков, стрела б не побрала. Не робей, братцы, выстоим!

Визг резанул дикой жутью, кровь леденя. Лет орды стремителен, неудержим, катится, визжит, конские морды оскалены, сабли кривые, колпаки из кошмы, лиц людских не видать, одно лицо у орды, один оскал смертный... Что остановит ее лет, крест ли медный, что поп поднял, телеги мужицкие, колья ли заостренные?..

— Солдаты! Пли!

Дружно ударило из-за телег — по визгу, по лаве. Нежданым был для орды ружейный бой, ошеломил. На всем скаку заворачивали коней, в стороны раздались, тележный табор кругом обтекал. На испотанной траве две лошади бились, убегал кривоногий башкирец в полосатом халате, другой не встал.

— Молодцы, браво! — бодрил Репьев людей. — Заряжай, готовься!

Но, оборону нахрапом не словив, крутились ватажники в отдалении, пулею не достать. Белобрысый парень рогатину к телеге прислонил, отер пот со лба, ушибнулся:

— Визжат таково страшно!

— Страх впереди еще, — Репьев сказал. — Но штурмом идти им не резон. Хошь нехристи, а тоже жить, чай, охота. Не унывай, братцы, держись крепко, поглядывая, чья виктория станется. Эх, пушечку б сюда...

День истекал, солнце отяжелело, на край степи прилегло сплюснуто. И по тому ли каленному кругу, поперег ли его — черные всадники маячат зловеще... В обратную сторону глянуть — та ж орда конная, вечерним светом озарена кроваво. Петлею охвачен табор.

— Ишь спугот. Никак, сызнова кинуться ладят.

— Наверяд ли. Противу ружейного бою они, вишь, не прут.

— Берегись!

Стрела на излете паранула холку лошади, та на дыбы, едва девуку не зашибла. Это молодой степняк лихо показывал: рисково приблизился, стрелил и ускакал.

Солнце упало за край степи, облив полнеба медвяной желтизною. Висел на востоке молодой тонкий месяц, в темнеющем небе все более яркость набирая. Всадники вольно развезжали вокруг беглого табора, но к палету приготовлений не заметно было. Костры там задымались. Ветерок донес запах дразнящий — похлебку из конины варили башкирцы. И у беглых костерок засветился, кипятили бабы для ребят болтушку из травы да толокна.

Репьев старшин на совет собрал.

— Худы дела. Резираду учинить некуда, осаду долго не выси́дим без корму, без дровец, без воды. И сдаваться на милость тоже не с руки. Знамо, какова от разбойников милость. Единой лишь твердостью сбережем ежели не жизнь, так волю обретенную.

— Коротка она была, волюшка.

— Коротка — да наша покудова. От расейской кабалы ушли, басурманский плен не примем! Часовых на ночь выставить. Гарнизон солдатской спать подле брустверу с береженьем вьячим. Огонь травяной на нас не пустят, зелена еще трава. К ночи, гляди, туман падет, в оба уха слушать надобно...

От ордынцев донесся тут голос, острый, заунывный, как у муллы:

— Урус! Пошто свой юрта бросал, башкир земля гулял? Башкир много-много, урус пропадал сапсем! Вода нету, кушай нету, конь помирал, твой баба, малайка помирал, сам помирал! Шибко худо! Урус! Конь, кибитка, хлеб бросай, шурум-бурум бросай, свой земля, свой юрта гуляй!

— А вот на-кось... Помирай сам! — солдат нацелил ружье на голос.

— Дура! — Репьев ружье отвел. — Припасу мало, неча в белый свет палить.

— Я отвечу, — Ермил Овсянников отмел пятерней егозливого солдата. В темнеющей степи колоколом загудел густой ермилов бас:

— Башкирцы! Джигиты, храбрые! Мы в земле вашей селиться не мыслим. А идем на реку Сакмар к атаману вольному Ивану Гореванову. Джигиты! Чолом бьем, продажи нам не учините, дозвольте на Сакмару идтись!

Умолк Овсянников. Из сумерек ответа нет. Лишь удечный звяк, ржанье конское.

Прохладный туман заволакивал степь. Расплывчат колебались пятна ордынских костров. Звуки слышались — не понять, в какой стороне...

Угомонился беглый табор. Быстротечна летняя ночьенька, спи-успевай, время не терять. Да приснится тебе, мужик беглый, пашенка со шпенничкою, изба справная, семья сытая, волюшка вольная. Потому что ночь сия, может быть, последняя.

Лошаденки траву до землицы выгрызли, головы понурили. Ушами прядут, чуя сытое фырканье чужих коней, шумы ночные...

— Чего? Ктой-то? — вскинулся сонный Ермил Овсянников.

— Тихе, родимый, не пужайся, — бабий шепот. — Ефросинья, батюшки Тихона женка я.

— А-а. Ну и ступай к попу, его буди, коли приспичило.

— Прости, Христа ради, что тревожу. Сказывал ты даве, будто атамана сакмарского Иваном звать Горевановым... Не служил ли он в казаках на заводе Башанлыкском?

— Ну, може, и служил. Тебе на что?

— Слух был, убили его...

— Стало быть, жив, коли атаманствует. Иди, бабонька, спи.

Светла ночь, да густ туман — в пяти шагах телеги не разглядеть. Часовые шеи вытягивали, головами вертели, ночь и туман слушали. В самое глухое время, за полночь, услышались там, за беглой мглой, голоса и топот конский.

— Разбудить наших? Не то кабы поздно не было...

— Погодь. Подыми солдат одних, чтоб ружья изготовили.

Но те и сами повставали, солдатский сон к тревогам чуток. Костров ордынских не видать. Звуки и топоты в густой мгле вязнут. Скоро и затихло все. Успокоились часовые, прилегли солдаты.

А утро и впрямь мудренее вечера оказалось. Когда туман поредел, развиднелось, ахнули часовые: никого кругом! Чадят головешки на кострищах, и ни людей, ни коней.

— Что за притча!

— Нешто осаду сняли? Чего ж они спужались?

Пробудился табор. Влезали на телеги, таращили глаза в поредевший туман. Не верилось в чудесное избавление: редки на этом свете добрые чудеса, только злых — преизбыток. Но рассеивался туман, и с ними сомнения развеялись. Заговорили радостно, заулыбались, закрестились. Поп Тихон высек огня, траву сухую, степную в самодельном кадиле воскурил.

— Возрадуемся, люди, явил бо чудо господь всеблагий! Воистину сказано: пути господни неисповедимы! Возблагодарим же колевопреклоненно...

От зари румяна степь, чиста, росными туманами омыта. Лошади тянулись за бруствер тележный, к влажным травам. Солнышко всходило, искрились росинки на траве. Таково кругом покойно и свято, словно привиделось вчера с усталости, во снах ли — сабли, визг, лошадиные морды оскаленные...

Осмелились запрягать, дальше трогаться.

— Глядите-ка, кой-то едет сюды. Никак башкирец — ишь, колпак острый.

— Запугал, дурной. А ну, из ружья пужани!

— Не смей! — Репьев упредил. — Один едет. Стало, с делом мирным. Надобно принять без никакой ему вредности.

Подскакал бесстрашно, осадил коня. Темнолиц, скуласт, халат выцвельный волосяным арканом подпоясан. За плечою колчан с саадаком — луком в чехле, у пояса сабля. Глаза по лицам мужиков бегают. Залопотал по своему. Одноглазый беглец, что у киргизцев в полоне побывал, язык здешних людей разумел, башкирца лопотанье толмачить принялся:

— Бает, левее нам принять надобно. Недалече, грит, уфимского воеводы люди служивые малым числом со вчерашнего дня табором стоят, на перепутье из Стерлитамакского яма. Чтоб береглись мы, грит.

— Ну, диво! Нехристь прибор нас от полону уберечь! А спытай его, пошто осаду сняли? Не уфимских ли солдат убоялись?

Одноглазый, помогая себе руками, рожи корча, еле-еле башкирца расспросил.

— Бает, атаман Гореван хорош, башкирцам кунак. Друг, по-ихнему.

Услыша слова «Гореван» и «кунак», всадник закивал, по-русски подтвердил:

— Урус на Сакмар беги, беги. Башкир — нищеву. Якши джигит Гореван...

Русские слова иссякли. Добавил что-то по-башкирски.

— Гореван ему знакомец, — одноглазый перевел. — Сего молодца Касымом клчнут, он в тюрьме, грит, сидел, Гореван его отпустил. Они, степные, доброту помнят.

Башкирец стегнул лохматого конька, умчался солнцу навстречу.

2.

Атаман Арапов без отдыха гнал свою полусотню. На скаку пересаживались в седла запасных коней, тоже взмыленных, на скаку степь обозревали, в стремени привстав. С атаманом конь о конь казак Ногаев, узкоглаз, калмыковат, борода смоляная.

— Свишня ты, — ворчал атаман время от времени. — Дунгус ты. Замест дозору, по вдовкам станичным пропастал, дороги без огляду оставил. Теперьча гони вот, сломя голову. Таковую ораву не углядел, верблюдов безгорбый!

Ногаев помалкивал, щурил в степную даль глаза раскосые. Посерчает атаман, побранится, да и сменит гнев на милость. Зато и Ногаев, когда надобно, потрафит Арапову в делах тайных, хитрых...

— Да ладно ль едем, не сбился ли ты, кобель желтомордый? Ежели побродяжки до Сакмары поспеют, отеть их уж не достать нам.

Пылит под копытами желтая полеглая трава, низкое солнце в глаза слепит: лето в осень клонится, день к вечеру. Кони устали, ругается атаман.

— Эвои! — указал Ногаев плетью.

— То-то же. Да не калмыцкие ли то кибитки?

— Не. Беглые, они.

— Айда на перехват, молодцы!

С полверсты еще, и виден стал весь обоз. Арапов коня придерживал, сдвинул шапку на ухо, затылок поскреб.

— Много их, однако.

Ногаев подсказал:

— Ежели с бабами, то сотни три с половиной. Оружны есть, я счел восемь штуцеров с багнетами.

— Н-да... В таком разе подобает действо политичное. Эй, всем морды иметь благовидные. Не галдеть, не матькаться. Чтoб видимость оказать: не орда мы погана, а люди государевы.

Чинной рысцой подбехали, поперек дороги цепью крепкой стали. Остановился и обоз сажених в двадцати. Истомленные мужики, бабы, ребятишки глядели с тревогой и надеждой. Не знали, радоваться ли, в краю далеком видя людей русских, пугаться ли оружных всадников? Ропот над телегами: «Должно, пришли! Слава тебе, господи!» «Казак, а каки? Яйцки али сакмарски?»

И Арапов прикидывал: чего от этого сброда ждать можно? Рогатины у них, косы на жердях длинных. Вот тот лапотник дюжий треснет оглоблю — не возрадуешься... Солдатишки, этим первый кнут будет. Но когда еще будет, а пока что в руках у них ружья. Нет, силу их не захватишь.

Арапов бороду распушил, избоченился важно — шапка бобровым мехом отделана, кафтан короткий — галуном, уздечка бронзоу. Ногаев шепнул:

— Голь перекатна... Лошади негодящи, татарва на махан не купит...

Арапов на него локтем двинул: не пищи-де под руку, сам не слепой. Усы огладил, спросил величаво:

— Отколь бог несет, люди добрые? Куды наладились?

Коль путь заступили люди воинские, то первое слово солдату Репьеву, воеводе обозному.

— А мы, господа атаман, издала идем. На землях бы ничейных пашенкою сесть мечтание имеем.

Арапов ответом уклончивым не удовольствовался. Спросил прямо:

— Беглые, стало быть?

— От вас, казак вольные, не утаим, с заводов мы разных сошли. Такая там, атаман, жисть — хошь живым в гроб ложись. Дозвольте где-нито приткнуться крестьянишкам обнищальым, укажите, сделайте милость, где оно сподручнее бы...

Арапов слушал вполуха. Считал, какого сколь оружия у мужичья.

— Гм. Указать можно, отчего ж... Сподручнее всего вам наобрат заворачивать. Потому как беглых принимать нам не указано. И вам, мужики, противу указу государева непокорства никоторого не чинить бы, по прежнему жительству разойтись не мешкая! — возвысил голос.

Качнулись рогатины да оглобли, будто вершины лесные под ветром.

— Чего он бает?! Обратной дороги нету нам!

— Не того ради эку даль одолели, чтоб с повинной на заводы вертаться!

— Тихо! — Репьев скомандовал. — А ты, атаман-батьюшко, из каких будешь?

— Яйцки мы. И присягу давали указы царские блюсти, и прямиать во всем. А вам бы меня, войскового атамана, слушать и сполнять все, как указать изволю. Поворачивай оглобли, мужики! Даю вам конвой для обережи, и ступайте восвоюси... опричь солдат. Солдаты при оружии останутся пуцай. С вами, служивые, разберусь.

Репьева обойдя, выступил с крестом подъятым отец Тихон.

— Побойтесь бога, войны христолюбивые! Наги и босы, едино лишь силоу небесной хранимы, влачились путями тернистыми... Ужели нет в вас сострадания к сирым и бездомным! Братья по вере, на совесть вашу уповаем!..

Нагаев шептал атаману:

— Крестик-то золочен, кажись. А поп, чай, расстрига беглый. Дозволь, я его окрещу раза... — послал коня

вперед, за спиною плетъ скрывая. Но навстречу ему из толпы ружейный ствол нацелился.

— Куда прешь! Попа не тронь!

Выскочил парень, отца Тихона за подрясник сцапал, за телеги уволок.

— Сдурел, батя! Их, видать, не крестом, а оглоблею в совесть вгонять...

— Тихо! — Репьев опять усмирил. — Эх, атаман, не чаяли мы слов таких от вольного казачества. Затевать баталию отнюдь не желаем, да коли на то пошло, делать неча.

Моргнул Овсянникову, кивнул бродяге одноглазому. Мужики на лошадемок зачмокали, занукали, стали заворачивать передние телеги.

Атаман тоже на Ногаева осерчал за выскоч неуместный.

— Уйди, дурак! Не порть мне дело.

Арапов все не мог сосчитать, сколько там ружей в толпе лапотной. Губами шевелил, пальцы загибал. И сперва не уразумел суеты в обозе. Ухмыльнулся самодовольно:

— Во! Пристрожил я, и поползут счас куды вело.

— Хм! — с сомнением прищурился Ногаев.

Пока Арапов догадался — глядь, уж повздо саблями махать. Оглобли-то повернули, да не в обрат, а в редут станозья, как против ордынцев завсегда и казаки делают. На казачью полусотню рогатины глядят, косыпки не шута посверкивают. С телеги, из-за лохани ружье прямохонько атаману в лоб уставилось...

— Эй, эй! Вы чтой-то, противу слуг государевых!..

Отвечали:

— Не ведаем, чей ты слуга, а нам вроде хана баурманского.

Когда в лоб тебе из штуцера норовят послать, кому оно приятно... Арапов поспешно завернул коня прочь. Отвел казаков подале. Мужикам пригрозил:

— Ждите! Подойдет наша сотня, на себя пеняйте! Грозил для острастки, от обиды. Сотни в скором времени не предвиделось, за нею еще посылать надо...

Жалобно ржали голодные, непоенные лошади. Кончалась вода в бочопках. Кончалось мужицкое терпение: чаили — конец пути, и на вот! — некуда идти. Кто помоложе, погорячей — за дубины хватались:

— Доколе под телегами сидеть? Попрем напролом — отступятся яйцкие!

Репьев и прочие старшины драки не хотели, отговаривали.

Яйцкие всполошились. Кто спешился, те обратно в седла полезли.

Парень, на телеге стоя, сказал:

— Ну, братцы, хоть не хошь, а берись за нож. Вона сотня скачет... Счас будет нам ураз!

Вглядывались и яйцкие.

— Не калмыки ли?

— Хрен редьки не слаще...

— Одежа не азиатская. Казаки, атаману на подмогу.

Прибывшая сотня перешла на рысь, подъезжая. Впереди сотник или кто он там — шапка с длинным шлыком, зипун без галуна, пистоль за поясом.

— Ба! — признал кто-то в обозе. — Кажись, знакомец давний! Васька, тебя ль вижу?

— Здорово, мужики. С прибытием вас! — кивнул Арапову. — И ты, атаман, будь здрав... оглоблею не ушиблен. Гляжу, таково ласково гостей встрел, что от лобызанья твоего за телеги хорошатся.

— Васька, милый! — ликовал незнакомец. — Аль позабыл Митяя, на Башанлыке соседа твоего, рудокопа?

— Был Ваською в Башанлыке, а теперь есаул Порохов в станице Сакмарской. А ну все вылазь из-под телега, айда за мной. Яицких не бойтесь, они, когда в малом числе, сговорчивы бывают.

Арапов есаулу пенять стал:

— Не гоже так-то. Беглых иметь велено.

— А мы на Сакмаре все беглые, поди нас имай, коль такой поимщик ловкий.

Арапов более ничего не сказал, увел своих от греха подалье: когда силой не сладить, то и слова нечего тратить. А придет час — попомним нас!

3.

Пыль подымая, шло с выгона стадо. Звенели ботала на коровьих шеях, пастух покрикивал, длинным хлыстом хлопал, как из ружья. Хозяйки в кофтах белых со дворов выходили скотину встречать. По улице тянуло вязким дымком, пахло навозом, молоком парным, сеном... Саманные домики известью белены, на плетнях глиняные горшки да кринки торчат. Вкруг станицы от самых околиц — пшеничка высока, колосиста. Не о такой ли земле обетованной вековечная молитва мужицкая? Не об этом ли покое вольном мечталось в рудниках и на фабриках? Хороша, приглядна станица Сакмарская.

Старшины беглецов пришли станичному атаману поклониться, за добрый прием благодарное слово молвить.

Кто звал в Башанлыке десятника Гореванова, дивились:

— В атаманы возвысился, а никоторой в ем перемены.

— Плечьями поширше стал, возмужал казак.

— Он и ране таков был. И одежка проста, и скромн.

Жительствует атаман в избе саманной. Горница просторная, опрятная. Пол тесовый, на нем половичок домотканый. Ковров восточных не завел... На столе скатерка холста беленого, с каймою вышитой. Постель белой верблюжьей кошмой покрыта.

Прост атаман. Старшины беглого обоза толкуют с ним запросто про заводские страдания, про путь многоверстный рассказывают, про житье сакмарское спрашивают.

— Вольно живем. Хошь и не разбогатели за столь малое время. С кочевыми народами в дружестве, они к нам беглых пропускают без обид. Вот сим утром киргизец прискакал: Арапов-де беглым наперехват вышел.

— Напужал он нас. Добро, есаул твой Васька подошел, не то худо бы...

— Про землю, атаман, поведай. Любовались мы, богата пшеница вкруг вас... Сподобимся ли и мы пашенку свою пахать?

— Степь широка, по весне пашите с богом. На семена дадено вам будет.

— А у вас барщина или оброк? Подать собирают ли? Смеется атаман:

— До паря отсель далече, пока подать везут, приказная челядь разворует до зернышка. — И построжав: — Однако для казны станичной берется доля с десятины, по урожаю глядя. Иначе как же? Волю нашу оборонять надобно. Порох, свинец, прочий припас чрез торговцев калмыцких за хлеб добываем. С заводов тайно железо привозим на лемеха... Да у нас тягло невелико, пахарю не разорительно.

Вошел казак в полукафтани из добротного зеленого сукна, пояс наборный, с серебряными бляхами. Не зная, по одежке его за атамана принять можно...

— Фу, умаялся! Всех по избам развел. Бани топятся, щи да каша варятся...

— А комендант наш с ног валится, — недовольно сказал Гореванов.

— Сказываю, — уморился с этими мужиками прибылыми!

— Не лги, Филя. Новы люди подумают, что на Сакмаре народ похода жлет.

Красовитый казак на мужиков покосился:

— Знакомца встрел, руднишного с Башанлыка. Ну, того ради выпили малость... Ей-богу, Ивашка, две чарочки токо!

— Завтра дознаюсь, где вина добыл, тогда и сочтем, сколь ты выпил. Поди, Филипп, спать ложись. Пред людьми Сакмару не позорь. Да и вы, мужики, по отдыху соскучились, чай. Не последняя у нас беседа.

Отец Тихон — он вместе со старшинами на атамана поглядеть пришел, полюбопытствовал — несмело подал голос:

— Дозволь спросить по делу духовному? В селе-нии сем благодатном храм божий есть ли?

— Руки не дошли церкву строить. Пока что в избах монах бродячий службы правит. Дай срок, будет и храм.

Кто-то еще спросил:

— А кабак-то хошь есть?

— И без него не худо.

Уходя, меж собою дивились:

— Среди инородцев обасурманились: ни тебе церкви, ни кабака. Разве можно так?

— Зато и без кнутов живут!..

Отца Тихона атаман от дверей окликнул:

— Останься, дьякон. Али притомился? Не в обычай ведь тебе жары, дожди, дорожны мытарства.

Потупясь, Тихон ответил:

— Не токмо я, все мытарства претерпели... — и совсем тихо: — С супругою мы под твою милость...

— Знаю. Филька Соловаров сказывал. Садись, дьякон. Во дни оные много раз с тобою сижено, говорено.

Как и раньше, дьякон сел — очи долу, руки в рукава. Подрясничек совсем поизносился, лицо еще бледнее и костлявее. Солнце степное смуглотою его не опалило.

— Дивлюсь я, дьякон! Бегут к нам люди сословия всякого, прибеж вот и монах-расстрига. Ну, тот — с запою. Но тебя видеть здесь никак не чаял. Нешто и тебе невтерпеж житье башанлыкское? Где ж смирение твое, о коем столь часто нам с Кузьмою проповедовал? Да скажи, Кузьма-то пошто не пришел с вами?

— Рабу божьему Кузьме вечная память...

— Ужель насмерть запороли?!

— Житие его многотрудное окончилось.

— Жаль. Славный он был, неунывный. Ну-ка, сказывай все ладом.

Костлявые плечи согнулись, будто холодом дьякона обьяло в вечер летний. Моргал воспаленными веками.

— Ии, изволь, ежели приказываешь...

— Сказывай со дня того, как меня в каземат увели.

— Зело мы тогда по тебе восплакались. Понеже никакой надежды не оставалось тебя узреть еще. Утром явились драгуны, смуте предел положили... И бысть воздвигнуто место лобно на площади пред церковью божией. В железа ковали, били нещадно... Боже милостивый, отпусти мученикам грехи вольные и невольные, испустили бо стократ!..

— Кузьму, Фросю, товарищей моих к розыску тянули?

— Вельми страшился и за Фросю. Из Екатеринбург дьяк приехал допрос снимать, да и господин комендант грозил самолично сыск учинить. Но поелику работы заводские смугою порушены оказались, то и времени ему не нашлось. А вскоре прослышали: Гореванов-де от караула бежал. Будто и в Башанлыке тебя видывали.

— Захаживал, было дело. Но как обещал я господину Геннину впредь на заводах не быть, то и сошел вскоре из Башанлыка.

— Однако комендант теми слухами напуган был, лютость унял. В те поры ежедень я ходил на выселок. Не бог весть какой защитник, а все ж...

В окна сумерки лились, от зари прозрачные. Предыконная лампада теплилась. Свечу атаман не зажег — в полутьме воспоминания ярче, беседа откровеннее.

— Чего ж замолчал? Сказывай, отче.

— Да, таково оно и содеялось... Сам посуди: тебя нет, Кузьма Тимофеич бессиле, а комендант еще с лета умысел греховный имел противу Фроси... И сочли мы за благо... Мыслилось: в замужестве за духовным чином упасется от насилья голубица наша... И пошла она под венец со мною. По согласию, но, знаю, — без радости. Пред тобой же виноватым себя чую...

— Себя не кори. Сам я отрелся, девушку жалея. Твой сап духовный паче сабли моей оборона.

— Мыслилось так. Содеялось иначе...

Гореванов встал, заходил по горнице.

— Званием духовным пренебрегли?!

— Что свято для них? Совесть их ущербна, суда же праведного над собою не опасаются, ибо и выше них правители еще более лживы и корыстны.

Дьякон, всегда малословный, сперва повествовал лишь велеенью повинуюсь. Но видя живое сочувствие, все передуманное изливал — и не атаману как будто, а иному, невидимому в сумраке собеседнику и — супротивнику. И вновь подивился Гореванов различию прежних благолепных речей его — и нынешних, обличительных.

— ...Снег сошел, весна воссияла. Нас же с Фросею посетила тут беда. На Ивана-долгого, сиречь мая седьмого числа ввечеру, службы отведя, в дом свой пришел я... Фроси нет. Трудилась она при амбарах рогожных. Сама трудиться пожелала, я ж по слабости духа не осмелился ей перечить. И то сказать, каждому грошику рады были, понеже в скудости пребывали постоянной...

— Знаю, не жаден ты, хоть и поповского семени.

— К осьми часам отлучали их по домам. И вот время не позднее, солнышко еще не закатилось, в воздухах благоухание весеннее... а меня беспокойство томит, аки предчувствие некое. И ни молитвою утишить не можно, ни рассуждением успокоительным...

Гореванов, стоя у окна, смотрел поверх крыш на закатное небо с бледными звездами. В догорающем закате виделся ему Башанлык, площадь у двора конторского и двор заводской, весь в грязи весенней, телегами развезженный. Вспомнился возле складов провиантских амбар брезвчатый, в котором для фабричных надобностей рогожи плели женки заводские. Под трепетный голос дьякона виделось: вот бежит отец Тихон смятенный, разбивая старыми сапогами голубые весенние лужи. Двустворчатые ворота амбара, тут кучи лыка, парной дух. И бьется несчастный отец Тихон в запертые воротины, слыша оттуда, изнутри крик супруги его богоданной Ефросины Кузьмовны... Слабые руки его, досель лишь к троперстию да к работам домашним пригодные, сжались в кулаки, и сокрушился ржавый крюк, подались воротины, отворились... Фрося в кофте располосованной бьется в лапах жадных... Тарковский грозно обратился на дьякона испаранный лик...

— ...Отколь во мне сила явилась... Бил я человека! Бил господина, властью облеченного, наземь его повергнув... И бысть мне от сего греха страшно и сладостно! Противник многократно силою мя превосходящий, пресмыкался во прахе, яко змий, святым Георгием уязвленный...

Виделось все это Гореванову в багряной полоске заката: рогожи, лыко, ненавистный лик Тарковского... Не мог только Гореванов увидеть, вообразить смиренного отца Тихона — взъяренным, бьющим, мстящим! Засветил все-таки свечку, удивленно оглядел дьякона.

— ...Некто, войдя, десницею мою карающую отвел. Не ангел ли во образе человеческом остерег мя от греха вящего? Изошел я из врат, моею супругою влекомый, и божий свет меркнул в очах моих... В ознобе и беспамятстве увела меня Фрося от места окаянного...

И видел вновь атаман за станичными камышовыми

крышами, за далью многоверстной, видел памятью выселок за Башанлыкским острогом, слышал лай песьей своры. Но нет, не на выселок повела Фрося потрясенного своей дерзостью мужа. Расправа скорая поджидала бы их на церковном дворе, где они жительство имели, и в избе выселковой, где Кузьма Тимофеич, беды новой не чая, грустил в одиночестве. Разумница Фрося вела через двор рудный, да проулками, да за частокост острожный по дороге рудовозной на пашни, к овинам беломестных казаков. Привела в овин Афони Пермитина и оставила там, соломою закидав, шептала молитвы покаянные. Сама же воротилась сумерками в острог искать совета и помощи у бывшего приятеля горевановского, а ныне казачего десятника Пермитина. Не оплошно понадеялась: Афоня старое дружество помнил, мятежному дьякону порадел... Какая молодец она, Фрося! Недаром говорил Кузьма: Фросюшка моя будет мужу опорой...

— Пошто же Кузьму не упредили, берегся чтоб? — спросил атаман.

— Господин комендант zelo поспешно за ним послал. На двор конторский доставили раба божия, в покои комендантов, в избах же засады учинили, нас с Фросею дожидать.

Знакома Гореванову и горница в комендантских покоех. Когда-то здесь господин Тарковский пред иконой клялся, что обиды девке вовек от него не будет. Жизнью клятва оказалась. Прав дьякон: нет для мерзавцев ничего святого.

И предстал лядящий мужичонка Кузьма пред грозны очи клятвоступника-господина. Глянул бесстрашно в лицо, дочерью испаранное, зятем побитое. С бранью вопрошал господин: где дочь с зятем укрылись? Предвидя лютую кару, неунывный мужик смеялся дерзко: ай да доченька, мол, приветила блудливого кобеля, любо-дорого глядеть! Ай да зятек, выучил паршивца, как по мужним женам шастать! Теперь и мой черед настал...

Да на глазах у солдат конвойных и вцепился мужичицкий кулак в поцарапанную сопатку барина. Рухнул на пол и сам Кузьма. Солдаты, опомнясь, схватили, подняли, держали на весу, а Тарковский бил остервенело — не Кузьму, тело его бездыханное: множество бед и порок претерпев на веку, торжества краткого сердце не вынесло...

— Поведал нам сие Пермитин-десятник, тайно из Башанлыка провозая. По его указке пошли мы с Фросюшкой к людям беглым. И были скитания подобны исходу из царства Фараонова... Днесь, придя сюда яко в землю обетованную, покой обретем ли?

— Покой, отче, на том свете обретем, да и, то — кому как уготовано по грехам земным. На Сакмаре сидим покуда крепко, а уж сколь то продлится, кто знает. У справедливости врагов множество. А сила наша в том, что с народами окрестными, с башкирами, киргиз-кайсаками в мире прочном мы. И людом беглыми станица множится, одолеть нас непростого. Земля здешняя родит знатно, хлеба и себе хватает, и торг с инородцами ведем.

— К работе крестьянской не свычен я...

— Не хлебом единым жив человек. И тебе у нас попом быть. Укрепляй веру в праведность дела нашего.

— Вот церкви нету у вас...

— Была б вера, храм будет.

К атаманской избе тояют галопный. Затих у коновязи.

— Дозволишь уйти, атаман? — поднялся дьякон. — Фрося заждалась...

Отец Тихон благословил Гореванова, сам низко ему поклонился. Тут же, в один с ним притвор, появился есаул Порохов.

— Попа встред, примета худая, — кинул шапку на скамью, сам хлопнулся устало.

— Приметам веришь? Тогда, попа завидя, держись за пуговицу штанную, худая и не сбудется.

— Смейся? На вот, чтн. Не тебе писано, да нас касаемо,— вынул из шапки бумагу.

Гореванов поднес ее к сальной свече, на подпись глянул.

— Как добыл?

— Посылал ребяток надежных за Араповым приглядеть. После встречи нашей сегодняшней, чую, зол Арапов остался. Он до острожка Суйского едва доскакал, вскоре троих казаков отрядил куда-то. Наши перехватили в степи, грамотку сию отняли. Чтн, какие он козни замышляет?

Яицкий бил челом уфимскому воеводе на Ивашку Гореванова: назвался-де атаманом самочинно «в ново-построенном в степи городке меж Яика и башкирцев, на реке Сакмаре», а ему-де, яицкому атаману Арапову, не оказал помощи в войне «с неприятельскими людьми каракалпаками и киргиз-кайсаками, тако ж и беглых принимал и иные противности государевым делам учинял».

— Ну? Чего Арапов брешет? — спросил Порохов.

— На нас уфимскому воеводе жалобится. Не брешет, правду пишет.

— Наша правда ему поперек горла. И то, Иван, не пора ль нам араповскую власть поручить?

Гореванов обнял есаула.

— Не время пока широко махать, руки вывихнем. Вот укрепим людьми, оружием, конями, усилимся дружеством с народами степными, тогда...

— Берегись! Ныне малой крови пожалеешь — после она рекою полется... Ну, довольно, сам думай, ты — с головой... А с гонцами араповскими что прикажешь делать? Сидят под караулом они.

— Отпусти. Люди они служивые, подневольные. За Яицким городком приглядывай, не удумал бы Арапов лукавства какого.

— Уж такова служба моя: гляди в оба, зри в три, не то придет пора — наглядись в полтора...

Ночь темна и глубока, ровно омут в Яике-реке. Ни звезд, ни зари, тучи все небо обложили. Спит Яицкий городок.

У ворот атаманского бревенчатого пятистенка, закутаный в аязм, пугалом огородным сидит на лавочке караульный, у ног его волкодав дремлет, башку в лапы уткнув. В окнах свету не видать — должно, атаман почивать изволят.

Но Арапову не до сна. Плечист, дороден, волосом черен и кудряв, стоит набычась, борода вешиком расшепелилась, под нею белая исподняя рубаха расстегнута, на груди в черной шерсти, как во мху лесном, нательный крестик золотом блестит. На окнах шторы бархатные задернуты. У стола при одной свече мулла татарский чалму склонил, пишет. Арапов русские слова говорит и через плечо муллы заглядывает, как ложатся те слова на бумагу кудрявой арабской вязью — православному ни черта не понять. И грамотей сакмарский Ивашка Гореванов сию белиберду уразуметь не сумеет, ежели опять перехватит...

— Написал?

— Да, господин.

— А мой титул и прозвание по-вашему начертать можно?

— Да, господин.

— Строчи: «Яицкий войсковой атаман Арапов». Написал? Ну и ступай с богом... с аллахом тойсь. И по-малкивай, а то чалму сьму с башкою заедино. Кирька! Бесшумно дверь растворилась, в темноте прихожей замаячила рожа.

— Энтото проводи. Казака поклнчь.

Мулла выплыл задом, кланяясь. Из прихожей возник Ногаев. Колпак на нем войлочный, халатишко замызганный. При его калмыковатой морде — кочевник вылитый.

— Хорош! Таков нехристь видом, что по зубам вда-

рить охота. Возьми, спрячь подале.— Грамотку в тряпицу завернул, отдал.— Из городка скользи мышью, в степи жаворонком леги. Доставишь в Уфу, будет тебе награда. На словах воеводе обскажи, как велено. С богом!..

Поутру дозор сакмарских казаков заметил вдаль всадника.

— Минька, вона скачет ктой-то.

Десятник взгляделся из-под ладони.

— Татарин к табунам бежит своим. Не наше дело.

Отвернулся десятник, зевнул, рот крестя. Свежим утром посреди степного покоя в сон клонит...

Исход

1.

Стекла двойных рам расписал декабрь узорами заетильными. Солнце украсило те узоры жемчужным блистаньем. Ярост и морозен день стоит. Надеть бы треух лисий, ягу волчью, пимы, пойти бы туда, под чистое небо, под холодный и яркий свет... Велеть бы лошадей заложить, в санки завалиться, по льду Исети ехать, ни о чем не думая. Как хорошо! Посвистывает кучер, из-за его овчиной спины встречный ветер бодро лицо овекает... Ах, хорошо бы!

Но дела, дела... Ими к столу кабинетному будто цепью прикован. Четыре года управитель де Геннин тдится порядок навести на казенных заводах, дабы в процветании прочном и мощном на уральской земле стояли они, все царство своим железом укрепляя. Не впустую годы сии утекли. Однако порядка надлежащего как не было, так и нет доселе. И весьма обидно, что рядом, из тех же недр черная,— заводы демидовские, не в пример казенным, прибыльнее. Ибо Акинфий Демидов самовластьем безоглядным держит у себя порядок жестокий, он в вотчинах единый всему хозяин. Карая или милуя, ломая или учреждая, ни у кого дозволения испрашивать не обязан. Управитель Геннин, в чине генеральском пребывая, решения большие и малые, насущные и неотложные вершить не волен. На каждую малость бумагу составь, в Санкт-Петербург отправь, жди апробации. Иной раз, покуда апробация придет, уж и надобность в ней миновала, и дело упущено. Поистине: прошениями да отписками занят более, нежели делом живым. Покойный государь Петр Алексеевич зело нетерпелив был, волокитчиков не миловал, карал жестоко. Говаривал государь: «Все указы писать, кои исполняться не будут». И уж коли указ написан, все исполнялось скоро и споро. Желал покойный государь, чтоб всякого звания люди служили отечеству не за страх, а за совесть. Но у кого совесть сызмала не вызрела, те хотя б и за страх, но старались ретиво. И обновлялась, двигалась вперед необъятная держава, ее колеса многие, кровью и потом смазанные, вертелись ходко.

Вот уж год как не стало царя Петра. Многие сподвижники его в опале, в небрежении пребывают ныне. На их места иные уселись — трудиться не любители, лишь кланяться да льститься охочие. Для них ловкая, им угодная отписка важнее живого дела, по ней о деятели судят. Наполнилась Россия отписками, бумагами крючкотворными. Всяких званий чины канцелярские в великую силу вошли. Ныне льстец придворный, в горнозаводском деле малосмысленный, высокомерные указания шлет инженеру де Геннину...

Пфуй! Забыть бы все это к свиньям собачьим, да в санки, да в солнечный морозец по реке Исети...

Постучали тихохонько, недокучливо. Проник в кабинет начальник канцелярии Головачев, на цыпочках приблизился, бумагу подложил.

— Что у тебя?

— Приказывать изволили ведомость составить, сколь по заводам работных душ на сей день имеется.

— Добро. Ступай.

Генерал отвел взгляд от искристых оконных узоров. Ведомость, черт бы ее побрал... При ней записка разъяснительная. Мельком перелистал бумаги. По всем заводам великая нехватка людей работных — рудокопов, углежогов, плотников, каменщиков, прочих всяких... Мрет народишко, бежит с заводов. При этом в людях оскудени дадут ли заводы прибыль чаемую! Нельзя к каждому рудокопу ставить по солдату, чтоб стерег. А и солдаты бегут тоже...

Отшвырнул ведомость плачевную, стал читать записку к ней Головачевскую. Не записка — отписка! Но составлена ловко, насобачился Головачев в сочинительстве канцелярском: мрут людишки — по их глупости, бегут — тем паче по глупости. Добро! Можно в Санкт-Петербург записку отсылать, пусть над нею столичные глупцы морщат глубокомысленно узкие лбы под напудренными париками. Ба, есть тут и разумные строки!

Головачев упоминал в записке о беглой слободе на Сакмаре: вот-де всех вол причина, мужикам кротким и богобоязненным соблазн дьявольский. Что ж, правда это: не дьявольский, но соблазн. «...А бунтовским атаманом у них крестьянский сын дворцовой Шадриной слободы Ивашка Гореванов». Опять этот Гореванов! Башковит, каналья, сын крестьянский. Посреди народов кочевых, разбойных, у казачества ящичного под боком беглую волость учинил и два года ею правит. От управителя генерала Геннина бегут людишки — к нему, бывшему десятнику! Да, башковит. И башку ему до сих пор не отрубили почему-то. «...Только достать его трудно, понеже того городка жители, обольщенные им, его охраняют». Э, да за ним и иные провинности числятся: «...ищут его в Нижегородской губернии по некоторому делу». И еще сибирский губернатор князь Долгорукий пишет, что «по Сибирской губернии до Гореванова касается важное дело». Везде успел этот пострел, крестьянский сын. Экая страна сумасшедшая: на службе государственной умных людей нехватка, больше дураков обретается лъстивых, а вот башковитый, судя по всему, Ивашка бежит к чертям на кулички, за ним народ кучно следует. Напрасно пожалел тогда казака, за честность волею пожаловал... А не отпустил бы на волю, так и мужики не бежали бы? На месте помирали бы? Или сыскали нового атамана?..

Однако загулял Ивашка, пора ему укорот дать. Честность — хорошо, но и честность должна иметь регламент, предел некий. От сугубой во всем честности до преступления закона, до потрясения основ государственных, а следовательно и до эшафота — весьма близко. От Ивашкиной честности — соблазно! Тут прав Головачев, червь канцелярский.

Генерал взял перо, чистый лист. Заслонился ладонью от искристого окна, от яркого зимнего дня — глаза режет! — и стал писать в Сенат. Излагал свой прожект о пресечении впредь бегства с заводов казенных. И об искоренении соблазнов к сему — о разорении Сакмарского городка силою воинской.

2.

Зиму пережили не хуже, чем на заводах бывало. До пасхи дожили без куличей, но и без куты поминальной — станичный мир никому из прибылых в куске хлеба не отказывал, все живы.

Пасха тот год ранняя была. Разговляться — особо нечем, гулять — не гуляется, за пашню братья не терпится. Успела пасха миновать — повел комендант станичный Филипп Соловаров всех прибылых вдоль берега Сакмары. Пройдя земли прежде паханые, обвел впереди себя рукою широко:

— Кому сколь надо, подымай, сей. Сверх силы не хапайте, надорветесь, пуп посинеет.

Сам чекмень скинул на жухлую прошлогоднюю траву, лег, зевнул с привизгом: ночью башкирцы гуля-

щие к нему на торг приезжали, после винишком побаловались. Филька не выспался, башка трещит: вышел торг миру на пользу, а и Фильке на выгоду.

Мужики беспокоили, спать ему мешали:

— Погодь, не усыпай, господин есаул. Растолкуй сперва, чем сеять-то станем? Земелька хороша, да в лукошках ни шиша...

— Кому сколь на семя надобно, сказывай отцу Тихону, он в бумагу запишет, из станичных амбаров возьмете, с урожаем возвратите. — бормотнул Филька скороговоркой. И засопел, мужиков винным духом смущая.

Степь парила, воздымала запахи томные к вешнему небушку. И воздымалось из самодельного кадила сосновой смолки курение, и казалось оно пахарям святее росного ладана. После краткого молебствия побежали мужики новую землю в наделы себе облюбовывать. Ох же и любо оно, своя-то пашенка!

3.

В сакмарскую степь прикочевал с табунами и отарами богатый калмык. Поставил юрты в двух днях от станицы. Гореванов рассудил: не худо б соседа повидать, знакомство свести. С соседом мир — мужикам покой.

Отъехали утром с четырьмя казаками, ночь у костера провели, а на другой вечер были в калмыцкой ставке, приняты с почетом. Калмыки с Сакмарой ведут торговашку барышную, к атаману уважение имеют.

Богат князек калмыцкий. Лошадей косяки многочисленные, овцам счету нет. Юрта белого войлока устлана коврами да мехами. Посуда оловянная, на старшей жене ожерелье из монет заморских, на любимом коне сбруя в серебре. Хозяин угощал вареной бараниной, старшая жена кумыс наливала гостю в чашу из китайского фарфора, потчевала радушно. Ивану мясо в горло не шло, кумыс через силу глотался: столь грязно в юрте богатой. Оловянное блюдо застарелым жиром все осклизло. Фарфор не бел — в пятнах, подтеках липких. Воняет в юрте псиной, кислятиной, лошадьми и еще бог знает чем. Однако пил Иван кумыс, жевал баранину, рыгал громко по приличию степному — нельзя обидеть хозяина.

После пили чай калмыцкий — с молоком, жиром, солью. Разговор вели дружественный. Но от той беседы замутило Ивана еще более — душою смутился атаман. Однако виду опять же не подал.

Про торговлю речь шла. Минувшей осенью сакмарские пашни уродили обильно, и с того урожая доля пошла не барину за оброк, не царю в подать, не дяку в корысть, а в амбары станичные, в казну мужицкую. Окрестные кочевники от этой казны пользовались: хлеб себе выменивали за коней, за овец, за иные перекупные товары. Степные князьки наперебой мену затевали. И тут узнал Гореванов, что в прошлые мены комендант станичный Филька, запасами ведавший, от калмыков посулы берет для корысти своей.

Хозяин не обижался, не жаловался. Хвалил даже оборотистого есаула Фильку: взятки давать и брать сам аллах ведет. Осенью подарил, вишь, полста овец отборных — и не иному князьку, а ему хлеб достался. Кому плохо? Всем хорошо. Есаулу Фильке хорошо. Калмыку хорошо. Казакам хорошо. Другому, нерасторопному князьку плохо — так он, дурак, пожадничал, всего тридцать голов посулил Фильке.

Ночью Ивану не спалось на мягких кошмах. Грызли думы, кусали блохи... Ушел из юрты к костру, где казаки его ночевали. Тут блох нету. Но от дум куда деться? Нешто Филька, друг верный, казак лихой, в корысти погряз? Вспоминалось, что про богатство частенько Соловаров поговаривал.

Отговстав, на пути обратном и других ближних кочевников расспрашивал, у бесхитростных табунщиков исподволь выпытывал про филькины коммерции. Воро-

тившись домой, никому скорби своей не поведал. Но с кем и о чем речь бы ни шла, меж слов искал то, о чем и вовек бы не знать...

Плох атаман, который только успехам радуется, себе их в заслугу ставит, а на всякое худо грусливо глаза закрывает. От такого неведенья нарочитого болезнь вглубь идет и вширь, а со временем себя окажет больно, а то и смертельно для атамана близорукого и станицы всей. Избави нас бог от слепоты душевной.

Взяв с собой Ермила Овсянникова, шадринского бобыля, Гореванов в степь ездил, в урочище отдаленное. Самолично обозрел затаенные соловаровские отары при двух пастухах-киргизцах. Себя клял: как досель не видел есауловой алчности? Еще в Башанлыке Фильке блазнилось свое хозяйство, богатством крепкое. Ныне — дорвался. В жены взял казачку из яицкой семьи богатенькой, с князьками степными хлеб-соль водит якобы ради выгоды станичной — не ради ли своей? В сече смел и надежен был — в мирной жизни корысть казака одолела.

Когда станица отселялась и первая вешняя страда на убыль пошла, собрал Гореванов в избу к себе есаулов. Из новых поселенцев поп Тихон да молчун Ермил Овсянников званы. Атаман в упор коменданта спросил:

— Ответствуй, во всем ли народу станичному прямись? Совесть твоя действием своекорыстным не замарана ли?

У Соловарова от допросу такого рот раззявился ва-регой, глаза рацы стали.

— Ивашка, ты, часом, не пьян ли?

— Опосля разберемся, кто опьянел, ты ль от жадности, я ль от сомнений.

Для всех старшин допрос атаманов как гром средь ясного неба. Поп себя крестным знамением осеняет, очи потупя. Порохов воззрился на Гореванова с недоверием. Ахмет, станичных инородцев голова, безмятежен сидел: атаман Ивашка все разберет по чести.

Стал Гореванов есаула своего уличать, приятеля верного трясти. Пошли в огласку и взятки по улусам, и в острожках яицких пьяная гульба под личиною договоров политических да торговых, и батраки-пастухи у отары нечестной, и прочие лжи, творимые под словеса выпрение — все-де старания лишь для блага станицы, ради народа делаются.

Сперва Филька вскакивал, кулаками сучил. А вскоре обмяк и съезжился. Ибо лжи его доподлинно атаманом ссыканы, и противу сказать нечего. В смущении толпились есаулы, глаза друг от друга прятали. С чего бы оторопь всеобщая? За товарища совестно, розыск ли атаманов не по праву им пришелся?

Порохов погорячей иных, не стерпел молчания:

— Филька! Ты чего губы на локоть? Язык проглотил?

Тот шапкой об пол:

— Ладно, пуцай так! Пред товарищами заширяться не стану. Только и мне дозвольте слово молвить. Атаман бает, что судилище надо мною учинил справедливости ради. Так и судите, господа старшины, по справедливости!

Поднял шапку свою щегольскую, отер вспотевшее лицо.

— Ты, есаул Порохов, покой станицы бережешь, до-

зорами правишь, за недругами следишь, днем и ночью покая не ведаешь. Ты, Ахметша, неделями по улусам скачешь, ипородцев в дружбу склоняя, башкой рискуя. Я — новоселов накорми, рассели по избам, лошадей на пахоту дай, железо на лемеха, пеньку, холста, свинцу, всяку бяку с Фильки требуют — дай и не грехи. А лязя ли — добыть не греша! Али на облаке мы, средь ангелов жительство наше! Князьки кочевые дают нехотя, берут в оберуч. Вергится Филька бесом, николи себе покоя не зная. Аль того не замечаете, есаулы?

И видя, что головы сами кивают на речи его уверенные, Соловаров прочнее ноги расставил, ободрился.

— Теперь мужика взять... Слов нет, пашня потом полита. Но вот ноне отселялся — и горя мало. За нашими, есаулы, спинами, за призором неусыпным нашим покойно и сытно мужику. У нас же, бывает, всякое терпение на исходе, и зады от седел болят, и опаска всегдашняя, что атаман за всяку малость с нас просит. Так в том ли, братцы есаулы, справедливость, чтоб при заслугах неравных всем из единой плоски хлебать, одним рядом укрываться? Али лживо испокон говорится: по заслугам-де и честь?

Рвал ворот рубахи: душно от обиды, жарко от слов горячих, столь красно сказанных. Есаулы жмурились, помалкивали. И понимал Гореванов: к филькиной правоте качнулись. Заговорил снова:

— Честью ты не обойдеи. Мужик в рядню ветхое одет, в сермягу — на тебе кафтан сукна доброго, рубаха полотна тонкого, зимой шуба лисья, боярину впору. И справедливо то: по одежке встречают князьки, а приди ты в сермяге, рван и расхристан, и за есаула не почтут, загордятся торг вести. Мужик на исходе зимы хлеб жевал с мякиною — у тебя круглый год щи с убоинкой. И опять же вроде по чину: есаул в силе быть должен. Люди в избах по две, по три семьи ютятся — в твоей избе три горницы, чтоб просторно торговых гостей принять. Тебе сей чести мало? Тайные отары не с голоду ли завел? В Суйском острожке ночь гулеванил с женками блудными — то для чести вящей? Шила в мешке не утаишь. Песни твои пьяные из кабака до меня долетели, а и прочие станичники не глухи. Как народ на тебя, на всех нас глядеть станет? Мы сюды от барской корысти убегли — для того ль, чтоб корысть свою враспуть? Баешь: по заслугам-де и честь — за взятки, за гульбу, за кривду какова тебе честь будет на кругу пред всем народом станичным?

— Меня хопь на круг? Братцы, это как же? Атаман, помни: под собою коня плетью гладят, но саблею не секут.

— Видно, был конь, да изъездился...

Тончала и рвалась правота соловаровская. От товарищей поддержки не чуя, пониК Филька, иным щитом заслониться потщился.

— Этак, атаман, кабы всех нас на круг тянуть не довелось. Спытай Ваську Порохова, как он битьем у киргиза отнял жеребца себе. Аль шпены тебе не донесли еще?

Взныло сердце у атамана: нешто и Порохов корыстен? Ужель напрасно верил товарищам близким?

— Василий! Было?

Порохов бестрепетно глаза поднял:

— Было.

Эх, соратники верные, что ж вы честью-правдою не дорожите? Вот и этот почнет сейчас правоту свою, пороховскую, высказывать.

— Было. Пред Рождеством самым. Дозоры я объезжал с казаком вдвоем. И верст отсель за двадцать на-такались на шайку бродячую. Казака стрелою убило, я ж ускакал. На коне пораненном по сугробам убродным пробирался к станице. Обессилел конь, оставить пришлось, пеши идти. Покуда в метели юрту не увиди-дел... Ну, отнял жеребца, верно. Что ж делать было? А ну как шайка-то, в морозе и в голоде озверев, на станицу кинулась бы враспуть? Поспешать мне не надо было, чтоб казаков поднять? Ну? Виновен я?

— Про шайку тогда сказывал, про жеребца отнято-го умолчал пошто?

— А на что всякой мелочью атаману докучать?

— Киргиз — человек, а обида человека — не мелочь.

— Погоди, дослушай. Хотел, вишь, жеребца вернуть, да на другой день не сыскал уж юрты. Может, ночью худо место приметил, али киргиз откочевал.

— С Ахметом поехал бы, ему в степи все кочевья знакомы.

Жидкие усы Ахмета раздвинулись в улыбке:

— Ахмет киргиза видел. Глупый киргиз. Ваську ругал, казаков ругал. Ахмет ему свой конь запасной отдавал: возьми конь, не ругай казака.

От простецкого ахметова слова все повеселели. Порохов засмеялся облегченно:

— Шайтан! Пошто лишь теперь сказал? Ну, спасибо, Ахмет!

Простодушный татарин, сам того не ведая, атаманову горечь утишил. Нет, дорожат правдою други старые, хоть и в их семье не без урода.

— Какую ж, есаулы, честь воздадим Соловарову за ложь и корысть его?

Вновь посуровели. Порохов молвил:

— На сей раз на круг не надо бы.

Ахмет туда же:

— Пошто круг? Не надо круг. Берн, атаман, нагайку, мало-мало пори Фильку.

— Меня?! — взвился Филька. — Поро-оть?!

— Сиди, — велел Гореванов. — Добра немало станице делал, битьем тебя не унизим. Отару несправедную в казну отдай. И прочее, что нахватали самовольно. Сполна отдай, проверю. Вон Овчинников лушай примет...

— Свою земляка возвысить хопь? Он свою хозяйства сберечь не умел...

— Будя! — прикрикнул Порохов. — Заворовался ты, Филька, так и неча ерепениться. Скажи спасибо, что огласке не предали. Стыдно сор из избы выносить...

— Другой раз замечено будет, огласим. Ежели сор в избе прятать — дух от него тяжел заводится...

Расходились от атамана хмурые есаулы. Оставались у атамана сомнения. Так ли надо? Жесточе? Мягче? Где мера справедливости, кто может определить не колеблясь? Лишь великого разума люди да круглые дураки не маются сомненьями, человек же простой да совестливый терзается ими от веку обречен. Тяжко... Ахметовы слова ненадолго печаль утолили. Еще бы что доброе услышать...

— Отец Тихон, останься...

Поп у двери смиренно поклонился. Да Соловаров уйти медлил.

— Чего тебе?

— Атаман, челом бью: избу не отымай. Бабе моей рожать скоро.

— Добро, живи.

Соловаров еще что-то сказать хотел, но оглянулся на попа, вздохнул и ушел.

— Отец Тихон, каково ребятишкам ученье идет? В деле сем нужды какой нет ли?

— Нуждам как не бити. Однако по разуменью моему обучаю отроков грамоте, счету, слову божьему. Тако ж и вьюношей зрелых, до наук охочих. И школяры иные в ученье зело преуспели! — улыбнулся, что редко с ним бывало. И сразу — руки в рукава, чело наморщил озабоченно.

— Не надобно ли чего вам... с Фросею? Вдосталь ли кормитесь?

— Премного всем довольны. Иная скорбь покою не дает — вели церковь строить!

— Сядь, отче. Негоже пастырю у атаманской двери топтаться.

Отец Тихон сел. Но очей не опустил долу, взглядом ответ торопит. Гореванов заговорил мягко:

— Покойный царь Петр в годину ратную повелел с церковей колокола сымать да пушкп из них лить...

Сказал и задумался. В иное русло мысль удалилась. Царь Петр... Крут правом был государь. За оплошности карал без оглядки, могущество царства утверждая. Карал, невзирая на чины вельможные, на близость к трону. Сына своего не пожалел. Тем паче не пожалел бы корыстолюбца Соловарова, на плаху бы послал. Али нет? Эка попа тяжка — над людьми власть! У атамана Гореванова лишь малая станица под началом, и то справиться невмочь. У Петра — великая держава, людей несметно, и у каждого своя нужда и правда, и те правды должен царь в одну соединить, в государственную правду огромную... Какой ум, какую силу надобно! Где взять их?..

— То действо было Руси во спасение.

— Чего?.. А, ты про колокола... Так вот и у нас первейшая надобность не в колоколах церковных, а в пушках, ружьях, огненном бое. Строим мы храм, отче, храм справедливости людской, а стало быть и божьей. Лишь начали, а сколь врагов нажили! Жду ежечасно — отколь грянут. Яицкие, кочевые, уфимского ли воеводы полки на нас пожалуют — от них не отмолишься, ладанным дымом не укроешься. На бога надейся, а сам не плошай. Так ли?

У отца Тихона взгляд не прежний, поповский, а казачий погляд. Ай да попа бог дал!

— Не токмо частоколом да рвом города крепки, но паче того стойкостью ратников. Истинно говорю тебе: ежели о единении душ человеческих пецись не будем — рухнет твой храм справедливости как башня Вавилонская!

— Довольно, поп! Про церковь не ко времени речи твои...

Гореванов устало закрыл глаза. Прав отец Тихон, церковь строить нужно. Частокол вокруг станицы — тоже... Комендант заворовался, поп развоевался, а атаман... Атаман во всем себе укор видит...

Очнулся, чье-то дыхание слышит.

— Прости, отец Тихон.

Но нет попа, ушел, оставя атамана с думами наедине. А на полу у двери Ахмет сидит, ноги калачиком.

— Ахмет, разве я звал тебя?

Татарин вскочил.

— Морда твоя широко плохой стал. Айда в степь гулять. Сидеть худо, на коне скакать надо. Башка, сердце, брюхо, все здоровый будет.

— Седлай. Молодец ты, Ахмет.

Светлая ночь над степью. Звездочка в заре бессонной купается. Мчатся кони, едва касаясь копытами молодой травы. Не дай бог атаману душой ослабеть! А и чем не атаман, коли третий год живет вольная станица, искра справедливости среди беззакония российского. Дал бы бог лето доброе, и возрастут обильные хлеба сакмарские, наполнятся закрома... И приспелет время строить крепость, церковь. Прав отец Тихон, не хлебом единым города крепки.

И выросли осенью обильные хлеба. И сыта была вольная станица. Но...

4.

1 ноября 1727 года Верховный тайный совет распорядился выслать на Сакмару военный отряд Казанского гарнизона и яицких казаков. Командиру отряда предписывалось: «Беглых воротить в распоряжение управителя казенных заводов генерала де Геннина, который бы разослал их в разные слободы, где кто жил, и впредь смотреть за ними накрепко. Ивашку же Гореванова отослать к Сибирскому губернатору под караулом и велеть по исследованию дела и за показанную его в Сакмаре противность учинить указ, чему он будет достоин».

Казанское войство в поход выступило без промедления, дорогами зимними, дабы станице беглой разгром учинить до лета, до травы молодой, пока у башкирцев

кони голодны и худы, не то башкирцы, бунтовщики известные, кабы с Горевановым не стакнулись.

Горькой сиротою плачет над степью метель. Кое-где серая гривка сухой травы к белому снегу клонится, горестно припадает. Дороги замело, торить их некому. Пусто, уныло, боязно в зимней степи. Всякая живность хоронится в норы, притаилась, дремлет.

Человеку неймется, в тепле не сидится. По безлорюжку сугробному, метелью укутанный, скачет калмык со стороны закатной. Либо башкирец с полунощной. Либо казак со стороны восходной. На Сакмару скачут, вести несут. Такие вести — не дай господь...

Калмык в станице не задержится — лишь есаулу торговому Овсянникову шепнет: идут-де во множестве на Сакмару люди воинские, пеши и конны, с пушками и обозами — и умчится в метель, в степь. Башкирец, с коня слезая, стучал плетью в окно есаула Ахметки, упреждал: из Уфы драгуны идут! — нахлобучит малахай и прочь, прочь, не досталось бы в чужом пиру похмелье. Казак дозорный в избу к есаулу Порохову невесело входил: атаман Арапов яицких служилых на коня подвнял, сотни их готовы на Сакмару кинуться.

Грозные вести с трех сторон. Встречай, станица вольная, незваных гостей со всех волостей. А угощать нечем: припасу воинского — противу шайки бродячей отбиться довольно, от яицких сотен — с божьей помощью устоять, но царевы полки воевать не с руки. И ни крепости, ни вала, ни рва. Соседям зла не причиняя, и от них напасти не чаяли. От заводов, дяков, воевод, казалось, далеко ушли, не достанут. И лежала станица Сакмарская посереде степи, ничем от беды не прикрытая.

Порохов негодовал, горячился:

— Ужель за печью сидя погибели дожидаться? Слухи ловим, надобно и самим на ворога поглядеть. А как русский глазам не верит, то и пощупать, сколь он крепок. Вели, атаман, конной сотней выступить!

Рельев, обороне всей голова, с тем же в согласии:

— Для сражения генеральского сил нету у нас. Посему надлежит стратегию вести комариную: кусать неприятеля на подступах дальних. Осударь Петр Лексич, бывалоча, под Азовом допрежь баталил...

— За парем вся держава стояла, за нами бабы да ребятечки. Рисковать возможно ли? — Гореванов сомневался. — Прослыша, что мы конницу в налет услали, Арапов нагрязнуть не преминет.

— Арапов себе на уме, до приходу казанских полков с места не тронется. Коль и нагрязнет, устоит противу него мужицкая пехота. Дерзай, атаман, мешкать негоже.

Знал Гореванов: не выстоять, обречены. И есаулы знали, хоть ни один про то не заикнулся. Но покорно гибели ожидать не пристало.

— С богом, Василий!

Увел Васька конную сотню на закат. И как стигнул. Ни слуху, ни духу. Да отколь и слухам быть: боятся кочевники на Сакмару ехать, откочевали в урочища дальние. Добро, хоть Арапов в Яицком городке смиренно сидит, своего часу выжидает.

Ахмет с десятком солеменников в сторону башкирскую рыскал: не видать ли, не слышать ли уфимских карателей? Но уфимский воевода послепал осторожно, тоже подхода казанского войства ждал. И трудно ему с обозами, с артиллерией идти по занесенной снегами степи.

Как-то в полдень — ветер утих, солнышко проглянуло, дали прояснились — углядел Ахмет верстах в двадцати от станицы темное пятно на белом снегу. Будто таракан по праздничной скатерке ползет... Ближе подъехали — то лошадь с кибиткой.

— Кого шайтан несет? Купчишки ноне десятой дорогой Сакмару обходят. Не лазутчик ли уфимский? Подскакали. Из кибитки малахай выглянул, под ним усы в куржаке.

— Кто таков? Куды путь?

Под усами зубы улыбкой.

— А, знакомый! Хвала аллаху! — собачья рукавица малахай приподняла. — Не узнаешь, казак? Касым я, из улуса бая Тахтарбая. В башанлыкской тюрьме сидел, твой атаман Гореван меня отпустил...

— Помню тебя, Касым. Каким ветром занесло так далеко от улуса? Или Тахтарбай сделал тебя купцом?

— Пусть сдохнет Тахтарбай, сын свиньи! Гляди, друг, — Касым сдернул малахай, сдвинул грязную трипицу на голове — вместо правого уха запекшаяся рана.

— Вах! Кому понадобилось твое ухо?

— Тахтарбай за провинности отрезал, сулил и башку отрубить. Я не стал того дожидаться, коня украл, кибитку украл у бая, ушел. К Горевану ушел.

— Недоброе время выбрал. Идет войско на нас цареву.

— Слышал. Гореван хорош, справедливый. Пусть лучше рядом с ним мою башку рубят, чем Тахтарбай...

— Айда, коли так. Кто в кибитке шевелится?

— Баба, малайка. Ничего, моя баба к седлу привычна, сын растет батыром, Горевану обузой не станут.

5.

Держали совет: где пригоже неприятеля встретить боем, как малые свои силы расставить. Комендант Овсянников крайние избы земляными накидами укрепил, на въездах уличных поставил рогатки для заслона от конницы. Все, кто слычен ружейному бою, по местам определены, порох роздан...

Ввалился в избу человек, в куржаке весь, в снегу. Башлык развязал.

— Васька, бес копченый, живи! Уж видеть не чади! За двадцать-то ден мог бы гонца прислать!

— Двоих посылал, аль не дошли? Стало быть, вечная память казакам, товарищам погинувшим... — Порохов бросил треух в угол, тулуп расстегнул, повалился на лавку. Он почернел, обморожен, щеки запали. В тепле отяжелел, голова устало клонилась.

— Сказывай, каково гулялось? Все ль, окромя гоццов, воротились?

— Осьмнадцать казаков под снегом лежат... Четверо сильно поранены. Вишь, гулянка-то с пляскою была... Но и мы им пляс развеселый наладили, под бубенцы серебряны!

Поднялся с трудом, к двери пошел.

— Васька, ты не ранен?

— Э, безделка. Пуля вскользь по ребру погладила, а я щекотки боюсь, вот и ежусь.

У порога взял кожаную седельную суму, к столу принес — звякнула тяжко сума о столешницу.

— Трофей, знать-то! — потянулся Репьев к завязкам. — Ба, деньги!

Порохов тускло, без радости глядел, как солдат горстью загреб из сумы серебряные монеты.

— Кого пограбил? — строго спросил Гореванов.

— Трофей, солдат верно баял. — Васька тер воспаленные глаза грязными пальцами. — Вишь, господь милостив к нам был, погоду наслал самую воровскую — буран, конской гривы не разглядеть. Мы сторонкою, себя не оказывая, в зад им зашли...

— В арберггард, — поправил Репьев.

— ...Наскоками хвосты им трепали. Вскокчим из бурана, шум сотворим, и ищи-свищи. Да одна на обоз и натакались. Охрана не ждала нас. Покуда очухались

драгуны, мы обоз погнали взадню! У меня на деньги воях, что у пса на мясо: возок под железом враз приметил, конвой саблями усмирили, офицера из пистоля...

— Сколь казаков оставил за те деньги? — спросил Гореванов.

— Девятерых не досчитались... Ох, братцы мои, какую силу против нас кинули! Убоялась парика Сакмарской станицы! Устрашилась паче ханства Крымского! Гордитесь, есаулы! Атаман, кличь сюды Фильку Соловарова, у него в Яицком городке родня завелась, пуцай подтолкнет хитро. За это вот серебро ихнюю старшину подкупить бы, чтоб яицкие противу нас не ходили. Ей-бо, Ивашка!.. Да чегой-то вы рожи воротите?

Решев ответил:

— Филька семью загода в Яицкий городок услал, а запрошлой ночью сам убер.

Порохов лицом потемнел еще больше. Тяжелое молчание нависло.

Решев серебро лямкой увязал, к атаману подвинул. Стал у Порохова распытывать, каково неприятельских региментов устроение, сколь их числом, артиллерия какая, когда на Сакмару ждять. От вялых васькиных ответов надежды, какие и были, напрочь рушились.

Принялись было сызнова решать, какой вазлон от ядер, от ружейного боя скоро воздвигнуть можно, и поднялся тут молчун Овсянников.

— Дозвольте, есаулы, мне сказать.

Говорил он столь редко, что и голос его забывали. Вдохнул широкой грудью, и ушиб есаулов тихим басом:

— Станцу без боя сдать надо.

Кто-то крикнул удивленно.

— Сдать! — припечатал Ермил. — Ино крови прольем реки, а конец все один. Сила и солону ломит. Сажай, атаман, на конь всех, кто усидеть может, и уводи отсель. Мы, мужики да бабы, да ребятенки останемся на милость божью. Понятно, что выпорют, да на заводы вернут. Бедко, обидно, да иного некоторого пути негу.

Дума такая не у Ермила одного на уме вертелась...

Решев мундир обветшалый одернул, пригладил редкие волосы.

— Диспозиция такова, что викторию одержать нету нам никакой возможности. Ретирады ж сам осударь Петр Лексеич претерпел не единожды, кхе...

Гореванов нашел взглядом отца Тихона, он в уголке сутулился зябко.

— Что скажешь, отче?

— Молю владыку всевышнего и к тебе, атаман, слезно припадаю: да не прольется кровь невинная, напрасная. Уведи от Голгофы избранных тобой. Аз же грешный молиться буду за спасение ваше, покуда жив...

— Сам здесь остаться мыслишь?

— Достоин ли покинуть в день черный паству свою?..

Столменный теплом, Порохов спал сидя, к стене привалился. Топорщилась все еще мокрая от талого снега борода, брови и во сне озабоченно сомкнуты на переносье.

— Пуцай отоспится, — вполголоса сказал Гореванов. — Ступайте, есаулы.

Поднялись. Но не уходили. Решев за всех спросил:

— Пошто свои мысли прячешь? Казаков да солдат увести согласный ли?

На отца Тихона кивнул:

— Слыхали? Поп остается, а атаману бежать? Кто уходит намерился, удерживать тех не буду, смертей напрасных сам не хочу.

— Не дело говоришь, — Овсянников головой покачал.

— Ступайте.

Уходили понурой чередой. От двери по полу стлался холодный пар.

— Ахмет, извиняй, брат, забыл тебя-то спросить...

— Пошто спрашивать? Ты остался — Ахмет, остался, ты пошел — Ахмет пошел.

— А тебе чего, отец Тихон?

Поп, на спящего Порохова косясь, зашептад горячо: — Христом-богом прошу, возьми с собою супругу мою... Сбереги агнипу кроткую!

— А вот ты и будь казакам замест пророка Моисея, вкупе с Репьевым их ведите, и Фрося при тебе. Я ж — один. Смерть мне — во благо, ибо мертвые срама не имут...

Отец Тихон остановил атамана.

— Размысли вправо. Знаю, готов ты на муки за люди своя. Но умерь гордыню, раб божий. Иное мужество надобно здесь — мужество с собою совладать и уйти. Есаулы к уходу зовут не ради жизни твоей — дабы дело не умерло...

Благословили троекратно, шубенку на плечи воздел, растворился в холодном тумане дверей, словно в облаке.

6.

Студеный северный ветер тучи разогнал и утих к утру. Чистая и морозная вставала над снегами заря.

Атаман собрал старшин.

— Уходим, есаулы. В сторону сибирскую, в леса необжитые. Доведите всем жителям: кто силу в себе чаёт от темна до темна в седле быть, почевать в сугробе, всяки лишения терпеть — пуцай с нами. Табун станичный врагам не оставим, каждый запасного коня возьмет. Обоз нам — обуза, в седельные сумы покласть одежду да харч. Оружие чтоб в исправности! Ермил, порох и свинец раздай людям ружейным, а что останется, в переметны сумы...

— Я тута останусь.

— Не можно того, Ермил. Сказнят они есаула.

— В есаулах я ходил без году неделя, авось до смерти не запорют. Уйти же не можно: пахарь я, не казак. Да и не один теперь: ден с пятнадцать тому повенчал нас поп Тихон со вдовой крестьянской, а ейные робятенки малы, слабеньки... Останусь я.

Порохов горько усмехнулся:

— Хмелен будет тебе медовый месяц. С лаской и таской.

Гореванов нагнулся, вытащил из-под стола седельную суму, Пороховым привезенную.

— Возьми, Ермил. Деньга не бог — а бережет да милует. Схорони подале, пригодится народу станичному.

— А вам?

— У нас, брат, сабли дороже золота.

Бабы не выли — плакали молча. Мужики, хоть и мороз, шапки поснямали. Отец Тихон напутственную молитву произнес. Супруга его Ефросинья свет Кузьмовна с другими бабами поодаль стояла, и атаман с трудом заставил себя не глядеть в ее сторону. Во второй раз Фросю в бедах оставлял — стыд вечный казаку Гореванову...

Ермил Овсянников уходящим поклонился в пояс.

— Исполать вам, атаман с есаулами, что роздых нам был, что воли мужик понюхал сладкой. Прощайте, дай вам бог удачи.

И атаман ему, а потом народу на четыре стороны цоклоны отдал:

— Не поминайте лихом, люди. Коль живы будем, весть дадим.

— Храни тя бог, атаман, — отвечали ему. — Сыщешь место укромно да пашенно, не забудь!

Впереди Порохов плетью взмахнул, свистнул. Двинулись всадники. Прости-прощай, вольная станица...

Чисто небо, да короток зимний день. За спиною заря еще теплится, а впереди, в морозном тумане сумерки уж грядут. И слава богу: дозоры яицкие во тьме мигновать бы, исход свой не оказать, хотя б на день отдалить разгром покинутой станицы. В степи мороз, на сердце холод...

Гореванов с вьючным конем в поводу отъехал в сторону, обочь встал. Оглянулся. Ни огонька. Темна станица. Двигутся конники чередою молчаливой, ровно на похоронах. Без малого полторы сотни. Казаки, солдаты, мужики. В одежах овчинных, в шапках казачьих, в малахях. Кой-где бабы полупалки из козьей шерсти — рискованные женки в путь отважились.

Впереди Васька Порохов, ему здешняя округа ведома, вдоль и поперек изъезжена. За Пороховым ведет Репьев солдат да мужиков. Эти к седлу менее привычны, им в середине идти. Позади Ахмет с татарами да башкирами, для обережи, чтоб вороги внезапно сзади не ударили. Дойдут до земель башкирских, тогда Ахмет с Васькой местами поменяются.

Гореванов подозвал Ахмета.

— Возьми своих десяток аль сколь пригоже будет. Скачи, друг, наоборот в станицу, вези попа с женою. Вовек себе не прощу, коль замордуют их! А и помилуют, на Башанлык воротят — комендант не простит... Гоня, Ахмет! Упрется поп — силком вези! Ночь без снега быть сулит, по следу нас догонит.

Малахай у Ахмета богатый, байский малахай. Сам осенью тупой стрелой лисиц бил, сам шил, сам носит теперь, гордится. Сверкнул улыбкой, крикнул своим — унеслась ватажка.

Шли ходко: лошади загодя вдволей кормлены. Телег мешкотных нету. В ночи крадучись, обтекали сонные острожки, собак не баламутя. Арапов-атаман хоть и держал коней под седлом, казаков под ружьем, а малые дороги заставами перекрыть не побеспокоился: ни куды, мол, не денется голь перекатная, от казанских полков сама побегит к яицким курениям — лови да вяжи, государевы слуги.

Остановились на дневку подле кошар летних — плетни, глиною обмазаны, над речкой застывшей. Тут на рассвете догнал Ахмет. Гореванов с самой полуночи тревожился, их поджидая, и увидя, просиял: у одного из татар булан жеребец в поводу, а в седле тулуп горой, а из него Фроси лицо... Но с какого угару Ахмет по морозу в тубетейке летней щеголяет? Не поранен ли? Ахнул Гореванов: на другом-то коне отец Тихон в малахае ахметовом, и весь арканом, ровно тюк, обвязан...

— Ахмет, пошто его повязал?

— Не уберег бы. Шибко сердит поп, ехать не хотел, крестом по башкам бил.

Отец Тихон негодовал:

— Грех тебе, атаман! Налетели в ночи аки демоны сатаниски!.. Развяжи, отпусти к пастве моей покинутой!

Гореванов аркан распутывал, уговаривал:

— Я-то развяжу, а драгуны повязали б — развязывать некому. Не сердчай, лицу духовному смирение добавает.

— Смирение человека не бескрайне есть. — Успел только Гореванов освободить попа от уз, как тот на Ахмета кулак воздел в сердцах. Но опомнился — и руки в рукава. — Господи, не введи мя во искушение... Не ведают бо, что творят. А на твоей, атаман, душе грех святотатственный!

— Жив буду — отмолю с твоею помощью. Фрося... Ефросинья Кузьмовна, изволь с коня сойти, ножки поразмять. Не озябла?

Командир казанского отряда весьма обескуражен был, на Сакмаре воинской силы не найдя: против кого тут воевать?

— Наладили в поход будто на короля шведского, тыщи верст артиллерию тянули! Ай да военная кампания — из пушки по воробью! Тьфу!

Излив досаду, велел учинить беглым дознание. Мужики единодушно винулись: в бегство дерзнули по наущению казака Ивашки, а Ивашка тот убог, а куда, того не ведают. После быстротечного дознания учинили

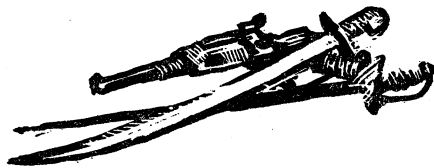
мужикам, как всегда оно водится, битье вразумительное, дабы впредь от заводов не утекать. Однако пороли без лютости, сам генерал Геннин в письме о том радел, ибо до смерти рабочего мужика засекают — тоже, стало быть, казне ущерб. Работники надобны на заводах, а не в царстве небесном.

За самозванным атаманом, вором, крамольником Ивашкой Горевановым послана сотня казаков яицких под началом самого войскового атамана. А за казаками приглядывать шел эскадрон драгунский. Но поиск тот вышел бестолков: растаял Ивашка Гореванов с товарищами в степных просторах, и след их метели замели.

Но шептались по улусам бедняки-байгуши: видели будто в оттепель, в туманной завесе ватажку горевановскую, слышали топот конский... И худо спалось по ночам башкирским баям.

По заводам слух: пограблен обоз провизантский, не атамана ли Гореванова озорство? И управители заводом отменяли правящие экзекуции: негоже народ злить — Гореванов близко.

Текло время. На берегу Сакмары зарастало травой пепелище порушенной станицы. Но память о вольной Сакмаре и атамане Гореванове былшем не поросла. Потому, может быть, что людишки черные все так же бежали с заводов в дали неведомые. И верили заводские окраины, пристрожные выселки, деревеньки обнищальные: где-то в местах отдаленных, в урочищах потаенных основал честной атаман Гореванов новую станицу, вокруг нее стены неприступные, а посередине храм белокаменный. И пашни окрест хлебородны, и живут мужики в сытости, правит ими атаман по справедливости...

ников! Расклад перед новой стычкой оказался явно не в пользу бронепоезда. Нет боезапаса, люди буквально падают с ног от жуткой духоты и усталости. «Ну, что же,— решил командир,— обмануть дураков не грех, тем более, что мы сейчас не в форме... Петрович,— крикнул он в переговорную трубку,— поддай-ка угольку, да приоткрой паровой вентиль. Сейчас фрицев за нос водить будем».

В это время с воздуха, наверное, наблюдался «полный разгром». Состав был окутан паром и дымом. И не ведомо было фрицам, что этот эффект создают дымовые шашки, разложенные на всех платформах. Покружили самолеты, окружили, да и подались обратно.

Первый бой уральцы выдержали с честью, открыв боевой счет нанесенным врагу потерь. Бронепоезд громил фашистов на Кубани, под Москвой, под Львовом, в Новороссийске... В тяжелых боях он уничтожил 13 самолетов, 22 танка, 65 орудий и огромное количество живой силы противника.

Но теряли своих друзей и воины экипажа. Награжденный за первый бой орденом Красной Звезды Д. Н. Копенкин вскоре был контужен и, вылечившись, был направлен в другую часть. На его место встал другой, потом третий... Десять машинистов сменили друг друга у реверса паровоза за два года боев. Смертью храбрых погибли солдаты, на их место вставали новые.

Спустя год после вручения воинам бронепоезда бойцы и командиры «Свердловского железнодорожника» писали его строителям:

«Наша часть нанесла противнику огромный ущерб... Героически вели себя в боях за Родину наши земляки-уральцы: заместитель политрука, ныне младший лейтенант Ушаков, сержант Рылов — помощник машиниста. За храбрость и бесстрашие они награждены медалями «За боевые заслуги».

Заверяем вас, дорогие друзья-свердловчане, что экипаж бронепоезда, не щадя своей жизни, будет уничтожать фашистских мерзавцев. Мы уверены, что вы своим стахановским трудом обеспечите бесперебойное снабжение наступающей Красной Армии всем необходимым для окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков».

Вот как вспоминал эти дни мощный машинист Сергей Григорьевич Рылов.

— Держали мы однажды правую под обстрелом трое суток. На четвертые немец бросил на нас авиацию. Только отбомбится одна партия, на подходе уже вторая... По счастливой случайности ни одна бомба не угодила на полотно железной дороги. Но два прямых по-

падания сделали свое дело: вывели из строя все зенитные установки и подожгли одну из бронеплощадок.

И на этот раз смолкший и объятый пламенем бронепоезд показавшись немцам наконец-то уничтоженным. Но только самолеты улетели, экипаж затушил пожар. Чтобы не подвергать людей опасности, командир принял решение: на ближайшей станции команде уйти на базу своим ходом, а комиссару — вести туда же требующий ремонта бронепоезд.

Их осталось четверо: комиссар Бондарев, машинист Петренко и два его помощника, Рылов и Нятин. Искалеченный состав тронулся с места. И тут опять — «юнкеры»... Под броней не слышно гула их моторов, но как от взрывов бомб вздрагивала земля и барабанили по броне осколки люди ощущали всем телом. Оглушенная локомотивная бригада продолжала вести состав. Из командирской башни Бондарев крикнул: «Слава уральской броне!» Он видел, как в смежную бронеплощадку ударилась бомба, но броня выдержала прямое попадание, свибрировала, и смертоносный груз рванул в стороне, а осколки уже были не опасны.

Восемнадцать месяцев и восемнадцать дней бил фашистскую нечищу славный «Свердловский железнодорожник». И когда пришел, как казалось тогда, его последний час, немало врага полегло на поле этого сражения.

...Шли бои за Новороссийск. По несколько раз в сутки выходил бронепоезд навстречу врагу, стремящемуся во что бы то ни стало овладеть городом. В сентябре 1943 года бои шли уже на улицах. Бронепоезд, находившийся в тупиковых ветках цементного завода на восточной окраине Новороссийска, вел огонь по спускавшимся с горы немецким танкам и пехоте. Но уже было ясно: машину вывести не удастся. И тут командир экипажа крикнул: «Ну, братцы, дадим последний концерт!..» Бешено маневрировал бронепоезд, ведя смертельный бой. Подбиты два танка. Вот загорелся третий, сорвало башню у четвертого. И немецкие танки не выдержали: они повернулись и уползли под прикрытие.

Кончался запас снарядов. Город был занят врагом. Оставался один выход — отходить, взорвав машину. Бронепоезд отвели в дальний тупик. Здесь вся команда сошла на землю. Молчаливым и тягостным было прощание воинов со своим верным другом, ни разу не подводившим их в боях. И когда все отошли метров на двести, раздался взрыв: «Свердловский железнодорожник» был уничтожен, чтобы не достаться врагу...

Но машина все-таки еще послу-

жила победе. Советские воины, отбросив врага, обнаружили подорванный и все-таки имеющий шансы на восстановление бронепоезд. И вновь, уже с другим экипажем, пошла по железным дорогам войны крепость на колесах.

В 1959 году отслужившую свою нелегкую службу железную машину было решено разрезать на металлолом: пусть теперь послужит мирным целям. На станции Белореченская встал бронепоезд на последнюю стоянку.

...Обо всем этом поведали документы, собранные следопытами свердловской железнодорожной школы № 2. Десятки писем написали они в разные концы страны. Встречи, ответные письма, поиск все новых имен — это заняло пять лет.

Начальник депо Перекальский, мастер Аксенов, Вшивков, Гутченко, автогенщик Логинов и котельщики Гольшев, Симонов, Пузырев — вот только несколько имен тех, кто, не жалея сил, выковывал в тылу победу над врагом. Это они строили бронированную подвижную крепость.

Известны теперь ребятам и именам членов экипажа бронепоезда: машинистов Петренко, Копенкина, Закусина, командира Поддубского и комиссара Бондарева, помощника машиниста Рылова, Вычегжанина (погиб в боях под Новороссийском) и многих других славных сынов Родины.

Огромная работа проведена учащимися и преподавателями. Это про них сказано: «А мы идем искать ровесников следы — пусть вечные огни горят для каждого!»

Работа по призванию

Рассказ

**Борис
РУДЕНКО**

Рисунок
Е. Стерлиговой

Думаете, легко работать регулировщиком?

Рычащий поток машин с утра до вечера. Бесчисленные «Жигули», «Волги», менее престижные «Запорожцы» и несравненно более — иномарки волшебных форм и красок.

Автомобиль не роскошь, а источник загрязнения окружающей среды. Выхлопные синие дымы, запах бензина всех сортов, капли масел на нагретой мостовой...

Мечущиеся фигуры отважных нарушителей-пешеходов, нервирующий скрип «мертвых» тормозов и визг протекторов. И каждому надо успеть свистнуть, каждого нужно оштрафовать, а перед тем выслушать оправдания — аргументированные или просто убедительные. Выслушать, а потом оштрафовать — порядок есть порядок. Автомобиль не роскошь, а одна из причин заболевания сердечно-сосудистой системы...

Вот здесь, посреди ревущего потока, на острове сомнительной безопасности, Сеня встретился с Федором. Вначале он ему свистнул и грозно помахал полосатой палкой, а когда нарушитель виновато приблизился, узнал:

- Федор!
- Сеня?
- Вот встреча! Столько лет!..

После того, как немного рассеялась пыль, выбитая из одежды дружескими хлопками, Федор пригласил зайти к себе — жил, оказывается, совсем рядом. У Сени дежурство уже заканчивалось — тоже как нельзя кстати.

Квартира у Федора хорошая — о трех комнатах и с голубым санузелом. И сам Федор выглядел как человек, у которого все в жизни хорошо да гладко. Везучий он, с самого первого класса везучий.

Зашли, выпили понемногу за встречу. Говорили о бывших одноклассниках. Как кто.

— Ну, а сам-то как живешь? — спросил, наконец, Сеня, и Федор сразу погрузился, нахмурился.

— Как тебе сказать, — ответил он, — все вроде нормально, а фактически...

— Вот-вот, — поддакнул Сеня, погрузившись в свои собственные раздумья. — С виду все хорошо, а покопаешь...

— Понимаешь, Сеня, — сказал Федор, — иной мне позавидует. На работе ценят. За последний год повышают второй раз.

— Второй раз за год? — удивился Сеня и тоже немного позавидовал. — Способный ты, Федя, человек!

— В том-то вся и беда, — пожаловался Федор. — Только, понимаешь ли, присмотришься на новом месте, свою струю найдешь, увлечешься, бац — и повышают. А я тебе откровенно скажу: сидел бы и сидел в своей лаборатории. Мы, брат, такое там начали! Представляешь, Сеня, прокладываем дорогу в подпространство. Это пока секрет, ты никому не говори.

— Так откажись!

— Не могу, — Федор вздохнул, повертел перед глазами рюмку. — Моральная ответственность. Доверие коллектива не имею права не оправдать. И жена... Зарплата, понимаешь, тоже повышается.

— Мне бы твои заботы, — уныло сказал Сеня, махнул рукой и выпил. — Все у меня как-то не так сложилось. Затянули будни серые — не вырвешься... Утром будильник — дзинь! — я его под подушку, а вставать все равно надо. Проглотишь бутерброд, бегом на работу. Прибежал вовремя — хорошо, опоздал — плохо. Вся диалектика... Потом целый день на дежурстве — сам видел — машины, гарь, нарушители, штрафы, дым, грохот... А вечером все в обратном порядке плюс очередь за колбасой и хлебом. Суета. До того устал, Федя! Покоя хочется, тишины.

Сеня запнулся, раздумывая: сказать или нет, потом решил.

— Я, Федя, знаешь ли, стихи пишу.

— Это интересно! Слушай, почитай!

— У меня их пока немного. И с собой нет. Когда писать? Не на посту же... Покой и время, где их обреть? Разве что на пенсии. А до пенсии — фью-и!

Сеня вздохнул и повесил голову.

— Так-так, — сказал Федор. — Ты это все серьезно? Или короткая хандра?

— Эта хандра у меня уже года три. Не туда я ступил с самого начала. Не той ногой. А возвращаться поздно.

Федор смотрел словно бы сквозь него, сосредоточенно обдумывая что-то.

— Ты женат? — спросил он после короткого молчания.

— Нет, не случилось как-то. Да я и не топлюсь.

— Хорошо.

— Это тоже еще как сказать, — возразил Сеня.

— Я не об этом. погоди, не мешай, я думаю.

— Пожалуйста, — пожал плечами Сеня и налил себе еще рюмочку.

— Вот что, — сказал наконец Федор. — Пожалуй, я тебе помогу по старой дружбе. Есть у меня одна штука. Опытный образец. Я его в лаборатории соорудил, перед тем как меня повысили. Специально для демонстрации. Чтоб пробивать было сподручней... Теперь он мне не нужен. Бери его себе. — Федор достал из-под кровати маленький чемоданчик, сдул с него пыль. — Бери и владей.

— Зачем он мне? — удивился Сеня.

— Сейчас все объясню. Тебе тишина нужна? И покой? Вот здесь, в этом чемодане, и то, и другое. Мой прибор откроет тебе вход в подпространство. А там — тишина! В ушах звенит. Ни людей, ни машин. Бери, не пожалеешь. Пока открытие зарегистрируют, утвердят план исследований, знаешь, сколько времени пройдет? Успеешь написать побольше Дюма-отца. А пользоваться им я тебя быстро научу.

Сеня осторожно потрогал чемодан пальцем и хмыкнул, вложив в этот звук сильное сомнение.

— Это ты здорово придумал, спасибо. Только... Я ведь живой человек, мне пить-есть надо. В подпространство, говоришь? Там, наверное, зарплату не платят, а?

— С зарплатой там дело обстоит сложно, — подтвердил Федор.

— Вот видишь! Если б не зарплата, стал бы я переживать. Махнул бы в поля и леса, и подпространство мне ни к чему. Так что спасибо, но...

— Подожди! Я же тебе не объяснил до конца. Одно из загадочных свойств подпространства заключается в том, что твой организм ничуть не меняется, пока находится там. Ты существуешь как бы вне времени. Допустим, утром позавтракал, ушел в подпространство, бродишь до вечера или еще дольше, а все равно есть не хочется. И не захочется до тех пор, пока оттуда не выберешься.

— Вот оно что, — заинтересовался Сеня. — Так бы сразу и сказал. Если ни еды, ни питья... А сведения у тебя точные?

— Факт! Лично проверял.

— Тогда другое дело. Как с ним обращаться-то, с твоим аппаратом?..

Сеня не стал сразу включать полученный от Федора прибор. Потребовалось некоторое время, чтобы уладить земные дела.

Он подал заявление об уходе с работы. Попрощался с Люсей, питавшей в отношении Сени неопределенные надежды. Ему тоже нравилась Люся, но ради искусства необходимо идти на жертвы. Поэтому Сеня объяснил всхлипывающей девушке, что уезжает в длительную командировку. Куда? Он не удержался: далеко. Возможно, что за границу, только это секрет. Надолго ли? Вероятно, да. Года на два.

— Сеня,— сказала Люся, прикладывая к глазам и пачкая тушью платочек.— Я давно подозревала, что ты человек особенный, не такой, как все. Я буду тебя ждать. Обязательно...

Наконец, все было готово. Сеня упаковал личные вещи: одеяло, подушку, набор шариковых ручек и карандашей, побольше чистой бумаги для будущих стихов. Сложил все это аккуратной кучкой, уселся сверху и включил прибор. С минуту аппарат разогревался, тихонько попискивая, потом, словно мягкая и мощная рука подпихнула Сеню пониже спины, и он вместе со своими пожитками влетел в подпространство.

Огляделся. Тепло, сухо и безветренно. Подпространство было будто в тумане — просматривалось всего шагов на сто, но на это Сене было наплевать. Он расстелил одеяло, устроился поудобней и принялся за работу.

Время в подпространстве текло незаметно. Да и было ли оно там — время? День не сменяла ночь, и вслед за нею не наступало утро. Неяркий серый свет ровно струился со всех сторон, снизу и сверху. Ничто здесь не отбрасывало тени, оттого сочинять можно было и сидя, и лежа на любом боку. Только воздух казался чуть затхлым. Или только казался?

Может быть, работа у Сени шла не слишком споро, но куда спешить? Сеня не гнался за легким успехом. Он сейчас даже еще и не писал стихов, а просто оттачивал свое мастерство, чувствуя, как оно становится все острее и тоньше. Изредка вспоминалась Люся — и это было хорошо. Настоящий художник должен испытать страдание, познать боль и горечь утраты. И Сеня страдал по возможности, готовясь перековать свои переживания в пылающие искренним чувством строки.

Стихов пока не было, но мастерство тоньше и острело.

А время стояло или текло, туда ли, обратно

или, может, как-то вбок — по своим подпространственным законам, не касаясь Сени совершенно. И совсем неизвестно было бы, сколько его уже уткло, если б в привольное Сенино житье не ворвалось то, что лишает окружающее однообразия, разрушает монотонность, рождает причинность и являет собой точку отсчета. В его жизнь ворвалось Событие.

— Ах! — услышал Сеня чей-то возглас и поднял глаза.

Перед ним стоял человек в космическом скафандре. Он показывал на Сеню толстым пальцем из сверхпрочного сплава и ахал:

— Невероятно! Абориген подпространства!

Сеня молча осмотрел гостя, потом сказал с легкой досадой:

— В чем дело, товарищ? Успокойтесь, пожалуйста, и объясните, что вам нужно.

— Невозможно! — разразился пришелец новой серией восклицаний. — Абориген разговаривает! По-русски! Неужели телепатия?!

Тут Сеня обиделся.

— Если я абориген, то ты... — и обозвал его нехорошим словом.

Любой мог запросто полезть на рожон, но пришелец не стал. Он оказался выдержанным и рассудительным человеком. Заподозрив ошибку, гость умолк, а затем расспросил Сеню по хорошему, что да как. Сеня рассказал чисто-сердечно. Чего скрывать? Не сказал только, где взял прибор. На всякий случай, чтобы Федора не подвести. И сам, в свою очередь, спросил, как пришелец сюда попал.

— О-о! — ответил пришелец. — Совсем недавно на Земле свершилось великое открытие. Федор Галахов пробил дверь в подпространство! Мне доверена честь быть первым человеком, шагнувшим в... — он взглянул на Сеню и примолк, потом огорченно добавил: — Выходит, я не первый?

— Ты не расстраивайся, — утешил Сеня, — я этих лавров не ищу. И никому не скажу. Только открой мне: много вас там еще?

— Кого? — не понял человек в космическом костюме.

— Ну, вас. Первооткрывателей.

— Ага, — догадался мужчина. — Ведь мы тебе мешаем!

— Не без того, — признался Сеня. — Да чего уж там.

— Ты извини. Я тоже про тебя никому ничего не скажу, кроме наших испытателей, чтоб не докучали...

Они расстались, очень довольные друг другом.

Сеня остался один, но ненадолго. По проторенной дорожке брели один за другим покорители подпространства. О Сене они уже знали со слов самого первого и старались не мешать, обходили стороной, а если все же сбивались

с пути и натыкались на него, то вели себя тихо. Вежливо здоровались и шагали дальше. Сеня к ним привык. Стал даже перекидываться парой-другой фраз, получая кое-какую информацию о новостях на Земле. В конце концов, не может же искусство обходиться без связи с реальностью.

Но дальше стало гораздо хуже. Чья-то умная голова сообразила, что подпространством можно пользоваться для перемещения материальных объектов. Входишь на Северном полюсе, выходишь на Южном — и даже не надо снимать шубу и валенки... Короткая эпоха первооткрывателей закончилась, началось время интенсивной эксплуатации подпространства.

Вначале перемещались небольшие группы весьма ответственных лиц. Эти с Сеней не очень разговаривали. Проходили молча, гуськом, на пути из Бомбея в Гонолулу. Или еще куда. Потом их стало больше и пониже рангом. Они бесцеремонно глазели на Сеню и щелкали фотокамерами, ослепляя вспышками осветительных ламп. Подпространство вокруг было вдрызг истоптано. Сене приходилось чуть не каждый день перетаскивать свои пожитки все дальше и дальше от торных дорог.

Людей становилось так много, что они стали кивались друг с другом не хуже, чем в метро. Один туда, другой сюда, вокруг туман — трах! — лоб в лоб, и начинались взаимные обиды. Такой, мол, разэдакий, не смотришь, куда идешь!

Однажды недалеко от Сени перемещались две археологические экспедиции. Одна ехала из Иркутска в Ашхабад искать следы древнейшего человека. Другая, наоборот, из Ашхабада в Иркутск — за тем же. Они таскали оборудование и прочие вещи из разных концов подпространства и складывали в кучи. Вещей было так много, что кучи перемешались. И начался скандал, который длился три дня по местному времени, привлекая сотни любопытных. Ругались, в основном, руководители экспедиций и их заместители, а рядовая молодежь обкалывала зубы, строила друг другу глазки и обменивалась адресами. Все девичьи в сафари, ребята в джинсах, расходиться не шибко хотелось. Тем более — никаких трат при тех же командировочных.

Сене до такой степени все это надоело, что он завернул свои вещи в одеяло, положил до времени у приметного места, а сам пошел искать новое безлюдье.

Шел он долго и вдруг услышал какое-то цвирканье. Подошел ближе и обмер. Многоногие плоские существа с клешнями и хоботом бегали туда-сюда. Завидев Сеню, зацвиркали все сразу — это они так разговаривали, — подбежали и погнали его прочь, объясняя на ходу телепатическим способом, что это место давно занято. Здесь, мол, существа из другой галактики занимаются своими делами — не мешай.

Делать было нечего, и Сеня вернулся обратно, но одеяла своего не нашел — затоптали в людской круговерти. Пока разыскивал, неожиданно натолкнулся на Федора. Тот во главе какой-то комиссии шагал по подпространству, и все уважительно уступали ему дорогу. Он стал еще важнее и представительнее. Сеню он узнал не сразу, но все же узнал.

— Сеня, — сказал Федор, — ты еще здесь? Как успехи?

— Я за лаврами не гонюсь, — гордо начал Сеня, но умолк. Отчего-то стыдно стало ему и горько.

— Да, — грустно проговорил Федор, — я потом так жалел, что дал тебе прибор. Недели не прошло, понял: не во времени дело и не в месте. Как-то по-другому надо было тебе помочь... Сеня, ты где?

Но Сеня был уже далеко. Он пробился сквозь толпу к выходу в свою квартиру и очутился в незнакомой комнате. Обои и мебель совсем не те, только вид из окна вроде бы прежний.

Застыв с ложками, полными щей, у рта, на него ошеломленно смотрели мужчина, женщина и двое близнецов-пацанят.

— Простите, — сказала Сеня. — Это моя жилая площадь.

— А мы уж год как тут живем, — ответили люди со щами. — Препрежнему хозяина четыре года не было, и нам дали эту квартиру.

— Все понятно, — сказал Сеня грустно. — Тогда я пошел.

Он вышел на улицу, постоял немного и вдруг понял, кто ему сейчас поможет. Бросился к телефону-автомату. Номер знакомый, сто раз набранный, а едва вспомнил. Но вспомнил все-таки!

Сняла трубку сама Люся.

— Да-а?

— Люся, здравствуй, это я, Сеня. Люся, я вернулся! Я так рад!

— Сеня? Ой, Сеня... — Люсин голос дрогнул и пропал.

— Люся, ты меня слышишь? Мне очень нужно тебя увидеть.

— Уважаемый товарищ, — произнес в трубку незнакомый мужской голос. — Вы сюда больше не звоните. Люся уже давно не Люся, а Людмила Александровна, жена и мать. Всего хорошего.

И короткие гудки.

Тут Сеня сорвался.

— Вот она, ваша женская верность! — кричал он трубке, поющей жалобную прощальную песенку. — Вот они, ваши клятвы и обещания!

Редкие прохожие замедляли шаги, удивленно оглядываясь на Сеню. Он еще немного потоптался возле телефонной будки, раздумывая

вая, куда теперь идти. Ничего не надумав, побрел бесцельно.

Долго он так бродил, оставляя позади улицу за улицей, пока не оказался возле старой своей работы. «Судьба»,— подумал Сеня невелико и пошел в отдел кадров.

Да только отдела кадров на месте не было. Сидел в той комнате седой румяный старичок и пощелкивал костяшками счетов.

— Здравствуйте,— растерянно сказал Сеня.— Я тут раньше работал. В то время здесь был отдел кадров...

— Был,— закивал старичок,— а теперь уже нету. Машинами люди совсем почти не пользуются, потому аварий не стало, происшествий не случается. Оттого регулировщиками теперь уже никто не работает. Все повысили свою квалификацию и перешли в пожарники. А вы никак на прежнюю работу хотели проситься?

— Хотел,— ответил Сеня, повернулся и вышел.

Только сейчас он заметил, как мало на улицах транспорта. Зато через каждые двести метров стояли кабинки-ретрансляторы — открытые двери в подпространство.

«Пойду хоть одеяло подберу»,— вяло подумал Сеня, захлопывая за собой дверцу кабинки.

В подпространстве царил обычная толкотня. Все бежали по своим делам — кто куда. Шум, гам и толкотня. Мирская неразбериха.

У загорелого горца, тащившего на рынок в Пензу мешок ранних помидоров, пожилой негр в национальной одежде спрашивал на языке суахили, как пройти в Дагомею. Группа японцев вежливо уступала всем дорогу и оттого не двигалась вперед ни на шаг. Какой-то человек неопределенной национальности, напротив, толкался со всеми сразу и тоже не мог сдвинуться с места.

Людской поток подхватил Сеню, закружил, и вдруг его, помятого и моментально обалдевшего от суеты, осенило.

— Ребята, стойте! — кричал он. — Я знаю, что нужно делать!

Его услышали ближайшие соседи, передали следующим, те — еще дальше, и огромная толпа остановилась.

— Я знаю, что нужно сделать, чтобы всем было удобно и хорошо! — крикнул Сеня, и толпа, уставшая от вечной толкотни, потребовала на всех земных языках:

— Говори!

— Это очень просто! Нужно здесь, в подпространстве, поставить регулировщика движения.

Толпа разочарованно вздохнула.

— Кто же согласится на работу в таких тяжелых условиях? — спросили десять тысяч человек, а за ними все остальные. — Это же не под солнышком стоять, а в вечной серости.

Сеня набрал в грудь побольше воздуха и крикнул изо всех сил, чтобы все его услышали:

— Я могу! Ради общего дела я согласен!

— Это очень сложный вопрос,— с сильным сомнением и иностранным акцентом произнес какой-то латиноамериканский дипломат.— Кто вам будет платить зарплату? Из каких фондов? Чтобы это решить, необходимо созвать международное совещание.

Сеня опять набрался сил и заорал что есть мочи:

— А я бесплатно работать буду! Просто так!! Для души!!

С этого дня в подпространстве был наведен надлежащий порядок.

Самое главное, Сеня тут действительно нужен, и он это понимает. Любое дело требует призвания... И стихи Сеня тоже пишет. Недавно напечатали в местной многотиражке «На посту».

На его стихи пришло много отзывов и похвалений с успехом.

НОВИНКИ ФАНТАСТИКИ

Выполняя пожелание читателей, помещаем список НФ книг, отечественных и переводных, которые были изданы в 1980 году. (Информацию о новинках предыдущих двух лет см. в № 4 за 1979 и № 9 за 1980 год). К сведению книголюбив: в распоряжении редакции книг нет, их рассылкой мы не занимаемся. Не располагаем мы и информацией о магазинах, которые высылали бы фантастику по почте.

Александр АБРАМОВ, Сергей АБРАМОВ. СЕРЕБРЯНЫЙ ВАРИАНТ. Роман и повесть. М., «Детская литература», 1980, 224 стр.

Роман, давший книге название, завершает трилогию, начатую романами «Всадники ниоткуда» и «Рай без памяти». Включена также «Повесть о Снежном человеке».

Сергей АБРАМОВ. ВЫШЕ РАДУГИ. Повести-сказки. М., «Московский рабочий», 1980, 296 стр.

В книгу, помимо заглавной, вошла повесть «Рыжий, Красный, человек опасный», первоначально печатавшаяся в нашем журнале.

Анатолий АНДРЕЕВ. РЕЙС НА РОСУ. Повесть и рассказы. Ижевск, «Удмуртия», 1980, 96 стр.

Дмитрий БИЛЕНКИН. СНЕГА ОЛИМПА. Рассказы. М., «Молодая гвардия», 1980, 271 стр.

Эту четвертую по счету книгу писателя составили шестнадцать рассказов; семь из них в разное время печатались в нашем журнале.

Евгений ВОЙСКУНСКИЙ, Исай ЛУКОДЬЯНОВ. НЕЗАКОННАЯ ПЛАНЕТА. Роман. М., «Детская литература», 1980, 272 стр.

В переработанном виде в роман включена публиковавшаяся в «Уральском следопыте» повесть «Аландские каникулы».

Берегитесь крнафсов!

Футбольная история

**Дмитрий
БАБУШКИН**

*Рисунок
А. Банных*

Раздался свисток, и игра началась. Встреча была принципиальной. Мы принимали другого аутсайдера — команду «Вымпел», проигравшую шесть матчей подряд. Ярко-зеленая трава красавца-стадиона, казалось, кричала: давай, «Строитель», жми, «Строитель»!.. Так называется клуб, где я играю центральным защитником уже семь лет. В прошлом году меня даже выбрали капитаном...

Я готовился ударить по мячу, чтобы послать его за линию поля и тем сорвать острую атаку «Вымпела». Но хитрый замысел не удался: мяч отскочил в сторону, подпрыгнул и самостоятельно улетел далеко-далеко, прямо в штрафную соперника.

— Молодец, Золотая нога, отличный удар! — одобрительно вскричал Венья Полуэктов, единственный зритель, штатный болельщик и любимец нашей команды. Венья стоял целой «Ма-

ракань» — одно его хозяйство занимало половину южной трибуны. Это хозяйство — микрофон, два усилителя, магнитофон, надувной матрас, три ящика пива и полкило воблы — было куплено на деньги «Строителя», не жалевшего для родного Вени ничего. И благодарный Полуэктов старался вовсю, поднимая адский шум на пустом стадионе.

Прошло уже десять минут матча, а ни мы, ни вымпеловцы так и не коснулись мяча. Поначалу никто из нас не выдавал своего удивления — все делало вид, что такое поведение мяча входит в наши планы. Но время шло, игроки разнервничались, последовал целый ряд нарушений. Защитник гостей снес у своих ворот нашего левого крайнего Петю по прозвищу Зубр, хотя тот ничем не угрожал вратарю «Вымпела». Большой любитель театра и кино, Зубр лежал на земле и корчился в судо-

рогах. Я должен был отомстить за товарища, точно пробив пенальти. Я всегда бью одиннадцатиметровые, потому что обладаю сильным и коварным ударом. Оттого ребята и прозвали меня Золотой ногой.

— Вставай, Зубра! — изощрылся Веня. — Не робей, Золотая нога!

Я разбежался.

— Алло, — басом сказал мяч, — не стоит пытаться.

Моя нога рассекла воздух, а говорящий мяч в довершение всего подскочил и ударил меня по голове. Да так, что в глазах потемнело! Я, конечно, читал в детстве про Хоттабыча, но подобных штук даже он никогда не вытворял — мировой был старик...

Матч между тем возобновился. Мяч по-прежнему никому не давался. Всякий раз, пролетая мимо меня, он лукаво подмигивал. Глаз-то у него, понятно, не было, но то ли он подергивал чем-то, то ли делал еще что в этом роде, — в общем, можно сказать, что подмигивал.

В перерыве тренер радостно сообщил, потирая волосатые руки:

— Кажется, дело идет к нулевой ничьей!

Его-то это вполне устраивало. Но мы больше играть не могли. Центрфорвард Леша-Горилла, чаще всех бивший и потому чаще всех не попадавший по мячу, устало пробормотал:

— Замените меня!

Никто его, конечно, не заменил. Но Горилла добился своего. На первых же минутах второго тайма он вступил в пререкания с судьей, пререкания перешли в оскорбления, и Гориллу изгнали с поля. О, как мы ему завидовали!.. Почти следом унесли Зубра: он так ловко прикинулся травмированным насмерть, что даже наш врач ничего не смог поделать. Вымпеловцы тоже потихоньку один за другим ретировались в раздевалку.

Минут за пять до финального свистка наши ребята, измотанные до предела, собрались перевести дух в своей штрафной и устало опустились на траву. «Вымпел» тоже отступил к своим воротам, обратив к нам оттуда гневные речи. Они были уверены, что проделки мяча — наших рук дело.

И мы, и «Вымпел», и судьи в центральном круге уже почти успокоились и расслабленно наблюдали за пируэтами, которые выделял мяч. Но он вдруг изменил свою траекторию и, когда все готовы были разойтись полюбовно, а судья поднес к губам свисток, — стремглав пронесся мимо нас, влетел в наши ворота, прорвал сетку и скрылся вдали. Мы проиграли! Вымпеловцы дружно радовались, забыв недавние обиды. У нас же не было сил протестовать...

Мы собрались в раздевалке, где мрачно отчитали Зубра, Гориллу и прочих ренегатов.

Тренер не показывался. Зато явился тот, кого мы совсем не ждали, — виновник наших бед, проклятый мяч. Он замер на пороге, потом нерешительно вкатился в комнату.

— Ну, чего тебе еще от нас надо? — с тоской обратился к нему вратарь Игнат-Кузнечик. Остальные затравленно молчали.

— Ребята, не обижайтесь, послушайте меня, — заговорил мяч. — Вы, конечно, ошарашены моим поведением...

— Еще бы, — проворчал Горилла.

— Но все ваши страдания окупятся, если вы пойдете за мной!

Его слова возбудили в нас интерес.

— А кто ты есть? — спросил, моргая, наш запасной Егор, деревенский парень, дебютант, не заработавший еще прозвища.

— Я межпланетный коммивояжер.

— Пришелец, значит? — уточнил ветеран Черномор.

— Именно пришелец! Но пришелец поневоле. На меня взвалено тяжкое бремя обвинений, меня разыскивает служба космической безопасности, и я вынужден был укрыться на вашей захолустной планетке. В вашем захолустном городке. Спрятал в укромном месте свой звездолет и подлинное тело, освободив разум, который и вселился в этот мяч...

— А зачем? — спросил полузащитник Саша-Ежик.

— Чтобы обмануть чувствительнейшие приборные космических служб. Но и это укрытие становится ненадежным. Я ведь с планеты Крнафс, а ее жителей локаторы находят легко. Психоэнергия крнафса равняется сорока — сорока двум условным единицам, у человека же она достигает шестидесяти. За счет чего? Попросту говоря, у вас богаче воображение... Приборы как раз и основаны на этой неравномерности. Локатор мигом разыщет бедного крнафса среди миллионов людей... Я прошу вас: отдайте мне, каждый понемногу, часть своего воображения, чтобы довести мой уровень психоэнергии до человеческого! Предлагаю вам выгоднейшую сделку. Слушайте же внимательно!

И он обрисовал перспективы, открывающиеся перед нами.

— Я сделаю вас величайшими футболистами мира. Пеле будет бегать за вами и кланяться автографы! Представьте: перед каждым матчем мой разум переходит в мяч, которым вы будете играть, и — решает исход встречи в вашу пользу. Вы будете чемпионами!

— Анекдот, — прогнусавил вечно ничему и никому не верящий Тридцать три богатыря, самый физически неподготовленный футболист клуба. Он и сейчас был простужен и уже вторую неделю не участвовал в играх.

— «Строитель» — чемпион! — вкрадчиво по-

вторил крнафс.— Вы переходите в первую лигу, потом — в высшую, играете в сборной страны, побеждаете итальянцев, аргентинцев, голландцев. Сборную мира, наконец! И все это — за десятиминутную процедуру... Вас здесь двадцать человек, мне нужно двадцать психоединиц. По единице на брата, всего по единице! Это же совсем немного!

Крнафс остановился. Наступило молчание, нарушаемое только тяжелым дыханием присутствующих да покашливанием Тридцати трех богатырей. Видя, что мы колеблемся, мяч предложил:

— Ну, проведите, что ли, собрание, прогосуйте...

— Нечего тут рассуждать!— вдруг оборвал его Егор.— Да ежели бы ты хоть честным человеком был...

— Я не человек, я крнафс,— холодно поправил его мяч.

— А ты — преступник!— распаялся Егор.— Убивец, может, законом преследуемый!

— Вам-то какое дело? Не земной же ведь я преступник!

— А хочь бы и американский! Убивец — везде убивец!

Мы оживленно зашумели.

— Правильно, деревня!— поддержал Егора Черномор. Что-то кричал и Тридцать три богатыря, из-за кашля мы не разобрали, что именно.

А Зубр предложил:

— Пусть капитан выступит!

И вездесущий Веня тренированно заорал:

— Тихо! Капитан говорить будет!.. Говори, Золотая нога!

Я смущенно поднялся.

— Ну, что я могу сказать?.. Нечестно это, ребята, что-то тут не так... К тому же, мы и сами играть умеем. Вон, Горилла — чем он хуже Мюллера или, скажем, Кемпеса? Ведь так, Горилла?

Горилла застеснялся и покраснел. Меня поддержал Кузнечик:

— Верно, кэп, темнит он, этот самый, как его там...

— Крнафс,— подсказал Ежик.

— Этого молодца того и гляди арестуют. Что же о нас подумают? Сообщники, скажут. Укрыватели. А этот тип так и метит еще и уродами нас сделать,— высказал я свои опасения.

— Отымет у нас мозги этот крабс!— с волнением воскликнул Егор.— Будем вроде собак каких!

— Бей шнапса-убивца!— вскричал Черномор.

Все бросились к мячу. Сорок мускулистых рук протянулись в одном направлении, двадцать человек имели сейчас лишь одно на уме: схватить крнафса, разорвать и пустить по ветру. Коммерсант отчаянно отбивался. На гладкой поверхности мяча неожиданно появилась широкая

пасть со множеством мелких зубов, кого-то он уже укусил за ногу... Мы зашумели еще громче. Горилла в бешенстве молотил кулаками воздух и один раз все-таки попал крнафсу по темени. По месту, где оно должно было быть.

В ответ крнафс выростил четыре длинных руки, которые тут же украсились огромными кулаками, смутившими даже Гориллу. Страшной силы удары рассекали пустоту над нашими головами, но вскоре крнафсу надоело драться, и он, дважды поразив цель и повергнув на пол Гориллу и Зубра, ускакал, хлопнув дверью.

Мы молча переглянулись.

— Нельзя его выпускать!— прохрипел Горилла, сиюсь подняться.

Мы выскочили из раздевалки на беговую дорожку. Я задрал голову: над нами парил крнафс, извивались четыре уродливых руки.

— Еще встретимся!..— услышали мы шипение.

Тут Веня запустил в него бутылкой из-под пива и, к нашей радости, попал. Крнафс в ярости улетел. Больше мы его не видели.

Вернулись в раздевалку. Горилла уже поднялся на ноги, Зубр по-прежнему лежал лицом вниз.

— Анекдот,— сказал Тридцать три богатыря,— он же притворяется!

В самом деле, в позе Зубра ощущалась некоторая театральность.

— Вставай, Зубр, ты переборщил!

— Где я?— Зубр встал и растерянно огляделся.

Вот что значит талант и постоянная тренировка!

Несколько минут мы восхищенно смотрели на Зубра, а насмотревшись, принялись обсуждать план дальнейших действий.

Общее мнение лучше всех выразил Егор:

— Надо нам, ребята, шнапса изловить. Сколько народу он может обмануть и обокрасть! И мы торжественно поклялись: выловить крнафса!.. Одно было неясно: где же его искать?..

По привычке мы проигрывали матч за матч, как вдруг наша неуверенность в себе сменилась холодной злостью и нетерпением. «Вымпел», такой же, как мы, аутсайдер, вдруг принялся крупно обыгрывать лидеров и заметно поднялся в турнирной таблице. Я видел по телевизору один их матч. Ну и зрелище! Вымпеловцы делали с мячом все, что хотели, и забивали пять «сухих» голов...

Прошло два месяца. И вот мы вылетели на ответную игру с «Вымпелом». С нами был и Веня, правда, без микрофона и усилителей,— пришлось ограничиться огромным рупором. Пива он вез совсем немного,— видно, нервни-

чал. Тем не менее Веня загадочно улыбался и обещал удивить и нас, и весь стадион. При этом он многозначительно похлопывал большой мешок, который прихватил в дорогу. Мешок был туго чем-то набит...

И матч начался! Было решено при первой же возможности схватить мяч — в нем, вне всякого сомнения, скрывался крнафс, — и, не мешкая, разодрать его в клочья. Но эта возможность не появлялась. С первых минут мы были прижаты к своим воротам. Десять тысяч поклонников «Вымпела» дружно болели за свою команду. Впрочем, подбадривать вымпеловцев не было нужды: крнафс выделял чудеса. Кузнечик уже трижды доставал его из сетки. Вернее, мяч сам опасно выкатывался к центральному кругу. Крнафс был начеку.

...Вот рядом со мной бежит Горилла, его лицо перекошено, как в кошмарном сне. Далеко впереди суетятся Егор и Зубр, пытаюсь поймать мяч. Молодцы, ребята! Но все напрасно... Эх, Веня, где ты, почему молчишь?.. Мяч особенно ненавидит меня — и от моей ноги дважды влетает в наши собственные ворота. О, как неистово при этом ревел стадион!..

И тут наконец объявился наш Веня.

— Держи его!.. — кричал он в рупор. — Хватай его!..

На трибунах вокруг Вени образовалось свободное пространство. Он вел себя как помешанный, выкрикивал наши прозвища с великой надеждой и страстью. Сейчас он запускал в воздух великолепного воздушного змея, соединенного нитями с сотнями разноцветных шаров. Вот что было в мешке, вот на что Веня истратил деньги, отпущенные ему на пиво! Змей призывно загудел над стадионом, и вскоре шары весело запрыгали над нашей штрафной.

Как это оказалось кстати! Крнафс как раз норовил, пролетев над нами, угнездиться в наших воротах. Но не смог: запутался в сетях, которые Веня тут же, как паук, начал подтягивать к себе. Крнафсу удалось все же вырваться, он обессиленно опустился в пределах нашей штрафной. И тут я прыгнул на него. Он отпрянул, я лишь задел его руками. Крнафс явно обрадовался: игра рукой, нарушение правил! Вымпеловцы будут бить пенальти, и Кузнечик, наш голкипер, конечно, пропустит гол, — ведь ни одному вратарю в мире не доводилось брать пенальти от живого мяча...

Удар! Мяч проделал в воздухе мертвую петлю и еще какие-то адские фигуры. Кузнечик завопил и... намертво прижал крнафса к своей груди! Крнафс отбивался, но Кузнечик держал его крепко. Тут подоспели и мы. Прихватив с собою наших запасных, на подмогу мчался и Веня. Всей толпой мы придавили несчастного Кузнечика и вцепились в мяч. Крнафс выл, кричал, ругался, выращивал зубы и руки, но после того,

как Вене удалось запихнуть его в плотный про-резиненный мешок из-под шаров, мгновенно обмяк. Только тут мы обратили внимание на реакцию болельщиков: трибуны обескураженно молчали...

Весь основной состав «Строителя» дисквалифицирован на десять игр. Зато наша совесть спокойна: космический бизнесмен передан куда следует. «Вымпел», как и надо было ожидать, вновь скатился в самый низ таблицы. Мы? Мы — догоняем лидеров! То есть не мы, — мы сидим рядом с Веней на переполненных трибунах и болеем за наших юниоров, которые играют вместо нас. И как играют!.. Все «выездные модели» противника руются под их натиском.

Кстати, видите вон того парнишку, что стоит на воротах? Это младший брат Кузнечика. Тридцать три богатыря, который никогда ничему и никому не верит, заставляет его перед каждым матчем внимательно осматривать мяч...

НОВИНКИ ФАНТАСТИКИ

Михаил ГРЕШНОВ. ПРОДАВЕЦ СНОВ. Рассказы. Краснодар, Книжное издательство, 1980, 175 стр.

Шестой сборник писателя, первый НФ рассказ которого — «Золотой лотос» — был опубликован в 1980 году в нашем журнале.

Георгий ГУРЕВИЧ. ТЕМПОГРАД. Роман. М., «Молодая гвардия», 1980, 288 стр.

Далекой планете угрожает космическая катастрофа. Удастся ли людям Земли предотвратить взрыв местного солнца?..

Игорь ДРУЧИН. ПЕПЕЛЬНЫЙ СВЕТ СЕЛЕНЫ. Рассказы и повести. Кемерово, Книжное издательство, 1980, 271 стр.

Вторая книга молодого писателя-фантаста.

Александр КАЗАНЦЕВ. КУПОЛ НАДЕЖДЫ. Роман-мечта. М., «Молодая гвардия», 1980, 431 стр.

Мечта писателя — о том, как навсегда избавиться нашу планету от угрозы голода.

Лев ЛУКЬЯНОВ. ВПЕРЕД К ОБЕЗЬЯНЕ! Повесть-памфлет. М., «Детская литература», 1980, 159 стр.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ. Сборник повестей и рассказов. М., «Детская литература», 1980, 671 стр.

В ежегоднике опубликованы роман К. Булычева «На днях землетрясение в Лигоне», «Повесть о дружбе и недружбе» А. и Б. Стругацких, новые повести Д. Билленкина, А. Балабухи, Г. Шаха, американского фантаста К. Саймака.

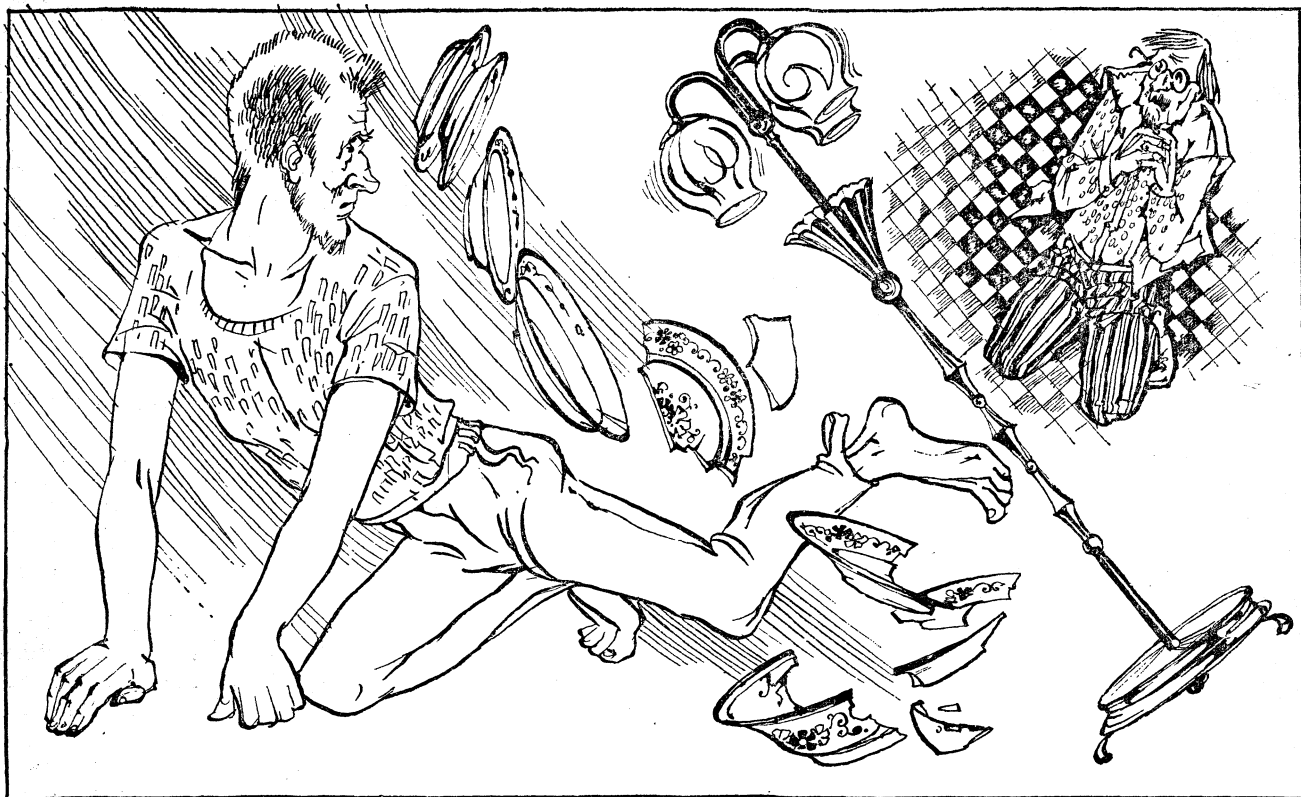
Н. Ф. Сборник научной фантастики. Вып. 22. М., «Знание», 1980, 240 стр.

Н. Ф. Сборник научной фантастики. Вып. 23. М., «Знание», 1980, 224 стр.

Среди произведений, включенных в очередные выпуски сборника, — опубликованные в «Уральском слепопите» повести «Сказка королей» О. Ларионовой, «Крутизна» П. Амнуэля, «Фальшивый подвиг (Шпион против компьютера)» Г. Прашкевича.

ПОИСК-80. Сборник повестей и рассказов. Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1980, 368 стр.

Центральное место в этом первом выпуске регионального уральского сборника приключений и фантастики занимает повесть Юрия Ярового «Зеленая кровь».

СКОЛЬЗКО ...

Владимир
БЕЛОГЛАЗКИН

Рисунок
Е. Стердиговой

Рассказ

В небольшом приволжском городке К. буйствовало лето. Стоял самый жаркий месяц — июль, и даже по вечерам вместо благодатной прохлады город окутывало тяжелое одеяло нагретого за день воздуха.

В один из таких вечеров в НИИ оптико-физических измерений, что недалеко от центра, находились два человека: вахтер Федорыч и заведующий экспериментальной лабораторией Игорь Витальевич Одинцов. Федорыч, сомлев от жары, меланхолично грыз сушки, запивая их чаем, а Игорь Витальевич сидел в своей лаборатории и лениво листал свежий номер реферативного журнала. Кроме них, в институте никого не было. Сотрудники, которых в зимнее время приходилось едва ли не силой выгонять из лаборатории, летом становились чрезвычайно пунктуальными и по окончании рабочего дня моментально исчезали: кто на дачу, кто на реку, кто домой, под спасительный душ.

Одинцова дома никто не ждал. Дочь уехала с группой топографов «за туманом и за запахом

тайги», а жена, шокированная вздорным поступком неразумного чада, срочно отбыла в санаторий поправлять пошатнувшееся здоровье. Скучно было Одинцову в опустевшей квартире, и домой он не торопился.

Игорь Витальевич перевернул очередной лист журнала и оживился. Статья под названием «Эффект аномально низкого трения» обещала быть интересной.

Автор статьи сообщал о необычном эксперименте. В установку для исследования трения поместили брусок молибденита, откачали из камеры воздух и подвергли трущуюся поверхность образца интенсивному облучению ускоренными атомами гелия. Результат был совершенно неожиданным. Приборы показали, что трение между бруском и подложкой уменьшилось в сотни раз, то есть практически исчезло.

Игорь Витальевич отнесся к статье с недоверием. Слишком неправдоподобными показались ему результаты исследования.

— Где-то у них ошибка, — предположил он. —

Приборы, наверное, подвели? Впрочем, можно проверить.

Установка для исследования трения в лаборатории имелась, и Одинцов, не откладывая дела в долгий ящик, принялся за работу.

Подготовка к эксперименту прошла гладко. Правда, в лаборатории не оказалось необходимого молибденита, и Игорь Витальевич решил пока что воспользоваться бруском германия.

Оставалось только включить рубильник. Одинцов устало выпрямился. Лишь сейчас заметил он, что за окнами совсем темно. Справедливо рассудив, что утро вечера мудренее, он запер лабораторию, сдал ключи Федорычу и пошел домой.

Федорыч же, стоило Одинцову уйти, забрался на диванчик и сладко задремал.

Проснулся вахтер под утро, от холода. Кряхтя, сполз с диванчика, закрыл форточку и, сунув в рот «беломорину», с досадой обнаружил, что спичечный коробок пуст. Тащиться за спичками в дежурку, в другой конец длинного коридора, ему не хотелось. Проще было открыть экспериментальную лабораторию, благо она не опечатывалась, и прикурить от плитки, на которой лаборанты варили кофе.

Так Федорыч и сделал. Он включил плитку, пробрался к распределительному щиту и, нащупав рубильник, повернул рукоятку...

А Игоря Витальевича разбудил звон бьющейся посуды.

Звуки доносились из соседней комнаты.

«Воры!» — пронеслась беспокойная мысль.

Одинцов шевельнулся, намереваясь вскочить на ноги, и вдруг почувствовал, что неудержимо скользит к краю кровати. Через мгновение он уже лежал на полу.

Подняться Игорю Витальевичу не удалось. Сколько он ни извивался, пытаясь опереться о пол ладонями, руки проскальзывали по паркету, словно по льду, и Одинцов вновь и вновь оказывался в лежачем положении.

— Да что же это такое?! — отчаялся он. — Ведь не сплю же я, в конце-то концов?

В том, что происходящее не сон, Игорь Витальевич убедился, крепко стукнувшись головой о ножку кровати. Он тотчас оставил попытку подняться, расположился поудобнее на спине и затах, растерянно шаря взглядом по потолку.

Грохот в соседней комнате понемногу прекратился. В наступившей тишине Одинцов слышал какой-то подозрительный шелест. Он поднял голову и обмер.

Прямо на него двигался платяной шкаф. Дверцы его были распахнуты, и с полок падало белье. Вытянув рукава, белоснежные сорочки медленно скользили по полу к Игорю Витальевичу, словно намереваясь заключить его в

свои нейлоновые объятия. Кровать развернулась поперек спальни; не отставая от нее, похожий на огромный розовый цветок, степенно плыл торшер. Было в этой картине что-то завораживающее, и Одинцов оцепенело наблюдал за ожившей вдруг мебелью.

Шкаф между тем коснулся согнутой ноги Игоря Витальевича. Тот судорожно брыкнулся. От толчка шкаф замедлил движение, а Одинцов, словно по ледяной дорожке, выскользнул в соседнюю комнату.

Там царил полнейший разгром. Цветной телевизор слепо таранился на Игоря Витальевича разбитым экраном. Японский сервиз — семейная гордость! — вывалился из открывшегося серванта и превратился в жалкую кучу фарфорового хлама. Все, что прежде находилось на столе, тумбочке, подоконнике, сгрудилось сейчас в углу комнаты, представляя собой адскую смесь разнокалиберных обломков. Не пострадал лишь телефон, да и то потому только, что стоял на полу. Отъехав на длину шнура, он при появлении Одинцова истошно зазвонил. Игорь Витальевич оттолкнулся от поверженного телевизора и приблизился к аппарату. С трудом ухватив выскальзывающую трубку, он услышал плачущий голос Федорыча:

— Батюшки мои! Да что же это делается-то? Конец света пришел! Игорь Витальевич, родной ты мой, вызволи меня отсюда, Христа ради! Смертушка, видно, моя на пороге...

— Федорыч! Что с тобой? — закричал перепуганный Одинцов.

— Да ить только плитку зажечь хотел! Рубильник включил, а тут оно и началось! Ах, грехи мои тяжкие! Говорила мне Прасковья...

Что говорила Федорычу мудрая Прасковья, осталось невыясненным. В трубке загрохотало, звякнуло и смолкло. И сколько ни крутил Игорь Витальевич диск телефона, ответом ему была мертвая тишина.

Одинцов распластался на полу и попытался осмыслить происходящее. Он не сомневался в том, что рубильник включен именно в экспериментальной лаборатории, за Федорычем и раньше числились подобные вольности. Значит, пришла в действие установка для исследования трения. Поток частиц облучил брусок германия, трение между ним и подложкой исчезло.

— Упало до минимума, — поправил себя Игорь Витальевич. — Ну и что? Как связать то, что произошло в лаборатории, с этим погромом? Связь несомненно есть. Но какая? Начнем сначала... Включен рубильник. Трение между образцом и подложкой уменьшилось, почти исчезло. Трение исчезло...

Игорь Витальевич несколько раз повторил последние слова и внезапно почувствовал, как от догадки по спине пробежали мурашки.

— Нет, это невозможно,— сказал он громко,— не бывает такого! У меня в квартире нет трения?! Челуха!

Но как ни старался Одинцов найти иное объяснение случившемуся, он в конце концов капитулировал перед очевидным: брусок германия, подвергнутый в лаборатории бомбардировке атомами гелия, в ответ породил мощное ответное поле, которое и уничтожило трение. В том числе и здесь, в квартире Одинцовых,— ведь только отсутствием трения можно было объяснить падение предметов и самовольное перемещение мебели. Ни одна поверхность, будь то пол или крышка стола, не может быть идеально ровной, она непременно имеет наклон. По этому-то наклону и устремился японский сервиз стоимостью в тысячу с лишним...

— И цветной телевизор за восемьсот,— вздохнул Игорь Витальевич.— Ох, и попадет мне от жены!

Он прикинул расстояние от квартиры до института, представил, что сейчас творится в окрестных домах, вспомнил истошный крик Федорыча и понял, что установку надо выключить. И чем скорее, тем лучше.

Одинцов стал одеваться. Это было мукой! Туфли он кое-как надел, загнав их между шкафом и письменным столом, но от брюк пришлось отказаться и довольствоваться трико.

Рубашку Игорь Витальевич надевать не стал.

— Лето, жара,— малодушно подумал он.

Наконец, сборы были закончены. Игорь Витальевич бросил прощальный взгляд на разгромленную квартиру и, промучившись четверть часа с замком, решительно выехал за дверь. По ступенькам он съезжал сидя, судорожно цепляясь за перила, но перед самым выходом все же едва не скатился в черную пропасть подвала. Он со страхом посмотрел в темноту—оттуда бы ему не выбраться...

Игорь Витальевич отворил дверь подъезда и осторожно выглянул наружу.

По улице текла мусорная река. Чего тут только не было! Кирпичи, обломки досок, клочья бумаги, всевозможные железяки, битое стекло, камни— все это величаво двигалось под уклон и исчезало за поворотом. Людей на улице не было. Очевидно, жители городка еще не успели прийти в себя и отсиживались по домам.

На ноги Игорь Витальевич подняться не рискнул. Он наклонил туловище к коленям, чтобы не перетянуло на спину, и выехал на середину дороги.

Вставало солнце. С Волги веял прохладный ветерок, весело щебетали птицы, и настроение у Одинцова понемногу улучшилось.

— Стоит ли горевать?— рассуждал он, отпихивая ногой слишком уж назойливый ящик.—

И черт с ним, с сервизом... Совершенно одно из величайших открытий века!

Надо сказать, что тщеславным человеком, а тем более карьеристом Игорь Витальевич не был. Удачам коллег он радовался, как своим собственным, и никто не мог утверждать, что его поздравления на банкетах, посвященных защитам докторских диссертаций, звучали фальшиво. Но кто бы на месте Одинцова не почувствовал гордость за себя? Кому же не лестно было бы прочитать в газетах бьющие в глаза заголовки: «Триумф советской науки!», «Замечательное открытие советского ученого!» Приятно? Безусловно.

Игорь Витальевич замечтался. Он не заметил, как проехал мимо института, и опомнился, лишь когда его качнуло на выбоине, словно на волне, и увлекло в боковую улочку.

Одинцов забеспокоился. Надо было немедленно возвращаться. Но как? Дорога, как назло, была без ухабов и рытвин, зацепиться было абсолютно не за что.

Тревожные раздумья Игоря Витальевича прервал собачий визг. Метрах в двадцати впереди него из подворотни деревянного одноэтажного домика выплыла кудлатая тощая дворняжка. Увидев Одинцова, она завизжала еще отчаяннее, попыталась вскочить, но тут же снова бухнулась на землю.

Они проехали еще метров пятьдесят, и Игорь Витальевич услышал прямо по курсу непонятный шум.

Впереди была стройка.

Котлован, рытье которого продолжалось третий год, поражал своими размерами.

Впрочем, испугал Одинцова в данный момент не сам по себе факт непомерно затянувшегося строительства. Похолодев, Игорь Витальевич увидел, что котлован почти доверху наполнен мусором и именно туда впадает улочка-река, по которой он плывет.

В трансе Одинцов проследил, как исчезла в недрах котлована бетонная плита, как мерно колыхнулась поверхность чудовищного болота, как обреченно закивала стрела подъемного крана, похожая на хобот утонувшего в трясине мамонта. И только когда достиг высокой ноты и внезапно оборвался собачий визг, Игорь Витальевич очнулся от столбняка. Он перевернулся на живот и судорожно заскреб ногтями по асфальту.

Тщетно! С таким же успехом утопающий хватается за воду, пытаясь удержаться на поверхности. Одинцова неотвратимо несло навстречу гибели. Теперь не хвалебные заголовки газет мерещились Игорю Витальевичу, а грустные, обведенные траурной каймой слова: «Группа товарищей глубоко скорбит... безвременная кончина... выдающийся ученый...»

— Утонул в яме с мусором,— подвел итог

Игорь Витальевич и еще отчаяннее заработал руками.

Ему повезло. Когда котлован был всего в нескольких метрах и гибель казалась неминуемой, рука его наткнулась на твердый предмет. Сквозь застилавшую глаза пелену Одинцов увидел кирпич. С силой отшвырнув его, Игорь Витальевич к удивлению своему заметил, что движение замедлилось. Поддавая руками и ногами по мало-мальски массивным предметам, Одинцов вскоре остановился, а затем медленно поплыл против течения.

Через полчаса ему удалось добраться до поворота. Обхватив торчащий из земли столбик, Игорь Витальевич некоторое время отдыхал, успокаивая бешено колотившееся сердце.

Потом примерился, резко оттолкнулся и торпедой поплыл к забору, который ограждал институтский корпус.

В вестибюль Одинцов проник, когда солнце стояло высоко над домами. Измученный борьбой со ступеньками и дверью, он, однако, не стал задерживаться и после нескольких неудачных попыток въехал в экспериментальную лабораторию.

Федорыч, окруженный остовами разбитых приборов, лежал в углу и что-то невнятно бормотал. Разбираться в том, не сошел ли вахтер с ума под бременем тяжелых испытаний, Одинцов решил позже, а сейчас, осмотревшись и даже не пытаясь подняться на ноги, он ухватил злополучную плитку за шнур, подтянул к себе, примерился и швырнул ее в распределительный щит.

Посыпались искры, в лаборатории запахло горелым, но Игорь Витальевич уже не обращал внимания на такие пустяки. Он стоял на ногах!..

Привыкнув к этому полузабытому ощущению, он затем осторожно сделал шаг, другой, притопнул и внезапно заплясал, неуклюже приседая, крича что-то бессвязно-ликующее. Затем, усталый, сел, привалился к стене и заснул под непрерывное и убаюкивающее монотонное бормотание Федорыча, оставшегося совершенно безучастным к происходящему.

Сейчас Игорь Витальевич живет и работает в Москве. Он академик, лауреат Нобелевской премии, руководит институтом всесоюзного значения. Подчиненные уважают его за деловитость, энергию, хотя и посмеиваются втихомолку над одной странностью Одинцова. Дело в том, что, уходя домой, он всякий раз, как бы между прочим, оставляет на столике у вахтера коробок спичек...

НОВИНКИ ФАНТАСТИКИ ● НОВИНКИ ФАНТАСТИКИ ● НОВИНКИ ФАНТАСТИКИ

Евгений ПОПОВ. НЕВИДИИ. Повесть. Киев, «Молодь», 1980, 178 стр.

Георгий САДОВНИКОВ. ПЕШКОМ НАД ОБЛАКАМИ. Повесть-сказка. М., «Детская литература», 1980, 239 стр.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, Борис СТРУГАЦКИЙ. НЕНАЗНАЧЕННЫЕ ВСТРЕЧИ. Повести. М., «Молодая гвардия», 1980, 352 стр.

В сборник включены повести «Извне», «Пикник на обочине» и «Малыш».

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, Борис СТРУГАЦКИЙ. ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ. Повесть. Баку, «Азернешр», 1980, 322 стр.

В книгу, помимо заглавной, вошла повесть «Хищные вещи века».

ФАНТАСТИКА-80. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1981, 387 стр.

Александр ШАЛИМОВ. ОКНО В БЕСКОНЕЧНОСТЬ. Рассказы и повесть. Л., «Детская литература», 1980, 222 стр.

Сборник составили повесть «Приобщение к большинству» и шесть рассказов, два из которых — «Окно в бесконечность» и «Неудачный эксперимент» — печатались в нашем журнале.

Владимир ЩЕРБАКОВ. СЕМЬ СТИХИИ. Роман. М., «Молодая гвардия», 1980, 336 стр.

Зяновий ЮРЬЕВ. ДАРЮ ВАМ ПАМЯТЬ. Роман. М., «Детская литература», 1980, 335 стр.

Подборки НФ рассказов опубликованы также в сборниках «На суше и на море» (М., «Мысль», 1980) и «Собеседник» (вып. 5, Новосибирск, 1980).

В минувшем году переиздавались романы А. Грина, «Гиперболоид инженера Гарина» А. Толстого, «В простор планетный» А. Палея, «Кратер Эршота» В. Пальмана, «Повести о Ветугине» Л. Платова; из зарубежной фантастики — романы Ж. Верна, Ж. Рони, Д. Свинфта. «Гибель 31-го отдела» П. Валё, «Туннель» Б. Келлермана, «Человек-невидимка» Г. Уэллса, «Война с саламандрами» К. Чапека. Вышли также в переводе на русский язык: Павел ВЕЖИНОВ. БАРЬЕР. Повесть. Перевод с болгарского. М., «Прогресс», 1980, 150 стр.

Вместе с повестью венгра Лайоша Мештерхази «Великолепная рыбка» переиздана также в сборнике повестей писателей социалистических стран «И снова встреча», вышедшем в прошлом году в «Роман-газете».

Урсула ЛЕ ГУИН. ПЛАНЕТА ИЗГНАНИЯ. Сборник произведений. Перевод с англ. М., «Мир», 1980, 396 стр.

Книгу известной американской писательницы составили повести «Планета изгнания», «Слово для «леса» и «мира» одно» и три рассказа.

ПАРАЛЛЕЛИ. Сборник. Перевод с немецкого. М., «Молодая гвардия», 1980, 239 стр.

Сборник НФ повестей и рассказов писателей ГДР.

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГОЖИТЕЛЬ. Сборник. Перевод с венгерского. М., «Мир», 1980, 328 стр.

Первый у нас сборник рассказов венгерских писателей-фантастов.

В течение года выпущена лишь одна книга о фантастике:

Вл. ГАКОВ. ВИТОК СПИРАЛИ. Зарубежная научная фантастика 60—70-х годов. М., «Знание», 1980, 64 стр.

В этой небольшой по объему брошюре сконцентрирована разнообразная информация о зарубежной (в основном, об англо-американской) фантастике последних десятилетий.

Подарок друга

**Геннадий
ДМИТРИН**

...Баржа тонула. Давно отслужившая свой век, проржавевшая посудина медленно уходила под воду, не выдержав тяжелого перехода от Углича. Люди успели перебраться на берег и вот теперь, стоя на пустынном волжском берегу, молча наблюдали печальное зрелище. На барже остался их домашний скарб, но не о нем думали они сейчас. На их глазах погибал драгоценный груз — заводское оборудование, которое так ждут на Урале. Все понимали, что нет им дороги к назначенному месту, пока не выручат груз. Эти станки, прессы должны работать для фронта.

Через несколько дней люди вернулись на берег. Они пригнали с собой несколько тракторов, привезли тросы, лебедки. Прибыла и команда водолазов. Хотя баржа затонула и неподалеку от берега, но предстояла тяжелая и опасная работа. Одним из первых на спасательный катер поднялся высокий пожилой мужчина, с лицом суровым, с большими, как молоты, руками. И когда поднимали груз из реки, и после, когда перетаскивали ящики с оборудованием до ближайшей железнодорожной станции, этот крутолобый богатырь и на минуту не оставался без дела, брал на себя двойную долю работы. Агент сразу выдавал в нем иностранца. Но, судя по дружескому отношению окружающих, здесь, среди рабочих людей, он был своим человеком.

Да, австрийский коммунист, политический эмигрант Адольф Страка не чувствовал себя в советской среде чужим. Вот уже два года как он трудился рука об руку с русскими товарищами, своей простотой, неприхотливостью, привычкой к труду, смекалкой заслужив их немногословное, но глубокое доверие.

За спиной у Страки лежала крутая судьба. Еще в 1919 году он был бойцом интернационального полка венгерской Красной Армии. Участвовал в революционной борьбе у себя на родине — в Австрии, подвергаясь полицейским и судебным преследованиям. А когда фашисты развязали в 1936 году войну в Испании, он пошел сражаться против них на стороне республиканцев. Почти два года пробыл Страка в составе интернациональной бригады. После поражения Испанской республики он не смог вернуться на родину, и дорога революционера привела его в Советский Союз — первую и единственную тогда страну социализма. Он

стал рабочим Угличского завода точных технических камней.

Шел второй год войны. Там — на западе, гремели залпы орудий, взрывали землю бомбы, горели и рушились города, села. А здесь, в далеком уральском поселке, затеряншемся среди заснеженных горных кражей, казалось, было тихо. Но тишина эта была обманчивой. Два раза в сутки ее разрывал простуженный заводской гудок и тогда из ворот проходной выливался на улицу темный людской поток: женщины, пожилые мужчины, подростки. А в цехах, у станков и верстачных стоек их места уже заняли сменщики, и вот так, безостановочно, месяц за месяцем шла работа, нужная фронту работа. Продукция Кусинского завода точных технических камней была необходима для изготовления приборов, часов, которыми оснащались танки, самолеты. Маленький уральский городок, как и вся огромная страда, жил заботами фронта.

Адольф Страка был мастером на все руки — без малейшего преувеличения. Не существовало такой слесарской загвоздки, с которой бы он не справился. К нему шли за помощью, если где что не ладилось. А сколько учеников прошло через его руки! И учил он их не только тому, как затачивать резцы или пользоваться мерительным инструментом, но и многому другому. Пятнадцатилетнему парнишке Анатолию Малкову он рассказывал между делом:

— Когда я жил в Австрии, то часто оставался без работы. А это значит — хлебнуть горя. Но я не терял головы, смотрел вокруг и брался за всякое занятие. Я много умею. Могу шить себе костюм, могу быть прачкой, могу готовить пищу и напитки, хотя это и женские занятия. Но я могу починить мотоцикл и станок, сделать замок, который никто не откроет. Жизнь меня научила. Я учу тебя, твой мастер учит тебя, но ты еще сам учи себя, учишь у жизни. Тогда будешь настоящим человеком.

Порою, видя чью-то минутную слабость, он говорил:

— Камрад, нам здесь трудно, а там, на фронте, труднее. Еще много нужно нашей ненависти, нашего труда, чтобы разбить фашизм.

Никто не назначал Страку агитатором, но он был им: убеждал лю-

дей и живым примером, и силой страстного слова.

Адольф Томасович часто заходил на участок, где работал мастером пожилой ленинградский ювелир Леонид Александрович Гольде, чтобы поговорить с ним на родном языке. Страка не раз жаловался, что райком партии отклоняет его прошения об отправке на фронт. Однажды, придя к Гольде, он, с силой стукнув кулаком по столу, сказал:

— Я — антифашист, а меня держат в тылу. Зачем меня обижают? В тылу можете вы, старики, работать. Я всегда был впереди, а сейчас я сзади. Антифашист всегда должен сражаться на самом переднем крае.

Но каждый раз в парткоме или военкомате ему отвечали:

— Товарищ Страка, мы понимаем ваши чувства, но сегодня вы нужнее здесь, на заводе...

Наступил февраль 1943 года. По всему Уралу в те дни шел сбор подарков фронтовикам — к празднику Красной Армии. Эта, идущая от сердца, забота нашла поддержку и в Кусе. Табак, кисеты, теплые носки, домашнее печенье — кто что мог, то и вносил в общий котел. Разве мог остаться в стороне и Страка? После смены он пришел домой, открыл самодельный сундучок и с самого низа вытащил какой-то предмет, завернутый в тряпочку. Развернул ее, на огромную ладонь лег оптический прицел — изделие знаменитой Цейсовской фабрики.

Адольф Томасович задумался, ведь сколько много в жизни было связано с этим прицелом — прицелом № 305004. 15 июля 1927 года во время восстания венских рабочих его боевая дружина разгромила в центре города оружейный магазин. С тех пор он не расставался с прицелом. Добрую службу он сослужил в Испании, в боях с франкистами. С ним надеялся он крушить фашистов и в этой войне, но, видно, не судьба. Так зачем же прицелу лежать без дела на дне сундука? Пусть он перейдет в достойные руки, принесет пользу.

И Адольф сел за письмо. Слова сами ложились на бумагу, подсказанные сердцем борца-коммуниста:

«Дорогой боец! Я, Адольф Страка, по национальности австриец, по профессии слесарь. Посылаю тебе свой подарок, который мне очень дорог. Дорог потому, что этот снайперский прицел достался мне ценой крови. Мое пожелание — чтобы он попал человеку со смелым сердцем, твердой рукой и метким глазом. Я верю, что прицел сослужит тебе добрую службу, мой незнакомый друг, и ты будешь беспощадно уничтожать фашистских извергов. Ты должен меня понять, что и в этой войне я хотел бы воевать плечом к плечу с совет-

скими людьми против нашего злейшего врага. Пока мне это не удалось, хотя и очень хочется. И я отдаю все свои силы делам трудовым. Сердцем и мыслями я всегда с тобой, дорогой боец Красной Армии. Адольф Страка, слесарь. Гор. Куса, Челябинская область».

А через несколько дней делегация Челябинской области прибыла на Северо-Западный фронт, в часть, окопавшуюся у берегов Ловати. Тогда и вручила врач Шадринского госпитали Таисия Шевелева знатному воину фронта Жамбылу Тулаеву письмо и дорогой подарок от друга — австрийского коммуниста Адольфа Страки. Его прицел попал по назначению, достался, как того и хотел Страка, человеку «со смелым сердцем, твердой рукой и метким глазом». На снайперском счету Героя Советского Союза Тулаева уже числится более 300 вражеских солдат и офицеров. А вскоре он вышел на передовую с новым прицелом и успешно пользовался им до конца войны.

Как же сложилась дальнейшая судьба Адольфа Томасовича? После войны он решил вернуться в Австрию.

— Раз не бил Гитлера на фронте, пойду бить его дома. Гитлер сразу не сдохнет. Я антифашист и должен помочь доконать Гитлера.

Гольде по-приятельски уговаривал его остаться в Кусе, зажить спокойной жизнью, но Страка отвергал такую мысль, считая, что он должен ехать домой и «делать лучшую долю для рабочих».

Гольде говорил про него:
— Удивительный человек. Ему для себя ничего не надо. Он только старается для других...

Летом 1945 года Страка съездил в Москву для оформления выездных документов, потом снова — в последний раз — появился в Кусе. Он, смеясь, рассказывал друзьям, что его не могут «экипировать сразу, стандарт ему не подходит и ему специально шьют костюм, пальто и даже ботинки». Перед отъездом из Кусы Адольф Томасович раздал весь свой инструмент знакомым слесарям, раздарил и библиотечку. Когда друзья провожали Страку на поезд, то на лацкане его пиджака блестела медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

На Кусинском заводе твердых технических камней и сейчас многие помнят этого замечательного человека. Добрый след оставил после себя австрийский коммунист-антифашист в этом горном уголке. Виктора Буянова он научил слесарному мастерству, Елене Александровне Хавротиной помогал в трудные для нее дни, она с благодарностью вспоми-

нала его отеческую заботу. Тесная дружба связывала его и с товарищами по цеху — Василием Богдановым, Борисом Агафоновым, Анатолием Малкиным, Иваном Тупицыным. К этому суровому на вид, но добродушному, отзывчивому человеку тянулись и его ровесники, и мальчишки, пришедшие на завод в те трудные военные дни.

В свою очередь уральские рабочие многое дали Адольфу Страке — приняли его в свой круг, дали кров и работу, согрели теплом братской дружбы.

В Австрию Адольф Томасович уехал вместе с женой — Таисией Захаровной. Урала он не забывал, и еще долго его кусинские друзья получали приветы из далекой страны. Но потом пришло горестное известие, что он умер — сказались старье раны и тяжелая, беспокойная жизнь.

О Жамбыле Тулаеве известно, что после войны он вернулся в родную Бурятию, где его встретили, как народного героя. Некоторое время бывший фронтовик работал председателем колхоза. Здесь свято чтут память об этом достойном воине и труженике.

Посланцы мезолита

**Анатолий
ОМЕЛЬЧУК**

Вначале ничто не предвещало сенсации. Находки на мысе Корчаги, на обском берегу, недалеко от Салехарда, были скромными: скребки, нуклеусы — каменные желваки с оббитыми краями. Этими пластинами древние охотники пользовались, как ножами и копьями. Леонид Хлобыстин, руководитель Северосибирской экспедиции, старший научный сотрудник из Ленинградского отделения института археологии АН СССР, определил возраст находок:

— Мезолит. Третье тысячелетие до нашей эры.

Когда древние камни показали специалисту по археологии Урала, доктору исторических наук О. Н. Бадеру, он согласился с этим мнением:

— Да, пять-шесть тысяч лет, не больше.

Но из специальной лаборатории института, где проводят более тщательные и точные исследования, в частности, радиоуглеродным методом, поступил сенсационный ответ: — Находкам с берегов нижней Оби как минимум семь с половиной тысяч лет.

Более древних орудий археологи на территории севера Западной Сибири не находили. Раньше приоритет в этой области принадлежал Таймыру, где Хлобыстин несколько лет назад обнаружил мезолитические камни шеститысячелетнего возраста.

Таким образом, уже сейчас наука

располагает вещественными свидетельствами того, что семь с половиной тысяч лет назад берега суровой Оби в ее самом нижнем течении были обжиты людьми. Кто они были, древние охотники? Существует гипотеза о том, что современные ненцы — потомки какого-то древнего аборигенного населения Севера и пришедших уже в нашу эру саянских самодийцев. Судя по всему, каменные орудия принадлежали этим северным аборигенам, мужественно обживавшим полярные берега.

Кандидат исторических наук Л. П. Хлобыстин считает, что находки на мысе Корчаги агитируют за более интенсивные археологические поиски на севере Сибири. Эти поиски могут приоткрыть тайны самого первого освоения человеком суровых мест.

Из рода Лермонтовых

Виталий ПАШИН

Многие годы костромской краевед А. Григоров занимается составлением родословной Лермонтовых, предок которых Георг Лермант в начале XVII века получил земельный надел неподалеку от Костромы.

В XIX — начале XX веков в Костромской губернии жило немало родственников М. Ю. Лермонтова. Сейчас выявлены 240 потомков Лерманта — дальних и близких родственников поэта. В тринадцать поколений этого рода было много отважных воинов, деятелей освободительного движения — декабрист, морской офицер Дмитрий Николаевич Лермонтов, герой войны 1877—1878 годов за освобождение Болгарии Александр Михайлович Лермонтов, боец Первой конной армии Буденного Владимир Михайлович Лермонтов, полковник Советской Армии, участник Великой Отечественной войны Петр Николаевич Лермонтов и другие.

В рукописном отделе Государственной библиотеки имени Ленина А. Григоров обнаружил любопытный документ, устанавливающий связь одного из Лермонтовых с участниками неудавшегося покушения на царя 1 марта 1887 года. На Петербургской квартире статского советника Г. В. Лермонтова собирались члены экономического кружка студентов университета. Его членами были Александр Ильич Ульянов и сын хозяина квартиры Геннадий Геннадиевич Лермонтов. Непосредственного участия в покушении на Александра III он не принимал и потому избежал участи привлеченных к суду народолюбцев. Однако до конца жизни Г. Г. Лермонтов находился под негласным надзором полиции.

Шнуровая книга

Александр БРЫЛИН

Директор народного музея села Коптелово Свердловской области А. Г. Потаскуев нашел старую шнуровую книгу. Она была составлена в прошлом веке его отцом землемером Г. К. Потаскуевым. По этой книге велся учет земельных угодий между крестьянами деревни Сарафаново.

У книги нет бумажных листов — она деревянная. На шнуре толщиной почти в палец нанизаны деревянные плашки, называемые коклюшками. Особыми знаками-зарубками на коклюшку заносилось условное обозначение хозяина и количество выделенного ему земельного надела. Затем коклюшку скалывали вдоль до глубокого выреза на середине. Полученная четвертинка, называемая рубежиком, выдавалась владельцу земли как документ на право пользования. На рубежике оставались те же обозначения, что и на коклюшке.

Если возникал спор о земельном участке, то крестьянин предъявлял в волостное правление рубежик, там отыскивали коклюшку, с которой он был отколот. Подделать или подогнать скол рубежика под коклюшку было невозможно. Сколы не повторялись, как не повторяются отпечатки человеческих пальцев.

Этот способ применялся в уральских селах и деревнях и в других случаях. В селе Покровском, например, синильщики, принимая на окраску холсты, прикрепляли к ним несколько упрощенную коклюшку, а рубежик выдавали как квитанцию.

Вероятно, такие шнуровые книги и квитанции появились давно, может, и до появления бумаги. Но зачем понадобилась такая книга в деревне Сарафаново в конце прошлого века? Всего одна конторская книга из бумаги вполне бы уместила все сведения о земельных наделах не такой уж большой деревни. Дело, оказывается, в том, что прочесть-то эту книгу мог бы только сельский писарь. Крестьяне же деревни были почти все неграмотны...

А. Г. Потаскуев подарил уникальную «книгу» Свердловскому историко-революционному музею, где она и экспонируется.

Где была

подпольная типография...

В Перми, в небольшом доме, что на улице Орджоникидзе, 142, открыт музей. Здесь в 1906 году помещалась типография Пермского комитета РСДРП.

В музее бережно хранятся предметы быта далекого прошлого и типографская техника — печатный станок, наборная касса со шрифтами, валик для накатки... На одной из стен — фотографии Михаила Туркина, Дмитрия Латышева и Александры Костаревой. Они весной 1906 года напечатали 52,5 тысячи листовок. Особенно ценна в экспозиции прокламация под заголовком «Три конституции», написанная В. И. Лениным.

Много материалов посвящено Я. М. Свердлову, под руководством которого работали подпольщики.

После подавления декабрьского вооруженного восстания в Мотовилихе начались повальные аресты. Пермская партийная организация была обескровлена. В начале 1906 года подпольная типогра-

фия почти не работала, листовки снова печатали на гектографе.

В феврале из Екатеринбурга приехали Я. М. Свердлов и К. Т. Новгородцева. Они взялись за восстановление партийной организации. В полную силу стала работать типография. Только в апреле 1906 года трое подпольщиков напечатали 19200 листовок.

9 июня на Монастырской (так называлась раньше улица Орджоникидзе) полиция задержала Андрея Мальцева, который вез в типографию бумагу.

Ночью 10 июня полиция захватила типографию. В это время подпольщики печатали листовку с текстом программы РСДРП. 11 июня на улице схватили Я. М. Свердлова и К. Т. Новгородцеву. Но через несколько дней в Перми появились новые листовки...

В. ПРОСКУРИН

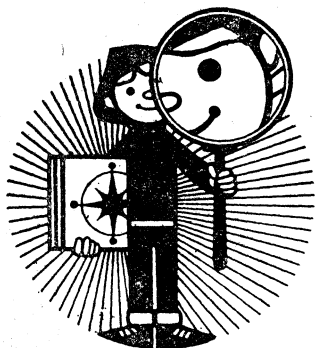

Дальний приезд уральской геологии

На Полярном Урале уже открыто много полезных ископаемых, но освоение района еще не начато, там нет пока ни одного горнорудного предприятия — ни шахты, ни рудника, ни карьера. Однако для перспективного исследования территории края в прошлом году была создана Полярно-Уральская экспедиция института геологии и геохимии им. академика А. Н. Заварицкого Уральского научного центра АН СССР, и сразу же девять полевых отрядов приступили к работе на далеком Севере. Даны конкретные рекомендации, как искать на Полярном Урале железные и медные руды, бокситы и хромиты и другие ценные ископаемые.

Минерально-сырьевая база Урала в ближайшем будущем расширится за счет выявления новых рудных концентраций в отдаленных и слабо изученных районах.

А. КОПАЙСКИЙ

МИР

НА ЛАДОНИ

На земле Дагестана

Этот снимок был сделан десять лет назад в Махачкале. Тогда Свердловская киностудия снимала документальный цветной фильм «Мой Дагестан» по сценарию замечательного советского поэта Расула Гамзатова. Поэт сфотографировался с участниками творческой группы киностудии в перерыве между съемками.

Снимок публикуется впервые.

В. ГАЛИН

Квадрат вместо колеса

Очень давно человек изобрел колесо для телеги. Позднее появились колеса для машин разного назначения. А совсем недавно появилось новое колесо, совсем не похожее на все существующие.

Как быть, если даже рельефные протекторы тракторов оказываются бессильными, безнадежно вязнут в зыбком болотистом

грунте? Ленинградские специалисты по землеройным машинам изобрели удивительное колесо. По своей форме оно напоминает скорее квадрат, чем круг. С помощью системы гидроприводов квадрату придается принудительное движение. Трактор, обутый в квадраты, шагает по кочкам, зыбкому болотистому грунту...

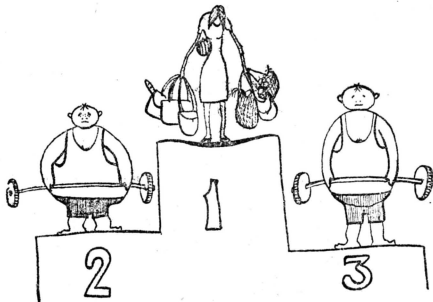

Рисунок И. Шамровой (г. Москва)

Фамильный архив Садовских

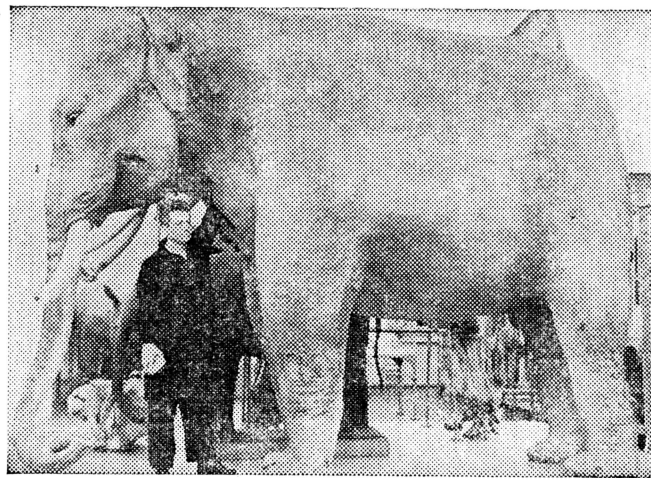
В фондах Щельковского музея-заповедника А. Н. Островского хранятся семейные архивы актерской династии Садовских. Несколько поколений этой замечательной фамилии считали Щельково своим родовым приютом. Сам А. Н. Островский очень любил, когда в его усадьбу приезжали актеры Малого театра, те, кого драматург по праву называл своими друзьями-соавторами.

В первые послереволюционные годы в Щельково был открыт Дом отдыха Малого театра. Одним из первых, кто проводил здесь свои отпуска, был народный артист СССР

Пров Михайлович Садовский (1874—1947).

Когда Щельковский Дом драматурга был преобразован в мемориальный музей, многие актеры Малого театра, в том числе и Садовский, передали в его фонды свои семейные архивы. Большую ценность представляют документы, касающиеся творчества П. М. Садовского: статьи и рецензии на спектакли с его участием, многочисленные фотографии, афиши. Здесь же находится текст речи Луначарского по поводу юбилейного спектакля Садовского в 1922 году с автором.

В. ПАШИН

Слон из прошлого

Помните, как в басне И. А. Крылова: «По улицам слона водили...» Один из таких слонов дождался до наших дней в виде пустотелого чучела. А узнали о том, что под шкурой слона, кроме деревянной подпорки, ничего нет, с помощью зажженной электрической лампочки, опущенной внутрь чучела. Таксидермист М. Заславский обнаружил, что вместо соломы, которую прежде применяли при изготовлении музейных экспонатов, на этот раз использовано папье-маше.

Слон, находящийся в Зоологическом музее Академии наук СССР, сделан точь-в-точь таким, как тот, что по улицам водили во времена Крылова...

На снимке: чучело индийского слона.

В. КРИВОШЕИН

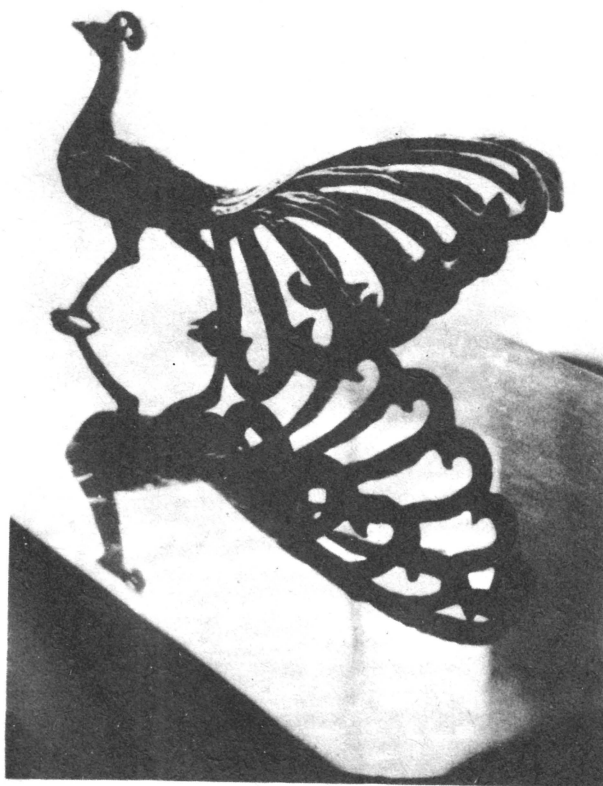
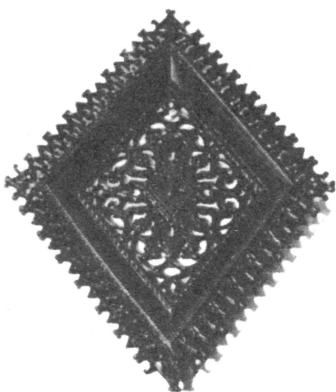
Чарующий чугун

Свердловский инженер Елена Петровна Корнейчук стала коллекционировать художественное чугунное литье лет тридцать назад, а искусил ее на это занятие... чертик. Да, так оно и было: ей подарили на день рождения веселого чугунного чертика, который ее очаровал. Теперь у Елены Петровны почти полторы сотни фигурок из чугуна. Вот тонкий, как рапира, Дон-Кихот. А тот «меченосный» богатырь — Ермак. Здесь можно увидеть чугунных Мефистофеля и Мюнхаузена. Словом, знаменитые люди из произведений литературы и из жизни. Изумительно тонкое, достоверное литье, например, фигура башкира на коне. Сделано — в Каслях. Есть у Елены Петровны также работы из другого на Урале города, прославившего литье из чугуна, — из Кусы.

Этим летом собиратель чугунных чудес Елена Петровна, как и прежде, поедет в Касли, в Кусу. У нее новый следопытский поиск. В ее коллекции есть прелестная женская головка (на снимке). Говорят, якобы это скульптор увековечил свою молодую жену, преждевременно умершую. Но кто же скульптор и как звали его жену! На эти вопросы и хотела бы найти ответы Елена Петровна Корнейчук.

А. КОПАЙСКИЙ

Фото А. Лысякова

КАМЕННАЯ ПАЛИТРА

Монументальные дворцы и богатые особняки, храмы и архитектурные ансамбли прошлого неизменно поражают наше воображение роскошью отделки — мраморными колоннами, облицованными камнем каминами, вазами из яшмы, родонита, лиственита. Но часто ли мы, онемев от восхищения, вспоминаем, что руками человеческими сделана эта красота? Создавали ее российские мастера, в том числе уральские, — горщики, каменотесы, камнерезы, гранильщики...

Красив камень: тут и пестрота яшм, и едва намеченные тона ангидрита, розовые разводы родонита-орлеца, разноцветная палитра мраморов. Но и не было тяжелее работы, чем обработать каменную глыбу...

Природный камень — традиционный поделочный и облицовочный материал. И нынче любимы мы им: столь же красиво отделяются камнем перронные залы и вестибюли метро, Дворцы культуры и другие сооружения.

Яшма известна со времен неандертальских, из нее вытачивали наконечники для стрел, ножи, скребки — уже первобытные люди оценили ее необычайную крепость.

Широко использовался и мрамор: на старом Горнощитском заводе обрабатывали мрамор двадцати расцветок. Белый и желтоватый мрамор был излюбленным материалом ваятелей древности и средневековья. А зеленый лиственит — исконно уральский камень, он и открыт впервые на Урале.

Но вернемся к яшмам. Еще российский Горный устав считал яшму ценным камнем для построек и украшений. Многоцветье и кремниевая прочность ставят ее на первое место среди поделочных камней. Именно поэтому стоит задуматься над судьбой уральских яшм и не особенно верить на слово оптимистам, которые утверждают, что запасы яшм вечны.

Ревизию давно известных яшмовых месторождений на Южном Урале провели в последние годы ребята из юношеской геологической партии свердловской школы № 130. А юные геологи Башкирии обратились с призывом взять месторождения яшм под охрану закона. Эти меры совсем не кажутся лишними.

Фото А. Нагибина